

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 1 / 2022

Том 28

DOI: 10.19181/nko.2022.28.1

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2022

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН; декан социологического факультета РГГУ.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.
Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирendra, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS; Dean of the Sociology Department, RSUH.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Содержание

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Селезнёв И. А.

Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал
стран Центрально-Азиатского региона 6

Ролёнок А. В.

Амбивалентность глобализации: кейс Беларуси 20

Гуселетов Б. П.

Итоги парламентских выборов в Португалии
и их влияние на российско-португальские отношения 33

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сакка Ф., Бельмонт Р.

Рассказы женщин от первого лица как инструмент разрушения
стереотипных представлений о гендерном насилии (на англ.) 43

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Ласкар М. Х.

Глобальное общество потребления и потребительские тенденции
в Индии (на англ.) 54

Симоянов А. В.

Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность 66

Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р.

Преподаватели-гуманитарии в российских вузах: кризис
профессиональной группы или адаптация к «новой нормальности»? 76

СЛОВО МОЛОДЫМ

Чиряева Л. М.

Женщины в системе властных отношений Республики Саха (Якутия) 90

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2022
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2022

Content

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Seleznev I. A.
Eurasian integration and the interstate conflict potential
of the countries of the Central Asian region 6

Rolionok A. V.
Ambivalence of globalization: Case of Belarus 20

Guseletov B. P.
Results of the parliamentary elections in Portugal
and their impact on Russian-Portuguese relations 33

GENDER RELATIONS

Saccà F., Belmonte R.
Women first-person narrative as a tool for deconstructing
stereotyped representations of gender-based violence 43

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

Laskar M. H.
Global consumer society and Trend of Consumption in India 54

Simoyanov A. V.
Social dependents: political tale and scientific reality 66

Shinyaeva O. V., Akhmetshina E. R.
Humanities teachers in Russian universities: the crisis of the professional group
or adaptation to the “new normality”? 76

FLOOR TO THE YOUNG

Chiryayeva L.M.
Women in the system of power relations of the Republic of Sakha (Yakutia) 90

© ISPR FCTAS RAS, 2022
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2022

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.1
УДК 327.3

И. А. Селезнёв¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены внешние вызовы безопасности в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), причины межгосударственной нестабильности и возникновения региональных конфликтов. Исследование проведено в рамках теории конфликта. В качестве основных конфликтогенных внешнеполитических факторов в ЦАР действуют: наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов; угроза распространения нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР; усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР, растущая зависимость стран ЦАР от КНР; проникновение в ЦАР внерегиональных, западных акторов; конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориально-пограничные споры. Рассмотрены проблемы приграничного взаимодействия и общего использования водных и энергетических ресурсов в ЦАР. Обозначены причины возникновения межгосударственных конфликтных ситуаций. Это дефицит водных и энергетических ресурсов; территориально-пограничные споры с соседями и притязания некоторых государств на региональное лидерство; неурегулированность территориальных претензий, накопившиеся территориальные споры между государствами ЦАР при недостаточной обоснованности границ. Проанализированы различные подходы к решению проблемы дефицита воды в ЦАР. Даются выводы и прогнозы развития событий относительно развития евразийской интеграции и обеспечения национальных интересов России в ЦАР. Сделан вывод, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. Предложены вероятностные сценарии развития интеграционных процессов в странах ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Центральном-Азиатский регион, ОДКБ, ЕАЭС, евразийская интеграция, региональные конфликты, внешнеполитическая напряженность, территориальные споры, приграничное взаимодействие, общее водопользование, сценарии развития интеграционных процессов.

Для цитирования: Селезнёв И.А. Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал стран Центральном-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 6–19. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1

Введение. Данным материалом автор продолжает освещать материалы исследования, посвященного конфликтному потенциалу в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР), национальным интересам России и перспективам евразийской интеграции.

Поводом для исследования и написания данного цикла статей стал вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном, случившийся 28 апреля - 1 мая 2021 г. В предыдущей статье был рассмотрен внутренний социально-политический конфликтный потенциал в государствах ЦАР. Каждый из рассмотренных внутренних факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития [1]. Но существенное количество проблем в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из республик ЦАР связана с судьбой соседей. И ниже будут проанализированы внешние и межгосударственные конфликтогенные факторы.

Методология. Методологически исследование проведено в рамках теории конфликта. В работе применяется авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

- Риски роста – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся: (1) *экономические риски*; (2) *социальные риски*; (3) *риски безопасности*.
- Имманентные риски – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету [2, с. 167–173].

Также использована авторская характеристика особенностей региональных конфликтов (РегК):

(1) РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов;

(2) в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений;

(3) РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы;

(4) РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния;

(5) РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций;

(6) формированием образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ [3, с. 79-95].

Результаты. Итак, рассмотрим внешний и межгосударственный конфликтный потенциал в ЦАР.

1) Угроза распространения возникшей нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов. В первую очередь здесь нужно рассматривать соседство с хронически нестабильным Афганистаном. Все последние десятилетия ситуация в этой стране остается одной из основных угроз региональной безопасности в ЦАР. И в ближайшей перспективе уровень угроз не уменьшится, учитывая падение правящего режима в Афганистане, стремительную эвакуацию американских войск из страны и возвращение к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*), появление немалого числа афганских политических беженцев в странах ЦАР и превращение Афганистана в теократическое государство, центр радикального исламизма. Прошедший в сентябре 2021 г. в Душанбе саммит ОДКБ выразил обеспокоенность ситуацией гуманитарной катастрофы в Афганистане, высоким уровнем наркопроизводства, служащим одним из основных источников дохода террористических группировок и принял меры по обеспечению безопасности южных рубежей стран ЦАР. При

этом в принятых документах от лица всех стран-членов ОДКБ говорится о неприемлемости размещения на своей территории находившихся в Афганистане объектов военной инфраструктуры США и других стран НАТО, а также афганских граждан, сотрудничавших с иностранными военными – «за исключением случаев, требующих безотлагательного решения в гуманитарных целях»¹.

2) Деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР. Наиболее серьезным внешним вызовом для ЦАР на ближайшую перспективу остается всё тот же афганский фактор. Согласно данным Глобального индекса терроризма, Афганистан за последние годы, начиная с 2018 г., сохраняет за собой лидирующие позиции в мире по уровню террористической активности². В сегодняшней ситуации возрастает угроза проникновения на территории стран ЦАР под видом беженцев из Афганистана террористов и других деструктивных элементов.

3) Важным фактором становится усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР. Возросшую значимость КНР можно наблюдать на примере практически любой из этих стран [4]. Объективные причины для этого процесса состоят в экономической слабости стран ЦАР, росте экономики КНР, сокращении в рамках ЕАЭС инвестиционной активности России (находящейся под экономическими санкциями Запада), наряду с сокращением инвестиционной активности Запада в эти страны, и, наконец, в стремлении самих стран ЦАР диверсифицировать свои экономические интересы. КНР заинтересована в стабильности в ЦАР и с экономической точки зрения (экспорт сырья и энергоресурсов, выход в Восточную Европу и на Ближний Восток) и исходя из вопросов безопасности. По некоторым оценкам, ЦАР уже попал в сферу технологической и экономической зависимости от КНР; военно-политическое влияние России еще сохраняется, но и эта часть постепенно будет делегироваться Китаю. Однако, в каждой республике своей баланс влияния двух стран, который на настоящем этапе поддерживается совместно РФ и КНР³. Хотя, по некоторым прогнозам, из-за обострения ситуации в Афганистане власти КНР для защиты своих экономических проектов могут направить китайских военных советников и инструкторов в страны ЦАР⁴.

Растущая зависимость от КНР будет и дальше сокращать пространство для маневра в отношениях стран ЦАР с Китаем. В каждой из этих стран Пекин отработывает разные инструменты влияния: кредиты, связи с элитами, «мягкую силу». Так, из-за долгов перед китайскими кредиторами правительство Таджикистана было вынуждено передать им права на разработку некоторых месторождений, но в Таджикистане создается прецедент и для включения Китая в сферу безопасности в ЦАР. Геополитика Китая на Памире способствует наращиванию не только экономического, инфраструктурного, но и военного влияния, укрепляя перспективы конечного доминирования Китая в регионе, включая Афганистан, Пакистан и постсоветские страны ЦАР. Происходящее

¹ Совет коллективной безопасности 16 сентября в Душанбе обсудил проблемы международной и региональной безопасности и их влияние на безопасность государств – членов ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. 16 сентября 2021. URL: <https://u.to/PUkQNA> (дата обращения 17.11.2021).

² Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace, November 2020. 109 p.

³ *Большот И.* Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? // Ритм Евразия. 18 мая 2021. URL: <https://u.to/C0kQNA> (дата обращения 17.11.2021).

⁴ *Кондратьева В.* Эксперт предсказал приток китайских инструкторов в страны Центральной Азии // Lenta.Ru. 30 июля 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (дата обращения 17.11.2021).

в Таджикистане может стать моделью для реализации новой стратегии Китая во всем ЦАР, которая еще меньше будет опираться на «мягкую силу». По некоторым оценкам, именно здесь может быть положено начало конкуренции Китая и России, которая способна привести к непредсказуемым результатам⁵. Но стоит отметить, что экономическое и политическое проникновение КНР стало вызывать политические спекуляции различных политических сил, как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности КНР. Но периодически возникающие массовые антикитайские настроения в странах ЦАР используются там во внутривнутриполитической борьбе⁶.

4) Включение в процесс внерегиональных акторов (США, ЕС, Турция). Потенциально влияют на обстановку в ЦАР противоречия между крупными мировыми державами, вовлеченными в центральноазиатские дела (США и их союзники, КНР, Россия): американо-российские противоречия и американо-китайские. А это ведет к разнонаправленному давлению на страны ЦАР, к тому, что внерегиональные игроки могут воспользоваться негативными с точки зрения обеспечения безопасности государствами тенденциями в своих интересах [5]. Учитывая вывод военного контингента США из Афганистана и падение там правящего режима, не станет ли возможным размещение баз НАТО в постсоветских государствах ЦАР? В связи с этим директор СВР России С. Нарышкин призвал страны региона не допустить такого поворота событий⁷.

5) Серьезной проблемой в ЦАР являются конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориальные претензии. Споры эти особенно затрагивают Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. Можно обозначить следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:

- а) Ограниченные ресурсы в густонаселенном регионе с засушливым климатом создают почву для возникновения напряженности и обострения межэтнических противоречий, как внутри государств, так и между ними. Дефицит водных и энергетических ресурсов, а также проблема ограниченности доступа к пастбищам и дорогам в ЦАР порождает соперничество как жителей приграничных сёл, так и государств, в частности, споры между странами по поводу раздела вод трансграничных рек⁸. В случае возникновения инцидентов между гражданами разных государств по поводу дележа ограниченных ресурсов это придает конфликту социально-экономическую окраску [6, с. 77]. Но тогда срабатывают закономерности: политико-экономические конфликты провоцируют возникновение вооружённых конфликтов и войн, коэффициент корреляции довольно значительный и равняется 0,64 [7, с. 67–68].
- б) Провоцируют региональные конфликты сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, незавершенные в государствах ЦАР, компонентом которых часто становятся территориально-пограничные споры с соседями, а также притязания некоторых государств на региональное лидерство [6, с. 77].

⁵ Плотников Д. Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? // Lenta.Ru. 01 июня 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimu/ (дата обращения 17.11.2021).

⁶ 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://u.to/3UkQNA> (дата обращения 17.10.2021).

⁷ Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны // РИА Новости. 19 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (дата обращения 17.11.2021).

⁸ Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан // RuNews 24. 04 мая 2021. URL: <https://u.to/K0oQNA> (дата обращения 17.11.2021).

в) Неурегулированные территориальные претензии между государствами ЦАР, накопившиеся территориальные споры при недостаточной обоснованности границ, зачастую произвольно проведенных между союзными республиками в советский период. На сегодняшний день лишь только Казахстан (кстати, первым из республик бывшего СССР) полностью завершил делимитацию и демаркацию своей государственной границы⁹. При отсутствии общепризнанной делимитации и демаркации границ, каждая из стран способна интерпретировать в свою пользу разночтения в их положении. В первую очередь, это актуально для ситуации в Ферганской долине, которую между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Особенностью государственных границ в ЦАР стало и наличие множества анклавов/эксклавов. Внутри Киргизстана находятся принадлежащие Узбекистану территории Джангайл, Сох, Чон-Гара, Шахимардан и принадлежащие Таджикистану Ворух и Западная Калача; а в Узбекистане – эксклавы Киргизии (Барак) и Таджикистана (Сарвак). И эти анклавы служат яблоком раздора между граничащими республиками. По мнению британского социального антрополога М. Ривс, наложение государственной территориальности в Ферганской долине часто рождало живую череду родства, веру, дружбу, работу и торговлю [8]. Так, конфликты вокруг Воруха происходили ещё в советское время (1974, 1989 гг.), но даже тогда союзный центр не смог политически решить эту проблему, хотя сумел погасить столкновения. А после распада СССР и обретения республиками независимости конфликты стали более ожесточенными. Участниками «ворухской заварухи» были уже не только жители приграничных сёл, но и воинские подразделения. Соответственно, интенсивность варьировалась от кидания камней друг в друга до использования пулемётов и миномётов. За период 2018–2021 гг. на таджикско-киргизской границе было зафиксировано только крупных 9 инцидентов¹⁰.

Ситуацию на киргизско-таджикской границе на протяжении лет подогревают и западные НКО, которые в условиях политической «многовекторности» Киргизии и Таджикистана безнаказанно расшатывают систему безопасности в ЦАР. Показательна деятельность финансируемого правительством Норвегии «Центра поддержки джамоата Ворух», способствующая формированию «благоприятных условий для приобретения новых возможностей самовыражения в процессах принятия решений», а фактически провоцирующая конфликты между жителями приграничных районов двух стран ОДКБ. Или конкурс для журналистов Киргизии и Таджикистана на лучшее освещение приграничных вопросов, организованный в 2019 г. академией Deutsche Welle¹¹.

В те самые дни, когда в конце апреля 2021 г. в Душанбе проходило заседание Комитета Совбезов стран ОДКБ на спорных приграничных территориях Баткенской (Киргизстан) и Согдийской (Таджикистан) областей случился конфликт, суммарно унесший более 50 жизней с обеих сторон. С началом весенних сельхозработ расход воды увеличивается, что и послужило причиной обострения конфликта между киргизами и таджиками. Поводом для начала столкновений стал спор из-за водораспределительного пункта «Головной» в верховьях

⁹ Белокоп А. Почему решение вопроса госграниц Казахстана называют большой дипломатической победой // Nur.kz. 24 мая 2021 URL: <https://u.to/xkoQNA> (дата обращения 17.11.2021).

¹⁰ Уваров А. Киргизия – Узбекистан – Таджикистан: что делать с этими границами? // Фонд стратегической культуры: [сайт]. 18 апреля 2021. URL: <https://u.to/FEsQNA> (дата обращения 17.11.2021).

¹¹ Арешев А. Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? // Военно-политическая аналитика: [интернет-журнал]. 17 мая 2021. URL: <https://u.to/hkwQNA> (дата обращения 17.11.2021).

реки Исфары. Власти обеих стран считают, что он находится на их территории и там на протяжении лет периодически возникали межэтнические осложнения между жителями приграничных сёл. Конфликт гражданских лиц перешел в боестолкновения с участием военнослужащих. Беспрецедентность конфликта состоит в накале и масштабах противостояния, киргизско-таджикский конфликт 2021 г. принципиально отличается от всех предыдущих тем, что стычки проходили сразу на нескольких участках границы.

Кроме того, можно вспомнить и произошедшие 31 мая 2020 г. столкновения между жителями сёл Чечме Кадамджайского района (Киргизия) и Чашма в анклаве Сох (Узбекистан). По официальным сообщениям, конфликт при имеющемся дефиците воды начался из-за споров о том, какой стране принадлежит родник Чашма, обеспечивающий питьевой и поливной водой жителей как узбекской, так и киргизской стороны¹². Киргизско-таджикские отношения продолжают оставаться далёкими от нормализации, постоянно происходят пограничные инциденты. Так, 8 июня 2021 г. опять произошла интенсивная перестрелка между пограничниками Киргизии и Таджикистана¹³.

Обсуждение. Национализм часто бывает связан с болезненной рефлексией и комплексом неполноценности. Политическая практика национализма неизбежно сопряжена с дискриминацией этнических меньшинств и способна приводить к острым конфликтам вплоть до гражданских войн [9, с. 2710]. По некоторым экспертным оценкам, границы в ЦАР являются местом, где сообщества проецируют свои страхи друг на друга. Страх там становится катализатором формирования идентичности в трансграничных сообществах и закрепляет восприятие коллективной небезопасности даже в периоды затишья и способствует появлению сильных пограничных этнических идентичностей, усиленных новыми националистическими идеологиями и ассоциациями типа «мы против них». Поэтому даже мелкие споры в ЦАР могут обрести черты этнической поляризации [10, с. 1–20].

Трансграничный характер бассейнов основных рек является одной из важнейших геоэкономических черт ЦАР. Сразу после распада Союза ССР и обретения независимости союзными республиками был создан механизм регулирования водных ресурсов в ЦАР. В феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), а также бассейновые водохозяйственные объединения на Амударье и Сырдарье. Очередное, 80-е заседание МКВК прошло в мае 2021 г. По мнению специалистов, этот механизм ещё остаётся жизнеспособным, хотя к его работе за годы работы накопилось много нареканий¹⁴.

Общая проблема водопользования заключается в распределении энергетической и ирригационной специализации между государствами: Киргизстану и Таджикистану достались крупные каскады ГЭС и водохранилища, а Узбекистану, Казахстану и Туркменистану – разветвленная система мелиорации с искусственными регуляторами воды. Эти отраслевые сегменты национальных экономик в различной степени зависимы друг от друга. Страны, лежащие в зоне формирования водостока трансграничных рек, нуждаются в развитии гидроэнер-

¹² Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая // Sputnik Кыргызстан. 2021. URL: <https://u.to/rUQNA> (дата обращения 17.10.2021).

¹³ На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка // РИА Новости. 24 июля 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (дата обращения 17.11.2021).

¹⁴ Каражанов З. Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии // Ритм Евразии: [сайт]. 30 мая 2021. URL: <https://u.to/hFUQNA> (дата обращения 17.11.2021).

гетики, являющейся для них практически главным стратегическим ресурсом. В нижнем течении, где традиционно используется поливное земледелие, вода остается жизненной основой для сельскохозяйственной деятельности крупных оазисов. Но недостаток доверия в этом вопросе между государствами ЦАР затрудняет развитие этой сферы. Проблема не может быть принципиально решена в пользу эгоистической выгоды только одной из сторон. Так, киргизский политолог К. Токтомушев в качестве основных причин таджико-киргизской напряженности называет не только милитаризацию границ, но и неэффективное использование природных ресурсов обеими странами: нехватка воды в ЦАР обусловлена её использованием, а не реальным количеством водных ресурсов. Гидромелиоративная структура в ЦАР носит трансграничный характер, но ни Киргизстан, ни Таджикистан не хотят вкладывать деньги в водные системы вне своих границ [11, с. 34–37].

Потребность стран ЦАР в большом водном проекте остается довольно острой, но она упирается в поиск взаимоприемлемого решения. Теоретически, существовало два различных подхода к решению проблемы дефицита воды в ЦАР:

- а) Получение водных ресурсов из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и ввода в строй новых гидротехнических сооружений. Но тут следует вспомнить, как в 1980-ые гг. при активном участии гражданского общества, АН СССР, экологов и гуманитарной интеллигенции был отвергнут грандиозный мега-план «поворота сибирских рек в республики Средней Азии», чреватый катастрофическими экологическими последствиями для многих регионов Российской Федерации. Неудачная попытка реанимировать его уже в 2000-е гг., по предложению бывшего на тот момент мэром Москвы Ю. Лужкова, лишь подтверждает одиозность и неприемлемость для России этого варианта.
- б) Повышение эффективности использования уже имеющихся водных ресурсов, кооперация возможностей и сил в рамках ЕАЭС. Ведь ЦАР лидирует в СНГ по потерям воды и уровню ее загрязнения. Достаточно показательна проблема пересыхания Аральского моря, обмеления Амударьи. Отдельной проблемой остаётся вопрос о достройке комплекса из нескольких ГЭС на территории Киргизии и Таджикистана. Структуры евразийской интеграции, как и российский бизнес способны и могли бы взять на себя роль лидера в реализации этого водно-энергетического проекта и не ждать, когда таким лидером рано или поздно станет какой-нибудь другой геополитический актор.

И стоит отметить первые шаги на этом пути. В июле 2021 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) представил аналитический доклад «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии». Отмечается, что в течение 3 десятилетий суверенитета государств ЦАР произошло ослабление регионального сотрудничества в водно-энергетическом комплексе (ВЭК), которое было сопряжено с курсом на самодостаточность энергосистем. При этом, основным источником финансирования государственных инициатив в ВЭК ЦАР являются международные финансовые институты. В водном сегменте развитие ЦАР происходит в условиях истощения водных ресурсов при ограниченном объеме инвестиций. Это свидетельствует о том, что ключевой принцип ВЭК ЦАР, подразумевающий, что вода важнее энергии, не соблюдается¹⁵.

¹⁵ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии: Доклады и рабочие документы 21/3 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. Алматы-Москва: Евразийский банк развития, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (дата обращения 17.11.2021).

По мнению авторов доклада, перед странами ЦАР стоят серьезные вызовы. А) В энергетическом секторе:

- высокий уровень износа электросетевого комплекса и генерирующих мощностей (удельный вес мощностей возрастом свыше 30 лет составляет от 44 до 75%);
- высокий уровень потерь электроэнергии (7–20% производства в некоторых странах);
- разбалансированность производства и потребления электроэнергии (потеря 11 млрд кВт ч экспортного потенциала);
- снижение надежности энергоснабжения в Узбекистане и на юге Казахстана в результате нехватки маневренных мощностей и неиспользования ГЭС соседних стран;
- нерациональное использование гидроэлектроэнергии, проявляющееся через сезонный дефицит и холостые сбросы воды, как результат несоответствия пиков производства и потребления (согласно ПАО «Русгидро», ежегодный объем неудовлетворенного спроса в Кыргызстане и Таджикистане оценивается в 1,5–3 ТВт ч и 4–4,5 ТВт ч);
- страновые различия в правовых механизмах и инструментах регуляторной и тарифной политики.

Б) В водном комплексе:

- сокращение объемов водообеспечения для стран бассейна Аральского моря до 1,4 тыс. куб. м. на человека в год при критичном пороге в 1,7 тыс. куб. м. и усиление дефицита водных ресурсов в низовье водных бассейнов в результате сокращения ледников и запасов талой воды;
- высокий уровень засоленности и заболоченности орошаемых земель (около 50%) в результате износа водохозяйственной системы (насосных станций, магистральных каналов, оросительной и коллекторно-дренажной сети);
- нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС;
- потеря многолетней регулирующей способности водохранилищ и нарастание критического недостатка воды на ирригационные цели даже в многоводные годы;
- отсутствие эффективного межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде для ирригации;
- противоречие интересов стран верховья и низовья бассейна трансграничных рек относительно режима использования водных ресурсов и др.¹⁶

Таким образом, основные проблемы в ВЭК ЦАР остаются связанными с нарастающим дефицитом водных ресурсов. Проблемы устойчивости энергетического сегмента ВЭК ЦАР многочисленны, и для противодействия им каждая страна региона ищет свое решение.

Согласно докладу ЕАБР, ослабление сотрудничества в ВЭК ЦАР за 2000-е гг. совпало с увеличением нагрузки на энергетический сектор. Формирование энергосектора происходило в контексте реализации государственных программ в ЦАР. С учетом структуры собственности и специфики инвестиционных проектов в ВЭК ЦАР государство там играет ключевую роль в его развитии. Значение государства и государственных компаний проявляется на уровне разработки концепций развития комплекса, определения тарифной политики, поиска источников финансирования, реализации проектов и др.

¹⁶ Там же.

В 2020 г. лидерами по объемам инвестиций являлись Казахстан (2,783 млрд долл., или 1,6% ВВП) и Узбекистан (1,377 млрд долл., или 2,4% ВВП). В Таджикистане и Кыргызстане инвестиции в капитал ВЭК составили соответственно 507 млн долл. (6,3% ВВП) и 89 млн долл. (1,2% ВВП). В Таджикистане бюджетные ограничения не стали препятствием для проведения активной инвестиционной государственной политики за счет внешних заимствований. Что касается Киргизии, то слабые инвестиционные показатели в ВЭК страны обусловлены ограниченными государственными доходами, а также заниженными тарифами, которые не покрывают себестоимости производства электроэнергии¹⁷.

В условиях недостаточной инвестиционной привлекательности ВЭК большинства стран ЦАР для частного капитала и иностранных инвесторов важным источником финансовых ресурсов для государственных инициатив выступают многосторонние банки развития (МБР). На данный момент в стадии реализации находится 104 проекта. Лидером по объему финансирования является Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с портфелем в 3,3 млрд долл., или 32,7% от общего объема финансирования МБР в ЦАР. Следом идут Всемирный банк (ВБ) – 3,0 млрд долл. (29,6%) и Азиатский банк развития (АБР) – 2,6 млрд долл. (26,2%). На долю Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в совокупности приходится 1,2 млрд долл. (11,5%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Участие МБР в финансировании инвестиционных проектов ВЭК ЦАР

Банки	Доля в общем объеме финансирования ЦАР, %	Сумма финансирования, млрд \$
ЕБРР	32,7	3,318
ВБ	29,6	3,0
АБР	26,2	2,6
ЕАБР, ЕФСР	6,7	0,677
ЕИБ	3,8	0,389
АБИИ	1,1	0,107
Итого	100	10,155

Источник: ЕАБР.

Несмотря на борьбу с последствиями пандемии COVID-19, МБР продолжили финансирование ВЭК ЦАР. В 2020 г. МБР было одобрено финансирование по 24 проектам в ВЭК ЦАР на общую сумму 1,8 млрд долл. Оценки ежегодного ущерба и нереализованных экономических выгод неэффективного использования ресурсов ВЭК ЦАР находятся в диапазоне 1,3–4,5 млрд долл. Таким образом, ежегодная оценка потерь достигает 1,5% регионального ВВП. Около 40% приходится на водное хозяйство, 60% на электроэнергетику. Устранение потерь даст региону 22 млрд долл. к 2025 г.¹⁸

Можно согласиться с выводом аналитиков ЕАБР, что при планировании развития гидроэнергетики и ирригации необходимо учитывать особенности

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

бассейна и формирования его водных ресурсов, трансграничный характер водопользования, рост населения и нарастающий дефицит воды, ухудшение экологической ситуации. Поставка электроэнергии за пределы региона должна быть синхронизирована с режимом межгосударственного водопользования. Без учета этого условия экспорт электроэнергии на внешние рынки, то есть за пределы замкнутого водного бассейна (региона) с ограниченными водными ресурсами, может стать фактором, негативно воздействующим на межгосударственные отношения, энергетическую и водную, продовольственную и экологическую безопасность стран ЦАР.

По имеющимся экспертным оценкам, неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ могут проистекать от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в государствах ЦАР [11, с. 39]. Тем не менее, нельзя не согласиться с точкой зрения, что причиной социальных катастроф становится непродуманная управленческая или сознательная целенаправленная деятельность по разрушению социальных общностей и государственных систем, изменению социально-политического строя, уничтожению политических союзов, цивилизаций [12, с. 65].

Хотя, как мы видим, для ЕАБР и ЕФСР в инвестициях в ЦАР не слишком велика, но это не значит, что интеграционные евразийские объединения обладают малым потенциалом воздействия на ситуацию в регионе. Ведь статистические данные по экономике стран фиксируют, что евразийская интеграция в рамках ЕАЭС способствует взаимовыгодному сотрудничеству государств-членов и создает условия для поддержания благополучия их экономик и населения в будущем. Евразийская интеграция имеет большой социально-экономический резерв и потенциал. В настоящее время задействована лишь небольшая часть его возможностей. Наибольший социально-экономический эффект от евразийской интеграции можно получить путем сплочения усилий, возможностей и желаний гражданских обществ и властей государств-членов ЕАЭС [13, с. 68]. Вопреки возникшим злорадным мнениям о «неэффективности» механизма ЕАЭС и ОДКБ в предотвращении и преодолении возможных конфликтов существуют экономические механизмы разрешения противоречий. Возможно предложение со стороны евразийских объединений посреднических услуг конфликтующим сторонам (создание органов быстрого реагирования и разведения конфликтующих сторон, «дорожная карта» размежевания, арбитраж и т.п.). ОДКБ может оказывать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий и др. Кроме того, есть позитивный карабахский прецедент использования миротворческих сил. Если сами конфликтующие стороны в ЦАР неспособны прийти к компромиссному решению, то возможно было бы и введение коллективных миротворческих сил ОДКБ с созданием военной базы. Но рост нестабильности в странах ЦАР показал нехватку механизма урегулирования споров между странами-членами ОДКБ, в том числе договорно-правовой базы в сфере безопасности, недостаточность прав ОДКБ на введение наблюдателей и миротворческих сил в зоны конфликтов, отсутствие посреднических групп и недостаточность взаимно обязывающих процедур¹⁹. И эти вопросы требуют решения.

¹⁹ Попова В. ОДКБ: не спешите нас хоронить // Ритм Евразии: [сайт]. 09 июня 2021. URL: <https://u.to/klUQNA> (дата обращения 17.11.2021).

Заключение. Анализ положения позволяет прийти к выводу, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Таким образом, эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. На основании рассмотренного материала мы видим, что в основе источников нестабильности и конфликтного потенциала в странах ЦАР лежат как «риски роста», так и «имманентные риски». Исходя из этого, можно предложить ряд сценариев развития евразийской интеграции в ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу:

Сценарий № 1: «евразийская интеграция». Углубленная интеграция ЦАР в общее евразийское пространство экономических и политических союзов вокруг России. Хотя данный проект частично уже осуществляется в формате ЕАЭС и др. интеграционных объединений, суть вопроса заключена в интенсивности процесса. Мы наблюдаем «имманентные» интеграционные риски и препятствия в силу приверженности элит новых независимых государств ЦАР принципу суверенитета, наличие внутренних ограничений в их интеграционной политике.

Сценарий № 2: «инерционный статус-кво». Сохранение основных имеющихся тенденций развития во внутренней и внешней политике каждой из отдельно взятых стран и в ЦАР в целом. Сохранение политических режимов, преэминентность элит, достаточно плавный транзит власти новым поколениям политического класса. Под лозунгом многовекторности внешней политики участие в евразийских интеграционных объединениях будет носить ситуационно-утилитарный или формально-декоративный характер. При этом государства ЦАР параллельно будут участвовать и в экономических, политических и военных союзах, не связанных с участием России. Сохраняются формально светские общества с внешними атрибутами демократических республик, но во внутренней политике в противовес возможной исламизации нарастает тенденция на этнократию.

Сценарий № 3: «чужеродное поглощение». Выпадение ЦАР из орбиты России, падение правящих режимов, приход к власти контрэлит (исламистских или прозападных – этнократических, антирусских), вступление государств ЦАР в антироссийские (и антикитайские) военно-политические союзы. В связи с выводом войск США из Афганистана, падением там правящего режима, возвращением к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*) и становлением там теократического государства, центра радикального политического исламизма, возрастает угроза переноса военного конфликта слабой и средней интенсивности на территорию постсоветских стран ЦАР, риска крушения светских режимов и замены государственности на исламскую теократическую, с возможным распадом национальных государств и поглощением региона «исламским халифатом».

Сценарий № 4: «переформатирование границ». Изменение границ в ЦАР, ряд из государств прекратит свое существование или изменит свою площадь, присоединившись целиком или частично-регионально к соседним странам.

Сценарий № 5: «комбинированный». Параллельное развитие и сочетание сценариев №№ 1, 2, 3 4 для разных государств. Возможно более активное участие в евразийской интеграции одних из государств ЦАР и дистанцирование от нее, изоляционизм, распад или присоединение каким-либо иным союзам других стран.

Библиографический список

1. *Селезнёв, И. А.* Евразийская интеграция и внутренний конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 6-16. DOI: 10.19181/пко.2021.27.4.1.
2. *Селезнёв, И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164-176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488.
3. *Евсеев, В. О., Селезнёв, И. А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07.
4. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 150 с. ISBN 978-5-9535-0331-0.
5. *Фомин, М. В.* Постсоветское пространство // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение : Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. М. : Совет Федерации, 2010. С. 172–180.
6. *Мальшева, Д. Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 76-94.
7. *Евсеев, В. О.* Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06.
8. *Reeves, M.* Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. 312 p. ISBN 978-0-8014-4997-0.
9. *Гудименко, Д. В.* Национализм в современном мире: типологизация и формы проявления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 10 (79), С. 2710-2719. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003.
10. *Matveeva, A.* Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. No. 1. Pp. 1-20. DOI: 10.22261/94D4RC.
11. *Токтомушев, К.* Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана // Connections. Quarterly Journal. 2018. Vol. 17, № 1. С. 23-46. DOI: 10.11610/Connections.rus.17.1.02.
12. *Фомин, М. В.* Россия. Матрица социальной (не)стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56–68.
13. *Левашов, В. К.* Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В. К. Левашов, И. С. Шушпанова, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3–4. С. 66–77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77.

Дата поступления в редакцию: 14.12.2021.

Принята к печати: 11.01.2022.

Сведения об авторе:

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 74352

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

I. A. Seleznev¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

EURASIAN INTEGRATION AND THE INTERSTATE CONFLICT POTENTIAL OF THE COUNTRIES OF THE CENTRAL ASIAN REGION

Abstract. The article considers external security challenges in the Central Asian region (CAR), the causes of interstate instability and the emergence of regional conflicts. This study was conducted within the framework of the theory of conflict. The main conflict-causing foreign policy factors in the CAR are: the presence of hotbeds of military conflicts near the countries of the region; the threat of the spread of instability in the countries of the region and the likelihood of armed provocations; the activities of international terrorist and radical organizations and groups, the strengthening of the positions of religious extremism in neighboring countries near the borders of the CAR countries; the strengthening of China's economic role and its penetration into the CAR, the growing dependence of the countries of the region on the PRC; the penetration of extra-regional, Western actors into the CAR; conflicting interethnic and interstate contradictions and territorial-border disputes. The problems of cross-border interaction and the general use of water and energy resources in the CAR are considered. The reasons for the emergence of interstate conflict situations are indicated. These are the shortage of water and energy resources; territorial and border disputes with neighbors and the claims of some states to regional leadership; unresolved territorial claims, accumulated territorial disputes between the CAR states with insufficient validity of borders. Various approaches to solving the problem of water scarcity in the CAR are analyzed. Conclusions and forecasts of developments regarding the development of Eurasian integration and ensuring Russia's national interests in the CAR are given. It is concluded that the current and prospective situation in the CAR is based on integration and conflict scenarios. These two categories make up a dialectical pair, with the help of which it is possible to understand and describe the processes in the CAR, and throughout the post-Soviet space. Probabilistic scenarios of the development of integration processes in the Central Asian countries for the medium and long term are proposed.

Keywords: Central Asian region, CSTO, EAEU, Eurasian integration, regional conflicts, foreign policy tensions, territorial disputes, cross-border cooperation, common water using, scenarios for the development of integration processes.

For citation: Seleznev I.A. (2022) Eurasian integration and the interstate conflict potential of the countries of the Central Asian region. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. № 1. P. 6–19. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1

References

1. Seleznev, I. A. (2021) Eurasian integration and the internal socio-political conflict potential of the Central Asian region. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 4. Pp. 6–16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1 (in Russ.).
2. Seleznev, I. A. (2020) On the first results of Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Socialno-gumanitarniye znaniya*. No. 6. Pp. 164–176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488 (in Russ.).
3. Evseev, V. O., Seleznev, I. A. (2021) Conflict management and methods of research of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07 (in Russ.).
4. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions* (2012) Ed. by E. Sh. Gontmakher, N. V. Zagladin. M.: IMEMO RAS Publ. 150 p. ISBN 978-5-9535-0331-0 (in Russ.).
5. Fomin, M. V. (2010) Post-Soviet space. In: *Russia in the New Century: a Foreign policy dimension*: collection of articles. M., 2010. Pp. 172–180 (in Russ.).
6. Malysheva, D. B. (2014) Security challenges in Central Asia. *Russia and the Muslim World*. No. 1. Pp. 76–94 (in Russ.).

7. Evseev, V. O. (2021) Methodology of the application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06 (in Russ.).
8. Reeves, M. (2014) *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 312 p. ISBN 978-0-8014-4997-0 (in Eng.).
9. Gudimenko, D. V. (2021) Nationalism in the contemporary world: typologization and ways of manifestation. *Issues of National and Federative Relations*. Vol. 11. No. 10 (79). Pp. 2710-2719. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003 (in Russ.).
10. Matveeva, A. (2017) Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. No. 1. Pp. 1-20. DOI: 10.22261/94D4RC (in Eng.).
11. Toktomushev, K. (2018) Understanding the cross-border conflict in post-Soviet Central Asia: the case of Kyrgyzstan and Tajikistan. *Connections. Quarterly Journal*. Vol. 17. No. 1. Pp. 23-46. DOI: 10.11610/Connections.rus.17.1.02 (in Russ.).
12. Fomin, M. V. (2010) Russia. The matrix of social (non)stability. *World economy and international relations*. No. 8. Pp. 56-68 (in Russ.).
13. Levashov, V. K. [et al] (2019) Russian civil society and state in processes of the Eurasian integration. *Science. Culture. Society*. Vol. 25. No. 3-4. Pp. 66-77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77 (in Russ.).

The article was submitted on December 14, 2021.
Accepted on January 11, 2022.

Information about the author:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: igdrake@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.2

УДК 321

А. В. Ролёнок¹

¹ Минск, Республика Беларусь.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КЕЙС БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен амбивалентности глобализации на примере кейса Беларуси. Теоретической рамкой и методологической основой анализа выступают концепции амбивалентности модерна Зигмунта Баумана, множественности модерна Шмуэля Эйзенштадта, глокализации Ролана Робертсона и множественности потоков глобализации Арджуна Аппадурои, Малкольма Уотерса, Джона Урри. Автор статьи исследует неравномерную включенность Беларуси в процессы глобализации в политическом, военном, экономическом и экологическом измерениях. Дополнительно автор анализирует формирование авторитарного политического режима в Беларуси (новый авторитаризм в терминологии Ежи Вятра) и проявление такого феномена, как глобализация авторитаризма. Фиксируется, что Беларусь становится региональным и глобальным актором, донором авторитаризма (включение в глобализацию через экспансию авторитаризма). Отдельное внимание уделяется гражданским протестным событиям, которые происходили в Беларуси в 2020–2021 гг. и способствовали формированию новой политической субъектности (гражданской национальной идентичности) и ответной консолидации авторитарного политического режима. Автор приходит к выводу, что Беларусь является примером усиления (в аспекте патернализма и авторитарного государственного управления населением) роли национального государства (белорусской автократии) в контексте закрытия границ из-за пандемии и новой волны де-глобализации.

Ключевые слова: амбивалентность модерна, множественная современность, глобализация, глокализация, новый авторитаризм, глобализация авторитаризма, Беларусь, де-глобализация.

Для цитирования: Ролёнок А.В. Амбивалентность глобализации: кейс Беларуси // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 20–32. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.2

Теоретические рамки. Идея амбивалентности, вынесенная в заглавие, может быть понята в рамках интерпретации амбивалентности модерна, предложенной Зигмунтом Бауманом. Модерн, философски понимаемый как проект (Просвещения) по построению культурно гомогенного рационального социального порядка и эмансипации человечества в процессе своего исторического воплощения/реализации приводит к двойственным результатам: технический прогресс и рост цивилизации соседствует с Холокостом, отчуждением (уничтожением традиционных сообществ), неравенством. Бауман демонстрирует амбивалентность модерна на примере холокоста. В своем оригинальном исследовании он выдвигает гипотезу о том, что Холокост был не просто частью еврейской истории или патологией современного общества (последствия нацизма и фашизма, иррациональным выбором, варварством), а «характерным явлением модерна» [1, с. 14] и что именно сам модерн является условием возможности холокоста (технологический прогресс, рационализация, бюрократизация, уровень развития цивилизации). «Холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры» [1, с. 14].

Можно привести и другую цитату: «Я не хочу сказать, что значение холокоста целиком определяется влиянием на него современной бюрократии или культурой прикладной рациональности, воплощением которой она является. Современная бюрократия вовсе не должна приводить к явлениям, подобным холокосту. Однако я хочу сказать, что правила прикладной рациональности сами по себе не в состоянии предотвратить такие явления. В этих правилах нет ничего, что отменяло бы схожие с холокостом методы «социальной инженерии» как непригодные, а дела, которым они служат, – как иррациональные. Кроме того, я хочу сказать, что бюрократическая культура, которая побуждает нас относиться к обществу как к объекту администрирования, как скопищу множества «проблем» требующих решения, как к «природе», которую нужно «контролировать», «преодолевать», «улучшать», или «переделывать», как законному объекту «социальной инженерии», и вообще как к саду, который нужно спланировать и поддерживать в изначальной форме с помощью силы (внутри сада все растения делятся на «культурные», о которых нужно заботиться и сорняки, которые нужно вырывать), и была той атмосферой, в которой идея холокоста могла быть замыслена, медленно, но последовательно развита и доведена до завершения. И я также хочу сказать, что дух прикладной рациональности и ее современная бюрократическая форма институционализации сделали решения, подобные холокосту, не только возможными, но и в высшей степени «благоразумными» и увеличили вероятность выбора в их пользу. Увеличение вероятности совсем не случайно связано со способностью современной бюрократии координировать действия великого множества моральных индивидов в направлении любых, в том числе и аморальных, целей» [1, с. 134-135].

Модерн, таким образом, не следует отождествлять с единственным проектом Просвещения. Его также следует мыслить не только амбивалентно с точки зрения последствий, но и плюралистично с точки зрения форм (культурных программ). Существует множество проектов модерна. Подобный подход реализован в интерпретации Шмуэля Эйзенштадта, Бьёрна Виттрока и др. «Идея «множественной современности» (multiple modernity) предполагает, что лучший способ понимания современного мира, – точнее, объяснения истории современности, – рассматривать ее как длительную историю построения и реконструкции разнообразных культурных программ. <...> Одно из наиболее важных значений термина «множественная современность» состоит в том, что современность и «вестернизация» не идентичны; западные модели современности – отнюдь не единственные «аутентичные» модели современности, хотя они являют собой исторический прецедент и продолжают служить ориентиром для других» [2, с. 2–3].

В рамках данной концепции также фиксируется изменение роли и ослабление национального государства: «Идеологическая и символическая ценность идеи национального государства, его позиции как харизматического сосредоточения основных компонентов культурной программы современности и коллективной идентичности была ослаблена.<...> «Все это свидетельствует о разрушении основных структурных характеристик и ослаблении идеологической гегемонии идеи сильного национального государства» [2, с. 16, 18].

Эйзенштадт обозначает инклюзивную незавершенность модерна, проявляющуюся в том числе в контексте его глобализации. «Процесс глобализации в современном мире не содержит ни «конца истории» ... ни «столкновения цивилизаций» ... Далее, развитие глобализации идет по следующему пути: поиски новых интерпретаций культурной программы современности; построение

множественной современности; попытки различных групп и движений освоить и определить дискурс современности в своих собственных терминах. <...> Хотя общей отправной точкой был анализ западной культурной программы современности, последние события показали существование разнообразия культурных и социальных систем, выходящих далеко за пределы оригинальной версии. Данные события свидетельствуют о продолжающемся росте разнообразных проявлений современности или разнообразных интерпретаций современности и, более того, о попытках «девестернизации», лишаящих Запад его монополии на современность» [2, с. 23–24].

Глобализация в этом контексте может быть понята амбивалентно с точки зрения последствий процессов социальной трансформации. Глобализм, например, стремится представить глобализацию в форме единого мета-нарратива (по аналогии с отождествлением модерна и проекта Просвещения) – единого мира открытых границ, мобильности, общего рынка, торжества либеральной демократии, конца национального суверенитета государств, режима прав человека и др. Деконструкция этого нарратива обнаруживает двойственность глобализации (открытость и взаимозависимость vs закрытость и «автаркия»). «Принято считать, что суверенитет есть абсолютная, неделимая и единственно возможная форма государственной власти. Модели регионального и глобального изменения трансформируют контекст политического действия, образуя систему многочисленных центров власти и взаимопересекающихся сфер ее проявления – поствестфальский порядок. <...> Глобализация, как мы уже неоднократно подчеркивали, никоим образом не является всего лишь гомогенизирующей силой» [3, с. 523–524].

Наряду с положительными наличествуют и негативные последствия глобализации – увеличение бедности [4] и глобальное неравенство, этническое насилие, экологические риски, государственный протекционизм, кризис идентичностей/индивидуализация и фрагментация социальной жизни, производство человеческих отходов (беженцы) и др. Идея амбивалентности глобализации связана также с пространственной дихотомией глобальное-локальное. В этом контексте глобализация понимается не только как универсализация и увеличение ощущения общего мира (экстерриторизация), но и как ответная защитная реакция на вызовы глобализации в рамках конкретного локального/территориально ситуированного национального государства (де-территоризация). Именно поэтому некоторые авторы (например, Р. Робертсон) предлагают использовать термин «глокализация» как более адекватный для тематизации актуальных экономических, социально-политических и культурных трансформаций современного мира.

Глобализацию нужно понимать не только амбивалентно по последствиям, но и плюралистично по форме. Существует множество измерений, траекторий и циклов глобализации. Потоки и сети локального и глобального образуют уникальные ландшафты на территории национальных государств (свой путь глобализации). Именно поэтому множество исследователей глобализации предпочитают использовать термин «глокализация» [5], который ввел Р. Робертсон и говорить о глобализации во множественном числе (не глобализация, а глобализации). Я предпочитаю говорить о глобализации модерна и глобальных модернах (global modernities) – подход, представленный в одноименном сборнике [6] и созвучный идее «множественного модерна» в интерпретации Ш. Эйзенштадта.

Некоторые исследователи спешат объявить конец глобализации или утверждают (см. например, Д. Иванов) об исчерпанности дискурса глобализации (кризисе глобализационной парадигмы) и о том, что социальные изменения теперь правильнее рассматривать как постглобализацию. «Преодоление этого парадигмального кризиса следует начать с признания элементарного факта: глобализация оказалась не тем, чем казалась 30 лет назад. Не сложилась глобальная современность: нет распространения на весь мир социальных структур современности – институтов развитого индустриального общества [7]. Не сформировалась глобальная социальность: нет превращения мира в единое, избавленное от национально-государственных и этнокультурных барьеров социальное пространство [8-9]. Вместо глобальной современности, глобальной социальности наблюдаемые тенденции изменений привели к образованию анклавов глобальности, где новая, «обогащенная» социальность создается сетями и потоками, и к нарастанию разрывов между этими анклавами и остальными территориями и сообществами, где даже привычная социальность индустриальной эпохи становится «истощенной»» [10, с. 45-56].

Эти тенденции можно рассматривать также в перспективе де-глобализации, о которой писал шведский профессор Г. Терборн: «Современные глобализации не являются исторически уникальными... Что же касается тенденций к глобальному охвату или влиянию, то, на мой взгляд, мы можем выделить, по меньшей мере, шесть больших исторических волн, первая из которых относится к распространению мировых религий и утверждению межконтинентальных цивилизаций в IV–VII столетиях нашей эры. По мере того, как все эти волны в свое время угасали, за ними следовали более долгие или короткие периоды де-глобализации. Но волны не следовали одна за другой и не вытекали одна из другой. Это значит, что закат одной волны мог по времени совпасть с подъемом другой. Хотя, как мне представляется, ничто не свидетельствует о наличии какой-либо определенной цикличности в волнах глобализации, они имеют некоторые общие черты. Все они были многомерными, включая в себя военно-политические, экономические и культурные силы и процессы, хотя каждая и имела одну доминирующую составляющую <...> Иными словами, у нас мало оснований считать современную глобализацию конечной остановкой социальной истории»¹.

Беларусь в контексте глобализации. Беларусь как национальное государство, конечно же, включена в процессы глобализации. Это включение неравномерно – нет изоморфизма измерений. Можно это подтвердить посредством обращения к таким измерениям, как военное, политическое, экономическое и экологическое.

- *Военная глобализация.* Одним из ключевых аспектов военной глобализации является мировая торговля оружием и поставки вооружения. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), Беларусь вошла топ-20 самых крупных мировых поставщиков/экспортеров оружия в 2019 году с мировой долей в 0,3%². «Это не должно на-

¹ Goran Therborn (2001) Globalization and Inequality: Issues of conceptualization and of Explanation. Social Welt. No. 4. Цит. по: Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1 [11, с. 33].

² Цит. по: Беларусь вошла в число крупнейших мировых экспортеров оружия // Евразия.Эксперт: [сайт] 12 марта 2019. URL: <https://eurasia.expert/belarus-voshla-v-chislo-krupneyshikh-mirovykh-eksporterov-oruzhiya/> (дата обращения 20.11.2021).

водить на мысль, что конец суверенного национального государства близок; наоборот, государство сохраняет свое центральное место в рамках мирового военного порядка» [3, с. 175]. Сообразно логике национального суверенитета у Беларуси есть собственная Концепция национальной безопасности³, принятая в 2010 году и Военная доктрина⁴, принятая в 2016 году. «Доктрина национальной безопасности остается одним из самых важных принципов современной государственности. Способность государства самостоятельно защищаться от внешней угрозы есть главный (или наиболее существенный) элемент традиционных представлений о суверенитете» [3, с. 171]. Однако Беларусь также участвовала в процессах региональной интеграции (Договор о создании союзного государства с РФ, ОДКБ и ЕАЭС, программа Восточного партнерства с ЕС). В 2020–21 годах существенно усилилась интеграция с РФ, в планах на год присутствует намерение о принятии Беларусью и Россией новой Военной доктрины Союзного государства. Если вектор евразийской интеграции (с РФ первично) осуществится, то Концепция национальной безопасности и нейтральный статус РБ попадут под влияние альянса «коллективной безопасности» и Военной доктрины Союзного государства, а значит государственный суверенитет будет существенно ограничен.

• *Глобальная торговля, глобальные рынки.* Это измерение является наиболее исторически и институционально развитым. «Современная глобализация торговли изменила представление о независимости государства и вызвала изменения в государственной политике. Кроме того, глобальное регулирование торговли такими органами, как ВТО, подразумевает существенный пересмотр Вестфальского определения государственного суверенитета» [3, с. 220]. Глобализация, движимая идеалом открытости торговли и общим глобальным рынком, стремится положить конец политике национального протекционизма и использует для этого международное регулирование (ВТО, тарифы, торговые соглашения). Беларусь торгует со многими странами мира⁵, но не является членом ВТО, хотя заявку подавала еще в 1993 году. Отсутствие политической воли, собственная протекционистская экономическая политика (включая определение приоритетов и партнеров во внешней торговле), обязательства в рамках иных союзов (ЕАЭС) и нежелание отказываться от масштабного субсидирования сельского хозяйства являются причинами не-включенности Беларуси в ВТО. Но утверждение, что «автаркия, или «отделение», тоже снята сегодня с политической повестки дня» [3, с. 220], является на взгляд из 2021 года явно преждевременным. Автаркия и протекционизм – особенно под влиянием внешних санкций или в контексте торговых войн – могут принимать новые формы. Это аргумент в пользу тенденции де-глобализации. Автаркии могут объединяться или «отделяться» общим торговым пространством (доказательство этого тезиса требует отдельного исследования по исторической динамике торговли и в сравнительной перспективе различных стран, регионов). Основ-

³ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утверждена Указом Президента РБ от 9 ноября 2010 г. № 575 // Министерство обороны РБ. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/konsep/ (дата обращения 20.11.2021).

⁴ Военная доктрина Республики Беларусь : Закон РБ от 20 июля 2016 г. № 412-З // Министерство обороны РБ. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ (дата обращения 20.11.2021).

⁵ Торговые отношения со 100 странами зафиксированы в данных Национального статистического комитета РБ о внешней торговле по отдельным странам в январе-сентябре 2021 г. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/operativnye-dannye/> (дата обращения 18.11.2021).

ным торговым партнером Беларуси, как свидетельствует статистика товарооборота и экспорта⁶, всегда являлась РФ. После протестных событий 2020 года и расширения санкций в 2021 году (со стороны ЕС, США и др.) Беларусь и РФ увеличили товарооборот, а вместе с ним – политическую, экономическую и военную интеграцию, также Беларусь получила политическую поддержку и легитимность со стороны РФ (признали результаты президентских выборов 2020 г).

• *Глобализация и окружающая среда.* Экологические проблемы формируют объективную глобальную повестку дня и немногие национальные государства могут игнорировать или исключать экологические проблемы из публичных дискуссий. Все государства вне зависимости от географического положения, типа политического режима, экономической целесообразности, культурной специфики и, тем более, идеологической риторики принадлежат к «сообществу с общей экологической судьбой». Например, проблема глобального потепления и истощения озонового слоя заставляет все теснее переплетаться национальные политики в области транспорта, сельского хозяйства, лесоводства и энергетики с международными обязательствами и перспективами на будущее. «Такие экологические проблемы, как глобальное потепление, истощение озонового слоя и использование ресурсов порождает «сообщество с общей экологической судьбой», которое превосходит любое отдельное национальное государство» [3, с. 485].

Несмотря на этот глобальный горизонт фактичности экологических угроз и рисков, некоторые государства продолжают осуществлять протекционистскую и автаркическую политику, тем самым усиливая глобализацию экологических рисков. Выход США в 2017 г. (по инициативе президента Д. Трампа в рамках политики «Америка прежде всего») из Парижского соглашения по климату 2015 года является печально известным примером. Строительство белорусской АЭС в г. Островец, рядом с литовской границей также является уместным примером генерации глобальных рисков со стороны новых автаркий или авторитаризмов: отсутствие открытых публичных обсуждений как внутри страны, так и за его пределами (со странами-соседями, региональными партнерами, международными организациями) при проектировании, отсутствие в полной мере прозрачности при строительстве и вводе в эксплуатацию.

Если, с одной стороны, «глобализация бросает вызов территориальному принципу, как единственному или первичному основанию для организации политического правления и осуществления политических властных полномочий» [3, с. 509]. То, с другой стороны, не существует действенных механизмов международного права и институций, способных ограничивать осуществление властных полномочий национального государства на определенной территории/юрисдикции (даже при наличии глобальных последствий и рисков). «Не существует никакого механизма, с помощью которого можно было бы заставить несогласное государство принять то или иное решение» [3, с. 485]. Примеры с Трампом и белорусской АЭС в очередной раз подтверждают этот амбивалентный характер глобализации. Дополнительно стоит упомянуть, что в 2022 году

⁶ Россия продолжает оставаться основным торговым партнером Беларуси: на долю России в 2020 году пришлось 47,9 процента стоимостного объема внешней торговли товарами, 45,2 процента – экспорта, 50,2 процента – импорта (в 2019 году доля России во внешней торговле Беларуси со всеми странами мира составляла 49,3 процента, в экспорте – 41,5 процента, импорте – 55,8 процента). Источник: МИД РБ. URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/regions/economy/> (дата обращения 18.11.2021).

Беларусь могут лишить членства в Орхусской конвенции⁷ за репрессии в адрес правозащитных и экологических организаций, последовавших после протестов 2020 года⁸.

Беларусь является примером усиления (в аспекте патернализма и авторитарного государственного управления населением) роли национального государства (белорусской автократии) в контексте закрытия границ из-за пандемии и новой волны де-глобализации.

О регрессивной социальности. Местные эксперты и социальные теоретики также обращаются к анализу белорусских реалий в контексте глобализации. Стоит выделить работы В. Фурса, где автор, опираясь на концептуальный аппарат современной социальной теории предлагает использовать термин «регрессивная социальность» как подходящий для фиксации специфики белорусского кейса (белорусская ответная реакция на глобализацию) [12–13].

Это понятие обсуждалось и много позже при участии белорусских, российских и литовских экспертов, поставивших задачу переформулировать вопрос о европейской перспективе для Беларуси в вопрос о содержательном наполнении формальной идеи автономии в белорусском «здесь и сейчас». «В нашей собственной исследовательской оптике белорусское «здесь и сейчас» – это, прежде всего, специфический опыт глобализации в постсоветском контексте. Особенность предложенной трактовки состоит в том, что белорусский государственный авторитаризм в ней первично воспринимается не во внутрисоциетальной перспективе (как порождение имманентных противоречий посткоммунистического общества), а в системе координат глобализации (как продукт местного преломления транснациональных «потоков» и реакция на проблемы, генерируемые глобализацией)» [14].

Предложенный Фурсом термин эксперты сочли «не совсем удачным и релевантным», обозначив следующее: 1) сложность восприятия самого понятия, двойственность и неоднозначность трактовок его составных частей (например, регрессии); 2) концепт не получил дальнейшей проработки после смерти автора; 3) концепт «регрессивная социальность» не используется в актуальной социальной/социологической теории – что обоснованно может вызывать скепсис в оценке его эвристичности. Однако содержательное описание формирования и легитимности белорусского патерналистского авторитарного государства заслуживает внимания. «Официальная версия национального проекта, несмотря на свои очевидные достоинства (позитивную направленность – на строительство, а не на разрушительную борьбу, консолидацию белорусского общества, обеспечение минимально приемлемого уровня счастливой жизни белорусов), является принципиально ущербной: во-первых, данный национальный проект подчинен задаче самосохранения белорусского авторитарного режима и не ориентирован на формирование полноценной нации, во-вторых, он устроен так, что блокирует креативность и поэтому, несмотря на свои временные успехи, является тупиковым путем развития» [15].

Саму же альтернативу, которую предлагает Фурс, официальному национальному проекту (горизонтальный общественный диалог в форме инклюзивного

⁷ Орхусская конвенция – конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды».

⁸ 21 октября 2021 года в Женеве принято решение о лишении Беларуси привилегий по Орхусской конвенции с 1 февраля 2022 года, если до 1 декабря 2021 г. не будет восстановлена регистрация ООН «Экодом».

гражданского национализма) можно и нужно актуализировать. Методологически она исходит из денатурализации идеи нации и преодоления методологического национализма. Хотя преодолевать также стоит и методологический космополитизм (в терминологии Бека) – что, собственно говоря, Фурс и проделывает, критикуя глобализм и космополитизмы [13].

Новый белорусский авторитаризм. Постсоветские трансформации для Беларуси, испытывающей колониальное влияние Российской империи, СССР, РФ (см. [11]), обернулись не переходом к демократии и гражданскому обществу, а ре-советизацией политических практик и институтов, и, как следствие, формированием «нового авторитаризма» в терминологии Е. Вятра. Новый авторитаризм понимается Вятром как «возникновение гибридных режимов, которые сочетают электорально выраженную волю избирателей и централизацию государственной власти в руках верховного лидера и/или управляющей олигархии, а также деструкцию верховенства закона, краеугольным камнем которого выступают независимые суды. Такая система называлась различными именами, будь то «контролируемая демократия» (Питер Анианг Нионго), «делегативная/представительская демократия» (Гильермо О’Донелл), «электоральный авторитаризм» (Илтер Туран), «нелиберальная демократия» (Фарид Закариа)... мы выбрали термин «новый авторитаризм», чтобы подчеркнуть преемственность со старыми формами авторитаризма и новизну текущего феномена, который в отличие от «старого» авторитаризма, не основывается на исключительно голей силе/власти, но успешно ищет публичной поддержки, выраженной в оспариваемых выборах» [16, с. 5].

Белорусский авторитаризм оформился в период с 1994 по 2001 гг. посредством референдумов 1995, 1996 годов и последующим конституционным переворотом (роспуском парламента – Верховного совета 13 созыва), маргинализацией оппозиции и устранением политических противников. Устойчивость политическая система получала посредством фальсификации результатов парламентских и президентских выборов (2006, 2010, 2015), когда политическая конкуренция подавлялась. Каждые президентские выборы заканчивались протестами (палаточный городок на центральной площади Минска в марте 2006 году, массовый выход людей на центральную площадь в Минске в декабре 2010). Эти протесты быстро подавлялись, начинались ответные репрессии в виде тюремных заключений лидеров и активистов, ликвидация структур гражданского общества и правозащитных организаций, независимых медиа. «Новому» белорусскому авторитаризму (персонализированному в фигуре А. Лукашенко) нужны постоянные «плебисциты» (выборы, референдумы, Всебелорусские народные собрания) для легитимизации политического режима и симуляции народной/электоральной поддержки (в контексте дефицита международной поддержки и признания).

Глобализация авторитаризма. Если глобализация не универсальный процесс (вестернизации, западного модерна, американизации), а множественный – с разными измерениями и направлениями, то циркулировать в глобальной среде могут не только неолиберальная экономика и демократия (либерализация, демократизация, капитализм), но и распространяться фундаментализм, национализм, авторитаризм. Если наличествует множество потоков и сетей мобильности (скейпов), то по той же логике и по тем же сетям, и в рамках аналогичных потоков («идеоскейпы» в терминологии А. Аппадурай [17]) происходит глобализация авторитаризма – распространение самой идеи и институциональной практики.

В последние годы появились публикации (индивидуальные и коллективные монографии), обсуждающие данный феномен и подтверждающие его актуальность [18-21]. Их авторы сходятся во мнении, что авторитаризм популяризируется в контексте кризиса либеральной демократии и глобальной экономики. «Неолиберальная глобализация переживает глубокий кризис. Этот кризис проявляется в глобальном масштабе и воплощает в себе ряд фундаментальных противоречий, центральным из которых является глобальный подъем авторитаризма и фашизма. Эта возникающая форма авторитаризма является реакцией правых на проблемы, порожденные глобализацией, поддерживаемой и финансируемой некоторыми из крупнейших и наиболее могущественных корпораций в их атаке на социальные движения левых, чтобы предотвратить появление социализма против глобального капитализма» [20, с. 10].

Также отмечается, что авторитарные режимы не только подавляют внутренних сторонников демократических реформ, но и пытаются изменить ценности и нормы за рубежом, чтобы ограничить сферу действия демократии на мировом уровне. Новые вызовы со стороны авторитарных режимов проявляются в манипулировании в сфере СМИ (китайские, российские, иранские телевизионные каналы с международным вещанием), ослаблении демократических и правозащитных механизмов/институтов (например, ОБСЕ) и организаций, которые занимаются управлением интернетом. Кроме того, – что особо важно для кейса Беларуси, – авторитарные государства создают новые объединения/организации с целью экспансии авторитарных норм (неограниченного международным правом суверенитета) в региональный/глобальный контекст (например, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз) [18]. Это оценка не лишена оттенка дискурса «холодной войны» ...

События 2019-2021 годов, связанные с пандемией и локдаунами, лишь усилили циркуляцию идеи авторитаризма в контексте глобальной идеологической конкуренции (авторитарные политические режимы пытаются продемонстрировать свою эффективность в территориальной/локальной борьбе с COVID-19). До протестных событий 2020 года «пропаганда» в РБ активно использовала образ «Беларусь – последняя диктатура Европы» в качестве белорусского национального бренда в международном (глобальном) контексте⁹. Множество публикаций в государственных научных и популярных журналах поднимали тему *белорусской модели развития*, у которой множество измерений (например, идеологически ангажированные авторы пишут о подлинности белорусской модели народовластия (демократии) и государственности [22]). Беларусь становится глобальным актором, донором авторитаризма в контексте глобализации и регионализации (включение в глобализацию через экспансию авторитаризма), что лишней раз подтверждается миграционным кризисом конца 2021 года.

Заключение. В 2020 году происходит разрушение авторитарной гегемонии (официального национального проекта) и легитимности политического режима. Массовые протесты – как в столице, так и в регионах, – против результатов выборов и чрезмерного насилия со стороны силовых структур (ОМОН, антитеррористические подразделения, внутренние войска, иные структуры МВД) способствовали национальному возрождению и формированию новой поли-

⁹ См., например, интервью Н. Эйсмонт, пресс-секретаря президента Республики Беларусь в программе «Марков.Ничего личного» // Youtube-канал Телеканала ОНТ. 7 марта 2019. URL: <https://youtu.be/hmkG-x284rA> (дата обращения 20.11.2021).

тической субъектности. Важным фактором в проявлении национального самосознания белорусов стало циничное отношение к распространению пандемии: отрицание серьезности ситуации, замалчивание статистики по заболеваемости и смертности, недостаточная защита и поддержка медиков и другие просчеты в борьбе с COVID-19 в 1 и 2 волну. В блогосфере и Телеграм-каналах активно критиковались неэффективные действия государства (например, каналы С. Тихановского, С. Путило, И. Лосика и др.).

На «брошенность» и цинизм власти общество ответило самоорганизацией – помощь нуждающимся (доставка продуктов), своевременное обеспечение медиков нужными средствами индивидуальной защиты и другие инициативы, распространяемые по принципу краудфандинга, а также посредством блогов, социальных сетей и Телеграм-каналов. Усилились горизонтальные социальные связи, солидарность, организационная структура гражданского общества и сети коммуникации. Белорусское общество (как коллективный субъект) летом 2020 года было максимально мобилизовано и требовало политических перемен и новых политических лидеров. Случай с полным отключением интернета в августе 2020 года (на 3 дня после выборов), как с частичным отключением мобильного интернета на время протестных акций, дополнительно свидетельствует о степени потенциальной закрытости и произвола белорусского авторитарного режима.

Полгода активных протестных действий в разных форматах (общие воскресные марши, женские марши по субботам, марши пенсионеров по понедельникам, марши людей с инвалидностью, районные марши в городах, акции стачкомок, локальные и дворовые акции) не привели к смене политической власти или началу диалога. Политический режим использовал беспрецедентный силовой сценарий – массовые репрессии в отношении лидеров, активистов и просто участников протестных движений, администраторов Телеграм-каналов; закрытие независимых медиа (включая крупнейший медиа-ресурс Тут.Бай); фактическое уничтожение гражданского общества. Репрессии распространились на всех участников протеста, не стали исключением и представители управленческой вертикали. Специально для борьбы с инакомыслием были ужесточены законы, а к участникам протестов начали применять не административные, а уголовные статьи и наказывать реальными сроками.

К лету 2021 года протест ушел с улиц и перешел в виртуальные пространства, диаспоры, локальные сообщества. В результате раскола в обществе и утрате легитимности политического режима произошла консолидация белорусского авторитаризма с признаками тоталитаризма (с тоталитарными тенденциями). Популярный тезис о конце национального государства или его ослаблении в этом контексте воспринимается изнутри белорусского ландшафта весьма иронично. Реальность и силу репрессивных и идеологических аппаратов национального государства белорусы почувствовали на своем собственном теле и в предельно территориально структурированном пространстве.

Библиографический список

1. *Бауман, З.* Актуальность Холокоста. М. : Изд-во «Европа», 2010. 316 с. ISBN 978-5-9739-0193-6.
2. *Eisenstadt, S. N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. Pp. 1-30.
3. Глобальные трансформации : Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.] ; пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М. : Праксис, 2004. 576 с. ISBN 5-901574-35-4.
4. *Stiglitz, J.* Globalization and its discontents. Great Britain : Allen Lane, The Penguin Press, 2000.

5. *Robertson, R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). London : SAGE Publications, 1995. Pp. 25-44. DOI: 10.4135/9781446250563.N2.

6. *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). London : SAGE Publications, 1995. 292 p. DOI: 10.4135/9781446250563.

7. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с. ISBN 5-7777-0304-6.

8. *Robertson, R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications, 1992. 211 p. ISBN 0-8039-8187-2.

9. *Robertson, R.* Mapping the Global Condition: Globalization as a Central Concept // *Theory, Culture & Society*. 1990. Vol. 7, No. 2. Pp. 15-30. DOI: 10.1177/026327690007002002.

10. *Иванов, Д. В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 44-55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.

11. *Терборн, Г.* Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62.

12. *Фурс, В.* Белорусская «реальность» в системе координат глобализации (постановка вопроса) // *Топос*. 2005. № 1. С. 5–18.

13. *Фурс, В.* Белорусский проект «современности»? // *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели*. Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. С. 43–59.

14. Регрессивная социальность? Постсоветские общества в системе координат глобализации (круглый стол, приуроченный к 10-летней годовщине со дня смерти Владимира Фурса) // *Топос*. 2020. № 2. С. 64–78.

15. *Фурс, В.* К вопросу о «белорусской идентичности» // *Новая Эўропа*. 05.12.2008. URL: https://n-europe.eu/article/2008/12/05/k_voprosu_o_belarusskoi_identichnosti_1 (дата обращения 19.11.2021).

16. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century* / Ed. by J. Wiatr. Opladen; Berlin; Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2019. DOI: 10.2307/j.ctvdf08xx.

17. *Appadurai, A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; London : Univ. of Minnesota Press, 1996. 229 p.

18. *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy* / Ed. by Larry Diamond, Marc F. Plattner and Christopher Walker. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2016. 256 p. ISBN 978-1421419978.

19. *Bogaert, K.* Globalized Authoritarianism: Megaprojects, Slums, and Class Relations in Urban Morocco. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2018. 312 p. ISBN 9781517900816.

20. *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century: Crisis of Neoliberal Globalization and the Nationalist Response* / Ed. by Berch Berberoglu. Routledge, 2020. 324 p. ISBN 978-0367426781.

21. *Bloom, P.* Authoritarian Capitalism in the Age of Globalization. UK : Essex Business School, University of Essex, Edward Elgar Publishing Ltd, 2016. 232 p. ISBN 978-1-78471-313-3.

22. *Байнев, В., Винник, В.* Подлинное народовластие и народная государственность // *Беларуская думка*. 2010. № 11. С. 64–68.

Дата поступления в редакцию: 23.11.2021.

Принята к печати: 20.12.2021.

Сведения об авторе:

Андрей Владимирович Ролёнок, независимый исследователь, магистр философии.

Минск, Республика Беларусь.

e-mail: rolyenok@gmail.com

A. V. Rolionok¹

¹ Minsk, Belarus.

AMBIVALENCE OF GLOBALIZATION: CASE OF BELARUS

Abstract. The article considers the ambivalence of globalization based on the case of Belarus. The theoretical framework and methodological basis of the analysis are the following concepts: the ambivalence of modernity by Zygmunt Bauman, multiple modernities by Shmuel Eisenstadt, glocalization by Roland Robertson and the plural flows of globalization by Arjun Appadurai, Malcolm Waters, John Urry. The author of the article studies the uneven involvement of Belarus in the processes of globalization in the political, military, economic and environmental dimensions. Additionally, the author analyzes the development of the authoritarian political regime in Belarus (new authoritarianism in the Jerzy Vyatr's terminology) and the appearance of such a phenomenon as the globalization of authoritarianism. It is stated that Belarus is becoming a regional and global actor, a donor of authoritarianism (inclusion in the globalization through the expansion of authoritarianism). Particular attention is given to the civil protest events that took place in Belarus in 2020-2021. They contributed to the making of a new political subjectivity (civic national identity) and to a counter consolidation of the authoritarian political regime. The author concludes that Belarus is an example of the strengthening (in terms of paternalism and authoritarian state governance of the population) the role of the nation state (Belarusian autocracy) in the context of border closure due to the COVID-19 pandemic and a new wave of de-globalization.

Keywords: ambivalence of modernity, multiple modernities, globalization, glocalization, new authoritarianism, globalization of authoritarianism, Belarus, deglobalization.

For citation: Rolionok A.V. (2022) Ambivalence of globalization: Case of Belarus. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 20–32. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.2

References

1. Bauman, Z. (2010) *Modernity and the Holocaust*. M. : Europe Publ. 316 p. (In Russ.).
2. Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No 1. Pp. 1-30 (in Eng.).
3. Hell, D. [et al.] (2004) *Global transformations : Politics, Economics and Culture*. M. : Praxis Publ., 576 p. (In Russ.).
4. Stiglitz, J. (2000) *Globalization and its discontents*. Great Britain : Allen Lane, The Penguin Press (in Eng.).
5. Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) *Global Modernities*. Pp. 25–44. DOI: 10.4135/9781446250563.N2 (in Eng.).
6. Featherstone, M., Lash, S., Robertson, R. (eds) (1995) *Global Modernities*. London : SAGE Publications. 292 p. DOI: 10.4135/9781446250563 (in Eng.).
7. Giddens, A. (2004) *Runaway World: How Globalisation is Reshaping our Lives*. M. : Ves' Mir Publ., 120 p. ISBN 5-7777-0304-6 (in Russ.).
8. Robertson, R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications. 211 p. ISBN 0-8039-8187-2 (in Eng.).
9. Robertson, R. (1990) Mapping the Global Condition: Globalization as a Central Concept. *Theory, Culture & Society*. Vol. 7. No. 2. Pp. 15-30. DOI: 10.1177/026327690007002002 (in Eng.).
10. Ivanov, D. V. (2020) Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 5. Pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9 (in Russ.).
11. Therborn, G. (2005) Globalization and Inequality: Issues of Conceptualization and Explanation. *Russian Sociological Review*. Vol. 4. No 1. Pp. 31-62 (in Russ.).
12. Furs, V. (2005) Belarusian “reality” in the system of coordinates of globalization. *Topos*. No. 1. Pp. 5-18 (in Russ.).

13. Furs, V. (2007) The Belarusian Project of Modernity? In: *Evropeiskaya perspektiva Belarusi: intellektual'nye modeli [The European Perspective of Belarus: Intellectual Models]*. Vilnius : EGU Publ. EGY. Pp. 43-59 (in Russ.).

14. Regressive sociality? Post-soviet societies in the globalization coordinate system : round table on the occasion of the 10th anniversary of V. Furs's death. *Topos*. 2020. No. 2. Pp. 64-78 (in Russ.).

15. Furs, V. (2008) On the question of "Belarusian identity". *Novaya Ehjropa*. URL: https://n-europe.eu/article/2008/12/05/k_voprosu_o_«belarusskoi_identichnosti»_1 (last request 19.11.2021) (in Russ.).

16. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century* / Ed. by J. Wiatr. Opladen; Berlin; Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2019. DOI: 10.2307/j.ctvdf08xx (in Eng.).

17. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London : Univ. of Minnesota Press. 229 p. (In Eng.).

18. Larry Diamond, Marc F. Plattner and Christopher Walker (eds) (2016) *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. Baltimore : Johns Hopkins University Press. 256 p. ISBN 978-1421419978 (in Eng.).

19. Bogaert, K. (2018) *Globalized Authoritarianism: Megaprojects, Slums, and Class Relations in Urban Morocco*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 312 p. ISBN 9781517900816 (in Eng.).

20. Berch Berberoglu (ed) (2020) *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century: Crisis of Neoliberal Globalization and the Nationalist Response*. Routledge. 324 p. ISBN 978-0367426781 (in Eng.).

21. Bloom, P. (2016) *Authoritarian Capitalism in the Age of Globalization*. UK : Essex Business School, University of Essex, Edward Elgar Publishing Ltd. 232 p. ISBN 978-1-78471-313-3 (in Eng.).

22. Bainiev, V., Vinnik, V. (2010) Genuine democracy and people's statehood. *Belaruskaya Dumka*. No. 11. Pp. 64-68 (in Russ.).

The article was submitted on November 23, 2021.
Accepted on December 20, 2021.

Information about the author:

Andrei V. Rolionok, independent researcher, MA in philosophy. Minsk, Belarus.
e-mail: rolyenok@gmail.com

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.3

УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ИТОГИ ПАРЛАМАНТСКИХ ВЫБОРОВ В ПОРТУГАЛИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ПОРТУГАЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены итоги парламентских выборов в Португалии, прошедших 30 января 2022 г. Дано сравнение результатов ведущих политических партий на выборах 2015, 2019 и 2022 гг., и охарактеризованы все ведущие португальские политические партии, представленные в парламенте в период с 2015 по 2021 гг. Представлены итоги деятельности правительства во главе с лидером Социалистической партии А. Кошта, сформированном по итогам выборов 2015 г. Выявлены причины сохранения рейтинга этого правительства и его влияние на ход избирательной кампании. Рассмотрено как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению ее последствий повлияли на ход и результаты предвыборной кампании. Дана оценка деятельности основных оппозиционных партий этой страны: либерально-консервативной Социал-демократической партии, праворадикальной популистской партии Чега и партии Либеральная инициатива. Рассмотрен ход проведения избирательной кампании и ее основные темы, а также других политических партии, которые по итогам этих выборов прошли в парламент: Либеральная инициатива, Левый блок и Унионистская демократическая коалиция. Представлены позиции ведущих политических партий страны по поводу их отношения к новой правительственной коалиции. Проанализировано состояние российско-португальских отношений. Дан прогноз, как итоги выборов повлияют на формирование нового правительства этой страны и на отношения между Россией и Португалией.

Ключевые слова: выборы, парламент, политические партии, правительство, Португалия, Россия.

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Португалии и их влияние на российско-португальские отношения // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 33–42.
DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.3

30 января 2022 года в Португалии состоялись внеочередные парламентские выборы, на которых были избраны 230 депутатов Ассамблеи Республики (АР) однопалатного парламента этой страны. Португалия является одной из ведущих стран Евросоюза, руководство которой в последние годы стремилось сохранить добрососедские отношения с Россией. Поэтому анализ результатов парламентских выборов, прошедших в ней, несомненно представляет большой научный и общественный интерес.

Партийно-политическая система Португалии. Парламент Португалии (Ассамблея Республики) является однопалатным и состоит из 230 депутатов, избираемых на четыре года по пропорциональной системе голосования в 22 мандатных округах. Вся страна поделена на 18 округов, плюс два автономных региона – Мадейра и Азорские острова, каждый из которых представляет собой один округ. Помимо этого, для португальцев, проживающих за рубежом, сформированы два дополнительных округа: один для тех, кто проживает на территории Европы, и второй – для тех, кто находится в остальных странах мира. Списки кандидатов на выборах от политических партий являются закрытыми, то есть избиратели не могут вносить в них никаких изменений. По результатам

голосования распределение депутатских мест производится по методу д'Онда [1] согласно которому представительство партий примерно пропорционально числу поданных за них голосов, но округление результатов даёт преимущество более крупным партиям. При утверждении нового состава правительства ему не требуется поддержка абсолютного большинства депутатов АР, поскольку число депутатов, которые будут голосовать против, должно быть равным или превышать 116 (абсолютное большинство).

По итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 6 октября 2019 года в Ассамблее Республики были представлены девять политических партий:

- *левоцентристская Социалистическая партия* (ПСП), основанная в 1973 году и возглавляемая действующим с 2015 г. премьер-министром Антонио Коштой, которая имела 108 депутатов. Является членом Партии европейских социалистов (ПЕС);
- *либерально-консервативная Социал-демократическая партия* (ПСДП), образованная в 1974 г., лидером которой с 2018 г. является депутат АР и бывший мэр города Порту Руи Рио. ПСДП имела 79 депутатов. Является членом Европейской народной партии (ЕПП);
- *леворадикальная партия Левых блок* (ЛБ), основанная в 1999 г., которую возглавляет депутат АР и бывшая актриса Катарина Мартинш. ЛБ имел 19 депутатов. Член Партии европейских левых (ПЕЛ);
- *альянс крайне левых сил Унитарная демократическая коалиция* (УДК), который объединяет Коммунистическую партию (ПКП), образованную в 1921 г, Партию зеленых-экологов (ПЗЭ), основанную в 1982 г., и социалистическое объединение Демократическое вмешательство (ДВ). Лидером УДК является генеральный секретарь ПКП и депутат АР с 2005 г. Херонимо де Соуза. УДК имела 12 депутатских мест;
- *христианско-демократическая, консервативная партия Социал-демократический центр - Народная партия* (СДЦ-НП), созданная в 1974 г. и возглавляемая с 2020 г. муниципальным депутатом Франсиско Родригешом душ Сантушем. СДЦ-НП имела 5 депутатов. Является членом ЕНП;
- *партия защиты прав животных и природы Люди-Животные-Природа* (Л-Ж-П), основанная в 2009 г. В партии действует коллективное руководство, которое представляет юрист и депутат АР Инес Соуза Реал. Партия имела 4 депутатских места. Является членом Европейской партии зеленых (ЕПЗ);
- *правопопулистская партия Чега* (в переводе с португальского – достаточно), основанная в 2019 г. в результате раскола ПСДП, бывшим спортивным комментатором и сотрудником налоговой службы, Андре Вентурой, который является ее лидером и единственным депутатом в АР;
- *либеральная партия Либеральная инициатива* (ЛИ), созданная в 2017 году и возглавляемая с 2019 г. бизнесменом Жоао Котримом де Фигейредо, который является ее единственным представителем в АР;
- *эко-социалистическая партия Свободный* (Св), образованная в 2014 г. и имеющая коллективное руководство. В АР ее представляла (до 2020 г.) уроженка Гвинеи-Биссау, историк Жоасин Элизис Катар Тавареш Морейра.

Португалия является парламентской республикой, но в стране существует пост Президента страны, который избирается раз в пять лет прямым всеобщим голосованием с правом переизбрания еще один раз. Президент является главой государства и имеет в основном представительские функции, но в случае кри-

зиса он может распустить парламент и назначить досрочные парламентские выборы.

Нынешний Президент Португалии Марсело Ребело де Соуза, – бывший лидер ПСДП (1996-1999 гг.), 24 января 2021 г. был переизбран на второй срок в первом туре с результатом 60,66% голосов. Он заметно опередил кандидата от ПСП, бывшего дипломата Ану Гомеш, которая участвовала в этих выборах, не имея поддержки своей партии и набрала 12,96% голосов, депутата АР и лидера Чегу А. Вентуру, получившего 11,93% и еще четырех кандидатов. Явка на президентских выборах была невысокой и составила 39,26%.

Социально-экономическая ситуация в стране накануне выборов. Нынешний глава правительства и лидер ПСП А. Кошта находится у власти уже 7 лет, однако правящая коалиция, которую возглавляли все эти годы социалисты, оставалась крайне неустойчивой. Португалия наряду с Грецией традиционно считалась одной из самых слаборазвитых и бедных стран Евросоюза, хотя ее экономика после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. развивалась достаточно высокими темпами¹.

Страна имеет относительно невысокий по европейским меркам уровень жизни, хотя в последние 7 лет имеет место устойчивое сокращение разницы в доходах населения². Этот результат был связан с введения правительством Кошты высоких ставок подоходных налогов на богатых и системы адресной поддержки беднейшим слоям населения³. Кроме того, за счет социальных реформ, проведенных этим правительством, уровень безработицы в Португалии оказался даже ниже, чем в соседних Испании и Италии. За прошедшие семь лет социалисты добились увеличения МРОТ с 485 до 705 евро, что уже ненамного ниже, чем в Греции или Испании, соответственно, 773 и 965 евро⁴.

Однако пандемия коронавируса и её последствия остановили, начиная с 2020 г., развитие этих позитивных тенденций, включая рост ВВП. Тем не менее, правительство страны достаточно оперативно разработало и реализовало систему меры в борьбе с пандемией COVID-19, которые дали хорошие результаты, особенно в сравнении с другими европейскими странами. По данным на 1 июня 2020 г. общее число зараженных составило немногим более 42.000 человек, а число погибших около 1.500 человек (36-е место в мире) [2, с. 66-67]. Тем не менее, очевидно, что последствия пандемии в недалеком будущем негативно отразятся на экономике страны, особенно сфере туризма, которой дает одну шестую всего ВВП Португалии.

О ходе избирательной кампании 2021 г. 27 октября 2021 г. Ассамблея Республики 117 голосами «против» при 108 «за» и 5 «воздержавшихся» отклонила законопроект о бюджете на 2022 год, внесенный правительством страны. Против проголосовали не только депутаты от оппозиционных ПСДП, СДЦ-НП, Чегу и ЛИ, но и союзники ПСП – УДК, ЛБ и Св. Депутат от Л-Ж-П, а также два независимых депутата, Ж. Катар Морейра и К. Родригеш, воздержались. Разно-

¹ Врублевская Ю. Экономическая ситуация в Португалии. Налоги, зарплаты и арендные платы // WithPortugal: [сайт]. 22 октября 2021. URL: <https://u.to/xsEQNA> (дата обращения 10.02.2022).

² Коэффициент Джини, по данным Евростата, в 2018 г. составил 32,1, что ниже, чем в соседней Испании, где он составлял 33,2.

³ Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 54. Март 2020 г. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ. С. 5. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/map_2020_web.pdf (дата обращения 10.02.2022).

⁴ Лемайе Т. Парламентские выборы в Португалии. 31 января 2022. URL: <https://u.to/DMIQNA> (дата обращения 10.02.2022).

гласие по проекту бюджета были связаны с различным подходом правительства и оппозиции по вопросу использования средств, выделенных Португалии Еврокомиссией для преодоления кризиса в области здравоохранения, оживления экономики страны и повышения покупательной способности португальцев.

В результате 5 ноября 2021 г. президент М. Ребело де Соуза объявил о роспуске парламента и проведении досрочных парламентских выборов 30 января 2022 г. 27 ноября он так прокомментировал это свое решение: «Если Ассамблея Республики не может принять бюджет, который имеет основополагающее значение для страны. Необходимо представить слово португальцам, чтобы они избрали новый парламент».

Официальная кампания по выборам депутатов АР стартовала 16 января и продолжалась до 28 января 2022 года. Около 60% португальцев негативно относились к проведению досрочных выборов, но примерно такой же процент считал их «необходимыми».

Позиция правящей социалистической партии. Проведение досрочных парламентских выборов в столь сжатые сроки было неожиданностью для все политических партий страны. Тем не менее, правящая Социалистическая партия оказалась наиболее подготовленной к ним в сравнении с ее правыми оппонентами. Их лидер А. Кошта заявил по этому поводу: «Последнее, что нужно Португалии, – это политический кризис. Мы не хотим выборов, но не боимся их».

СП в ходе предвыборной кампании обещала в случае, если она останется во главе правительства, к 2026 г. повысить минимальную зарплату с 705 до 900 евро в месяц. Это было очень важным заявлением, т.к. в настоящее время около 800.000 португальцев получают такую зарплату. Социалисты также пообещала сократить подоходный налог и НДС с 21 до 17%. ПСП предложила начать общенациональные дебаты о переходе на 4-дневную рабочую неделю. Кошта также подтвердил, что правительство договорилось о том, что Португалия получит 16,6 млрд евро для преодоления последствий пандемии.

После победы на парламентских выборах в 2015 г. А. Кошта, став премьер-министром, предложил левым партиям УДК и ЛБ создать правящую коалицию во главе с ПСП, хотя между ними были заметные разногласия по ряду социально-экономических вопросов [3, с. 38-49]. Эта коалиция просуществовала до следующих парламентских выборов 2019 г., на которых ПСП вновь заняла первое место, получив поддержку 36,34% избирателей. И в этот раз Кошту, сохранивший за собой пост главы правительства, отказался от продолжения сотрудничества с этими партиями. Тем не менее бывшие партнеры по коалиции согласились оказывать поддержку ПСП на парламентском уровне. В результате в 2019 году социалисты во главе с Коштой сформировали правительство меньшинства за счет их поддержки со стороны УДК и ЛБ [2, с. 60-61].

О позиции левых радикалов, УДК и ЛБ. Обе леворадикальные партии в парламенте поддерживали правительство А. Кошты до конца октября 2021 г. Их лидеры при обсуждении проекта бюджета страны на 2022 г. настаивали на включения в него дополнительного набора мер по защите интересов трудящихся, включая укрепление системы социального обеспечения и повышение инвестиций в здравоохранение, а также увеличение зарплат работникам этой сферы. Они обвинили действующего премьер-министра в том, что он слишком большое внимание уделяет снижению дефицита бюджета и не предпринимает необходимых шагов по повышению качества предоставляемых государственных услуг, контролю за ростом арендной платы и снижением покупательной способности граждан.

Но уже накануне роспуска парламента обе левые партии показательно демонстрировали, что они не поддерживают действующее правительство. Однако на муниципальных выборах, прошедших 26 сентября 2021 г. это им не помогло, и они потерпели чувствительную неудачу [4]. По мнению, политолога из Лиссабонского университета М. Коста Лобо: «Это идеологическое решение (отказ от бюджета) приведет к серьезным издержкам на парламентских выборах, как для Левого блока, так и для Унитарной демократической коалиции, которые будут наказаны за то, что не поддержали бюджет, который был скромным, но не был бюджетом жесткой экономии»⁵.

Раскол правых сил. Решение о проведении досрочных парламентских выборов было принято в тот период, когда в главной оппозиционной Социал-демократической партии шел процесс реформирования, который сопровождался серьезными внутренними конфликтами. ПСДП пришлось даже изменить дату выборов ее лидера с 4 декабря на 27 ноября 2021 года. На этих выборах, в которых участвовало 50.000 членов партии, нелегкую победу одержал действующий глава партии Руи Рио, набравший 52,43% голосов, ненамного опередив своего главного оппонента евродепутата Пауло Рангеля, за которого проголосовали 47,57% голосовавших.

Предвыборная программа ПСДП включала снижение налога на прибыль компаний с нынешних 21% до 19% к 2023 г. и до 17% к 2024 г. и подоходного налога на 400 млн евро к 2025-26 гг. Партия предлагала повысить зарплаты, увеличить число рабочих мест и снизить внешнюю задолженность страны. Социал-демократы за счет реформы сфер здравоохранения и образования намеревались сократить к 2026 г. дефицит бюджета на 0,5% ВВП. При этом Руи Рио заявил, что его партия в случае победы на выборах, не намерена создавать коалицию с СДЦ-НП.

В ответ на это глава СДЦ-НП Ф. Родригес душ Сантуш обвинил руководство ПСДП в «повороте влево» вместо того, чтобы вместе с его партией разработать и предложить избирателям альтернативную политику, которое позволит новому правительству Португалии отказаться от коалиции с левыми и позиционировать себя как праволиберальное.

Перспективы правых популистов. Правопопулистская партия Чега, по мнению ряда экспертов, должна извлечь наибольшую выгоду в результате проведения досрочных парламентских выборов. Ее лидер А. Вентура неплохо выступил на президентских выборах в январе 2021 года, заняв третье место, и намеревался повторить этот успех на парламентских выборах, учитывая раскол в правом лагере. Вентура заявил, что его партия отказывается от участия соглашения между Чега и ПСДП на Азорских островах после того, как ее лидер Руи Рио выступил с критикой в его адрес. Однако руководитель регионального отделения Чеги на Азорских островах Х. Пачеко заявил, что продолжит сотрудничество с региональным отделением ПСДП, несмотря на позицию Вентуры. Поэтому, хотя согласно опросам общественного мнения Чега имеет все шансы заметно улучшить свой результат, стать членом правящей коалиции эта партия из-за ее слишком радикальной позиции вряд ли сможет.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному лиссабонским университетом накануне январских выборов, которые были опубликованы в еженедельнике Эспрессо, первое место должна была занять Социалистическая партия

⁵ Costa Lobo M. A grande sobrestimação da abstenção em Portugal. 28.12.2021. URL: <https://u.to/DsYQNA> (last request 10.02.2022).

с результатом 38% голосов, а ее главные оппоненты, Социал-демократы останутся вторыми, набрав лишь 31% голосов.

Партия Чега выходит на третье место с результатом 7% голосов. Либеральная инициатива, УДК и Левый блок могут рассчитывать на поддержку 6% избирателей. Остальные партии могли бы рассчитывать не более, чем на 1,5-2,0% голосов избирателей. Таким образом, ни одна из двух основных партий, согласно этим опросам, согласно этому опросу не сможет сформировать правящую коалицию, имеющую в парламенте стабильное большинство⁶.

Итоги выборов. Для повышения явки правительство разрешило более 500.000 избирателям, находящимся на карантине или в изоляции из-за пандемии COVID-19, принять участие в голосовании, посетив специально выделенные для этого определенные избирательные участки, предназначенные для этой цели, за час до их закрытия. Благодаря помощи волонтеров, посетивших тысячи избирателей, находящихся на карантине или в домах престарелых, те также смогли исполнить свой гражданский долг. Кроме того, около 300.000 человек приняли участие в досрочное голосование, которое стартовало еще 23 января 2021 г. В результате явка на этих выборах составила 57,96%, что почти на 6,5% выше, чем на выборах 2019 г.

Результаты парламентских выборов, прошедших в Португалии 04 апреля 2021 г. оказались несколько неожиданными и немного отличались от предвыборных прогнозов. Они представлены в таблице 1, где также дано их сравнение с результатами предыдущих выборов, проходивших 06 октября 2019 г.

Таблица 1

Итоги парламентских выборов в Португалии, состоявшихся 30.01.2022 г. и их сравнение с результатами выборов 06.10.2019 г.⁷

№	Политическая партия	Число голосов		% голосов		Число депутатов	
		2019	2022	2019	2022	2019	2022
1.	ПСП	1,903,687	2,343,866	36.35	41.50	108	119
2.	ПСПДП	1,454,283	1,571,811	27.77	27.83	77	73
3.	Чега	67,502	410,965	1.29	7.28	1	12
4.	ЛИ	67,443	275,688	1.29	4.88	1	8
5.	ЛБ	498,549	249,584	9.52	4.42	19	5
6.	УДК	332,018	242,478	6.34	4.29	12	6
7.	Л-Ж-П	173,931	92,582	3.32	1.64	4	1
8.	СДЦ-НП	221,094	90,539	4.22	1.60	5	0
9.	Св	56,940	72,610	1.09	1.29	3	1
10	Сначала Мадейра	–	50,634	–	0.90	–	3
11	Демократический альянс	–	28,520	–	0.51	–	2

⁶ Legislativas: 36 debates, nove partidos e 14 dias para seguir na televisão. Veja aqui o calendário // Expresso. 17.12.2021. URL: <https://u.to/pscQHA> (last request 10.02.2022) (in Portugal).

⁷ The Results of Legislative Elections. Web site of the Portugal Ministry of Internal Affairs. February 2022. URL: <https://u.to/3ccQHA> (last request 10.02.2022).

Как видно из таблицы 1, в новом составе парламента Португалии вошли восемь партий. Еще две региональные партии Сначала Мадейра (СА) и Демократический Альянс (ДА) являются, соответственно, филиалами коалиции ПСДП-СДЦ-НП, соответственно, на Мадейре и Азорских островах.

- *Социалистическая партия* сохранила первое место и заметно улучшила свой результат, набрав 41,5% голосов и получив 119 депутатских мест (на 11 больше, чем в 2019 г.), что позволяет ей самостоятельно сформировать правительство во главе со своим лидером А. Кошту. После подведения итогов выборов, он заявил, что «абсолютное большинство – это не абсолютная власть, это не управление в одиночку. Это ответственность за всех португальцев ... это победа доверия и стабильности».
- *Социал-демократическая партия* набрала лишь 27,73%, почти повторив свой результат 2019 г., но ее фракция сократилась на 4 депутата и составит 73 депутата. Правда у них есть резерв в количестве 5 депутатов от партий СА и ДА, которые скорее всего, будут сотрудничать с депутатами ПСДП.
- Право популистская *партия Чега*, набравшая 7,28% стала третьей по популярности политической силой и будет иметь фракцию в составе 12 депутатов (на 11 больше, чем в 2017 г.). Этот успех популистов стал знаковым событием для Португалии, где представители этой части политического спектра до 2019 г. отсутствовала в парламент, что заметно отличало эту страну от других государств Европы.
- Также улучшила свой результат *партия Либеральная инициатива*, которая заняла четвертое место с результатом 4,88% голосов и будет иметь фракцию в составе 8 депутатов (на 7 больше, чем в 2019 г.).
- А вот обе леворадикальные партии *Левый Блок* и *Унионистская демократическая коалиция*, бывшие в двух прошедших созывах АР союзниками ПСП, потерпели на этих выборах сокрушительное поражение, набрав, соответственно, 4,42 и 4,29% голосов избирателей. Численность их парламентских фракций также заметно сократилась по сравнению с 2019 г.: у ЛБ с 19 до 5 депутатов, а у УДК с 12 до 6.
- Умеренно консервативная *партия Социал-демократический центр – Народная партия*, которая была традиционным партнером ПСДП, вообще, набрала лишь 1,60% голосов и потеряла свое представительство в парламенте впервые за последние 43 года, в течение которых она неизменно входила в АР и неоднократно была членом различных правящих коалиций. По итогам этих выборов ее лидер 33-х летний Ф. Родригеш душ Сантуш ушел в отставку.
- Еще две партии, занимавшие в парламенте маргинальные позиции *Люди-Животные-Природа* и *Свободный*, набрав, соответственно 1,64% и 1,29% голосов, сократили свое представительство в парламенте до 1 депутата каждая и вряд ли будут играть в нем хоть какую-то роль.

По мнению ряда португальских исследователи большинство избирателей поддержали социалистов во главе с А. Кошта, посчитав, что он обладает большим опытом государственного управления, чем Руи Рио. Кроме того, избиратели посчитали, что в это непростое время стране необходима стабильность и решили наказать те партии, которые, по их мнению, были ответственны за развязывание политического кризиса, который привел к досрочным выборам.

Нынешний глава правительства *Антонио Кошта* имеет диплом в области права и политологии Лиссабонского университета. В 1991 г. он был избран депутатом парламента, а в 1995 г. занял пост государственного секретаря по делам парламента в правительстве, возглавляемом тогдашним лидером ПСП

А. Гутьерешом. В 1999 г. Кошта получил кресло министра юстиции, который занимал до выборов 2002 г, на которых ПСП проиграла ПСДП. В 2004 г. он был избран депутатом Европарламента, но уже в 2005 г. вернулся в правительство, возглавляемое новым лидером ПСП Ж. Сократешем, в котором Кошта занял пост министра внутренних дел. В 2007 г. он был избран мэром Лиссабона, а в 2013 г. переизбран на этот пост. Но уже в 2014 г. А. Кошта был избран новым лидером Социалистической партии, которая потерпела сокрушительное поражение на парламентских выборах 2011 г. На следующих выборах 2015 г. ПСП во главе с Кошту одержала победу над своими извечными противниками ПСДП, и с тех пор он неизменно возглавляет правительство Португалии.

Влияние итогов выборов на российско-португальские отношения. События 2014 г., приведшие к ухудшению отношений между РФ и Евросоюзом, оказали негативное влияние на российско-португальские отношения. В развитии торгово-экономическое и политическое сотрудничество между Португалией и Россией заметно ослабли, что не отвечало национальным интересам обеих стран [6, с. 66].

Приход к власти в Португалии после парламентских выборов 2015 г. Социальной партии во главе с А. Кошта и избрание в 2016 г. президентом М. Ребелу де Соуза, который выступал за активное сотрудничество с Россией, помогли вывести российско-португальские отношения на новый уровень. В июле 2016 г. Москву посетил министр иностранных дел Португалии А. Сантуш Силва, который разъяснил позицию своего правительства в отношении России. Признавая необходимость выполнения его страной решений Евросоюза, он тем не менее призвал к проведению взаимовыгодной политики в сферах культуры и туризма, а также предложил принять новое рамочное Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве⁸.

В 2018 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании для установления взаимных политических консультаций, который позволил поддерживать на регулярной основе диалог для выявления тех областей, в которых Россия и Португалия могли сотрудничать. Параллельно с достижением политического взаимодействия начали оживляться деловые связи. После длительного перерыва возобновила свою работу Межправительственная комиссия по экономическому и техническому сотрудничеству (МПК), которая на V заседании в 2016 г. достигла договоренности об активизации сотрудничества в сельском хозяйстве, строительстве и сфере высоких технологий.

На VI заседании МПК, прошедшем в сентябре 2017 г. в Казани, его участники обсудили перспективы развития двусторонних торгово-экономических отношений. По его итогам было подписано новое базовое Соглашение между Правительствами РФ и Португалии об экономическом и техническом сотрудничестве, вместо предыдущего документ 1987 г.

А в феврале 2018 г. с целью проведения политических консультаций Москву вновь посетил А. Сантуш Силва. В комментарии Департамента информации и печати МИД России в связи с этим визитом отмечалось, что «благодаря совместным усилиям удалось преодолеть некоторое снижение интенсивности политических контактов, а также в целом активизировать двусторонние связи по отдельным направлениям». При обсуждении международной повестки португальский министр зафиксировал факт принадлежности России и Португалии «к разным геополитическим пространствам», но подчеркнул, что его правительство нацелено на проведение «сбалансированной внешней политики» [6].

⁸ Воскресенский М. Межгосударственные отношения России и Португалии // РИА Новости. 03 марта 2020. URL: <https://ria.ru/20180620/1523023123.html> (дата обращения 10.02.2022).

В конце 2018 года в Москве прошло VII заседание МПК, в ходе которого стороны согласовали Дорожную карту по активизации российско-португальского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

В результате всего этого, взаимный товарооборот в 2019 г. достиг \$1,253 млрд, хотя российский экспорт в Португалию уменьшился почти на 22%, а импорт вырос на 1,43%. При этом сальдо торгового баланса России с Португалией осталось положительным. Сегодня РФ поставляет в Португалию нефть и нефтепродукты, черные металлы, удобрения, каучук, резину и изделия из них, древесину, древесный уголь, бумагу и многое другое. А основными статьями португальского экспорта в Россию являются оборудование, средства наземного транспорта, одежда, обувь, изделия фармацевтической промышленности, продукты питания и др. Очевидно, что необходима диверсификация структуры как российского экспорта, так и поставок в нашу страну из Португалии. Это, в свою очередь, может стимулировать интерес к российским рынкам со стороны португальских фирм, число ведь которых за период «войны санкций» заметно снизилось.

С учетом результатов прошедших в Португалии президентских (2021 г.) и парламентских выборов (январь 2022 г.), которые не внесли особых изменений в состав руководящих органов этой страны, не следует ожидать серьезных изменений в российско-португальских отношениях. Можно предположить, что торгово-экономические связи будут и дальше развиваться, хотя может быть не очень высокими темпами. А вот политический диалог во многом будет зависеть от общего состояния отношений между Россией и коллективным Западом.

Библиографический список

1. *Медзихорский, Ю.* Переосмысление метода д'Онда // Обмен политическими исследованиями. 2019. № 1 (1). DOI: 10.1080/2474736.
2. *Яковлева, Н. М.* Формирование и распад коалиции левых сил в Португалии // Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски / В. Я. Швейцер [и др.]. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. С. 60-67. DOI: 10.15211/report72020_374.
3. *Яковлева, Н. М.* Португалия в поисках «нового времени» // Латинская Америка. 2016. № 6. С. 38-49.
4. *Сигачев, М. И.* Партийно-политический ландшафт Португалии после местных выборов 2021: в преддверии больших перемен? // ИМЭМО РАН: [сайт]. 04 октября 2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/partiynno-politicheskii-landshaft-portugalii-posle-mestnih-viborov-2021-g-v-preddverii-bolyshih-peremen> (дата обращения 10.02.2022).
5. *Яковлева, Н. М.* Три опоры российско-португальских отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Том 61, № 10. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-66-75.
6. *Моисеев, А.* Португалия, Россия и коронавирус: между «вчера» и «завтра». Интервью с Н. Яковлевой // Международная жизнь. 25 марта 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25768> (дата обращения 10.02.2022).

Дата поступления в редакцию: 16.02.2022.

Принята к печати: 03.03.2022.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus: ID 57202470741

B. P. Guseletov¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

RESULTS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN PORTUGAL AND THEIR IMPACT ON RUSSIAN-PORTUGUESE RELATIONS

Abstract. The article examines the results of the Portuguese parliamentary elections held on January 30, 2022. It compares the results of the leading political parties in the elections of 2015, 2019 and 2022, and characterizes all the leading Portuguese political parties represented in parliament from 2015 to 2021. The results of the government led by the leader of the Socialist Party, A. Costa, are presented. The results of the government headed by the leader of the Socialist Party, A. Costa, formed by the results of the 2015 elections are presented. The reasons for maintaining the rating of this government and its impact on the election campaign are revealed. The article examines how the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences influenced the course and results of the election campaign. The activities of the main opposition parties in this country are assessed: the liberal-conservative Social Democratic Party, the right-wing radical populist Chega Party and the Liberal Initiative Party. The course of the election campaign and its main topics are examined, as well as other political parties that were elected to the parliament as a result of these elections: the Liberal Initiative, the Left Bloc and the Unionist Democratic Coalition. The positions of the leading political parties of the country regarding their attitude to the new government coalition are presented. The state of Russian-Portuguese relations is analyzed. It forecasts how the results of the elections will affect the formation of the new government of this country and the relations between Russia and Portugal.

Keywords: elections, parliament, political parties, government, Portugal, Russia.

For citation: Guseletov B.P. (2022) Results of the parliamentary elections in Portugal and their impact on Russian-Portuguese relations. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. № 1. P. 33–42. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.3

References

1. Medzikhorskii, Yu. (2019) Rethinking the d'Ondean Method. *Obmen politicheskimi issledovaniyami*. No. 1 (1). DOI: 10.1080/2474736 (in Russ.).
2. Yakovleva, N. M. (2020) The formation and collapse of the coalition of left forces in Portugal. In: *Coalition governments in contemporary Europe: chances and risks*. M.: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Pp. 60–67. DOI: 10.15211/report72020_374 (in Russ.).
3. Yakovleva, N. M. (2016) Portugal in search of “The New time”. *Latin America*. No. 6. Pp. 38–49 (in Russ.).
4. Sigachev, M. I. (2020) *Partiino-politicheskii landshaft Portugalii posle mestnykh vyborov 2021: v preddverii bol'shikh peremen? [Portugal's party-political landscape after local elections 2021: Ahead of big changes]*. 04.10.20. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/partiyno-politicheskii-landshaft-portugalii-posle-mestnih-viborov-2021-g-v-preddverii-bolyshih-peremen> (last request 10.02.2022) (in Russ.).
5. Yakovleva, N. M. (2017) Three Pillars of Russia–Portugal Relations. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 10. Pp. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-66-75 (in Russ.).
6. Moiseev, A. Portugal, Russia and coronavirus: between “yesterday” and “tomorrow”. Interview with N. Yakovleva. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 25.03.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25768> (last request 10.02.2022) (in Russ.).

The article was submitted on February 16, 2022.
Accepted on March 03, 2022.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Chief Research Officer, Center of Political Studies, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus: ID 57202470741

WOMEN FIRST-PERSON NARRATIVE AS A TOOL FOR DECONSTRUCTING STEREOTYPED REPRESENTATIONS OF GENDER-BASED VIOLENCE

Abstract. The social representation of gender-based violence constitutes a subject of increasing interest by researchers in many sub-disciplinary areas of sociology. The growing interest of social scientists in this topic is due to the crucial role of culturally transmitted social mechanisms, that are reflected in the language through which institutions and social actors represent male violence against women, thus reproducing the conditions underlying it.

Every social phenomenon lies in its narrative, in the way it is constructed and, in the language chosen to represent it. Therefore, narrative constitutes a fundamental heuristic and hermeneutical instrument through which it is possible to give meaning to a social phenomenon. Nevertheless, it often happens that third people, institutions, or various social actors construct narrative of social phenomena, without involving the people that experienced it. This happens with the narration of gender-based violence that all too often comes from external social actors, while the women who are protagonists – against their will – of the episodes of violence, are excluded from the construction of the social representation of what they suffered.

This work, after briefly illustrating the main characteristics of the dominant social representation of male violence against women, proposes a theoretical reflection on the importance of women first-person narrative, as a tool for deconstructing the distorted social representation of gender-based violence that contributes to the perpetuation of its normalization, to the “de-responsibilization” of its perpetrator and of the sexist prejudices against women victims of such violence.

Keywords: women first-person narratives, gender-based violence, sexist stereotypes, role of women in society, research methodology.

For citation: Saccà F., Belmonte R. (2022) Women first-person narrative as a tool for deconstructing stereotyped representations of gender-based violence. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 43–53. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.4

Introduction. Gender-based violence is a «structural and widely spread phenomenon» [1] that is common to all cultures worldwide and does not make distinctions according to the age groups, social classes, income levels, health conditions and sexual orientations. It can take many forms: from physical violence to sexual violence; from psychological violence (e.g., deprecation, denigration, threats of physical violence, isolation from relatives and friends) to economic violence (e.g., prohibition of working or managing women’s own economic resources, obligation to do jobs that do not reflect woman’s ambitions); from stalking to revenge porn¹; up to femicide – the killing of women or girls because they are female [2] – that in most of the countries still does not constitute a specific kind of crime.

¹ Revenge porn consists in sexually explicit images of a person posted online without that person’s consent.

All these different forms of violence have in common the fact of being perpetrated against women, who are in a disadvantaged position within a social structure based on unequal power relations between genders, in which men occupy a position of symbolic and material domination [3–5].

This imbalance of power is not only reflected in the discriminations that women face every day, (e.g., less pay for similar work, higher rates of unpaid work, glass ceiling, the full charge of care works, exposure to higher rates of gender-based violence), in the unequal distribution of power among genders (e.g., lack of representation in government, obstacles in achieving top positions in companies) or in the violence itself. The unbalance of power between genders is reflected also in the way gender-based violence is represented within society, and in the way its protagonists are depicted.

The social representation of gender-based violence constitutes a subject of research in many sub-disciplinary areas of sociology such as political sociology, sociology of communication, sociology of security, sociology of the family, sociology of deviance, and so on [6]. This widespread interest of sociologists in this topic is due to the crucial role of culturally transmitted social mechanisms [7–8], which are reflected in the language through which institutions and social actors represent male violence against women, thus reproducing the conditions underlying it [9–11].

The research project *STEP – Stereotypes and prejudice. Toward a cultural change in gender representation in judicial, law enforcement and media narrative*², whose findings this article is based on, has investigated sexist attitudes, stereotypes and prejudices related to gender-based violence and characterizing the current Italian socio-cultural environment by analyzing 16.715 newspaper's articles and 282 court judgements on gender-based crimes, for the period between the 1st of January 2017 and the 31st of December 2019. The main insight emerging from the research is a distorted representation of gender-based violence that tends to normalize some forms of violence – especially intimate partner violence and domestic violence –, to obscure the correlation between violence and its perpetrator (who is always a man), and to depict violence against women as a consequence of the victims' behavior [8; 11].

This misrepresentation is a visible symptom of the unbalance of power between men and women that, in this case, manifests itself by excluding the protagonists of gender-based violence from the narration of such phenomena. This work, after briefly illustrating the main characteristics of the dominant social representation of gender-based violence emerged by STEP project, proposes a theoretical reflection on the importance of women first-person narrative of violence, as a tool for deconstructing the distortions that contribute to perpetuating its normalization, as well as the “de-responsibilization” of the perpetrator and the sexist prejudices against women victims of such violence.

The social representation of gender-based violence. In the last two decades, thanks to the several global campaigns such as #MeToo and *Ni una Menos*, that have drawn great attention on gender issues, gender-based violence has gained more visibility in the public sphere and throughout the media [6; 10; 12]. Anyhow, social representations of gender-based violence vehiculated by media do not always help to correctly understand and interpret the phenomenon. They often beneath the dignity of the victims and feed prejudices towards them through toxic and stereotypical narratives, thus reproducing a patriarchal ideology that weakens women and prevent them from breaking free from masculine domination [6; 11].

² The research project “STEP”, coordinated by Professor Flaminia Saccà, has been led by Tuscia University in cooperation with the NGO “Differenza Donna” and with the support of Italian Presidency of the Council of Ministries – Department for Equal Opportunities.

At the same time, despite the increasing global attention, we still do not have a clear picture of the extent and complexity of the phenomenon. In Italy, data on gender-based violence are not fully available, and they are not even constantly monitored, analyzed, and imposed to the public debate.

Let us just mention that the last important statistic survey on a national scale about gender-based violence in Italy has been made in 2014 by the ISTAT (Italian National Institute of Statistics) and it does not provide the percentage of the complaints compared to the effective cases of violence, the number of gender-based crimes that get to trial and the number of the convictions. Likewise, there are no statistics related to the convictions and acquittals for each kind of gender-based crime. Furthermore, just a small number of texts of the judgments for cases of gender-based violence is available on-line and we do not know the criteria according to which some texts are published, and some are not. Consequently, since the access to the documents related to the trials is very difficult, it will be just as difficult to reveal the most critical aspects, the prejudices, and the distortions of the representation of gender-based violence produced by those documents [8; 13-14].

What we know for sure is that male violence against women is a widespread phenomenon in Italy, which involves almost one third of the female population aged between 14 and 70 [1]. We know also that its social representation is distorted, both in the press and in the court judgments, and this distortion produces a re-victimization of the women who suffered male violence. Consequently, women find themselves at the center of distorted narratives of violence, which are the product of deeply rooted sexist stereotypes and prejudices, and that make women three-times victims, because they are victims of: 1) the violent crime perpetrated against them (primary victimization); 2) the press and the judicial system representing them as – at least partially – responsible for what has happened to them (secondary victimization); 3) a judiciary system that is not capable of granting women the justice they deserve, weakened as it is by distorted narratives of gender-based violence, consequence of a patriarchal culture in which women and men do not have the same rights (tertiary victimization) [8; 14].

The empirical evidence from the STEP research project shows that the disparity between women and men produces effects on the newspaper's representation of gender-based violence, thus influencing the public discourse on this theme. A primary form of distortion of reality deals with the dimension of the phenomenon. Indeed, the most common form of male violence against women, namely the domestic violence, is not sufficiently covered by the press. Although it represents the most frequently perpetrated crime against women (51,1% of the reported crimes against women)³, domestic violence is one of the less covered gender crimes in Italian newspapers (14% of the articles)⁴. This demonstrates that this kind of crimes is not to be taken too seriously. On the contrary, this underrepresentation of domestic violence vehiculates the idea that this phenomenon is not worthy of stigmatization, but it is a normal aspect of private life and private relations. In other words, domestic violence is not worthy of becoming a “news”. At the same time, the crimes of stalking, which represent 30,7% of the reported crimes in Italy and are generally less violent and dramatic than domestic violence, are covered by the 53,4% of the Italian newspapers' articles. The most frequently covered crime by the Italian press is the femicide, which recurs in 44,5% of the newspapers' articles analyzed within STEP project, although it corresponds to the 0,7% of gender crimes perpetrated in Italy in the period 2017–2019. The effect of this weak interest of the

³ Data provided by the Italian Ministry of Interior, related to the period 2017–2019..

⁴ Data provided by STEP research project.

Italian press in covering domestic violence is a normalization of the phenomenon that could produce – among its consequences – a delay in the identification of the problem by the women that suffer it, who are induced to think that if domestic violence is not frequently mentioned by the media, it is because it represents the ordinary situation and not the deviant one [8]. Thus, domestic abuse ends up being interpreted as «normal acts of discipline, naturalized as relational gender dynamics» [15, p. 37].

Instead, when newspapers narrate violence, they usually represent it as an accident – something unexpected – and they do not frame it as a social, cultural, and political event. When perpetrated in a private context, male violence (physical or psychological) is usually represented by the newspaper narrative as a private issue, concerning only the two persons involved [10–11].

Furthermore, in most of the cases, when describing violent cases, newspapers tend to circumscribe such actions in the frame of an individual responsibility, without putting them in a socio-cultural perspective and without conferring them great importance. On the contrary, they tend to depict them as the consequence of “too much love”, “jealousy”, “depression”, or of a personal deviance (e.g., the perpetrator is alcoholic, or drug addicted). This way to describe violence obscures the social and cultural roots of the issue and diverts the reader’s attention from the structural causes of the problem, that are rooted in the unbalance of material and symbolic power among women and men [16–19]. On the contrary, recognizing the cultural roots of violence, instead of considering it as a generic form of deviance, means conferring political significance to this type of violence and to the actions aimed at contrasting it. It also entails that the women who have suffered male violence are not considered as mere victims but also as bearers of rights [20].

Another important result of the STEP research relates to the centrality of women in the journalistic narrative of gender-based violence and to the parallel marginality of the men who perpetrated such violence. Indeed, by observing the first hundred occurrences within the corpus of Italian newspapers’ articles analyzed within the research project, we can notice that the words *woman* and *women*, that correspond to the victims of male violence, are much more frequent than *man*, *men*, or *husband*, namely the main perpetrators of gender-based crimes, who occur very marginally [6; 10–11].

Even if it is common knowledge that, in every society, the authors of violence against women are mostly men and, in most instances, they are the husbands, partners or relatives of the victims, in their narrative of violence, newspapers tend to eclipse the man who perpetrated such violence. In these narrations violence against women is something that “happens”. This type of representation is made possible through a distortion mechanism that Romito calls “linguistic avoidance”, namely: «a technique, deliberate or unconscious, thanks to which the perpetrators of violence against women and children – men – disappear from discourses and texts on male violence, whether these are international documents, scientific work or the popular press» [21, p. 45]. Linguistic avoidance consists in the use of expressions such as “marital disputes” or “domestic violence” instead of “male violence” and “husband’s violence” [22], or in the common practice of de-humanizing the perpetrator by depicting him as a “monster” [23] or as a beast [24]: e.g., «*It was a blow for the woman, who came face-to-face with a real ogre*»⁵ or «*A raptus that suddenly turned the boyfriend into a monster*»⁶. Such expressions, indeed, conceal the relation between male gender

⁵ Taken from the newspaper’s article *Violentava la figlia: operaio condannato (He used to rape his daughter; worker condemned)*, published by the daily newspaper “Il Tirreno” the 18th of November 2017.

⁶ Taken from the newspaper’s article *Violenza sulle donne: i ragazzi dicono “no” (Violence against women: youngsters say “no”)*, published by the daily newspaper “Il Tirreno” the 14th of February 2017.

and violence. The latter is thus narrated as something that does not involve men, at least not directly [6; 11. On the contrary, highlighting the male protagonist of the violence would mean standing up to the men's "power" – deeply rooted in every culture – to disappear from the discourses about violence against women [25; 6].

From the STEP research it also emerged that, even when the man does not disappear, he is never depicted as completely guilty. There is a tendency of newspapers, widely confirmed in the sociological literature on the topic [22; 26; 24; 27], to de-responsibilize the author of the violence and to not stigmatize the phenomenon. Such tendency, that contributes to make the abuses of women socially acceptable, is mainly based on three biases that occur very often in the journalistic and judicial narrative of gender-based violence: the *lovers' quarrel*, the *jealousy*, the *raptus* [6].

Furthermore, male responsibility is mitigated also when violence is considered to be a consequence of the deviant nature of the perpetrator or when the journalist (or the judge) explains the violence as a reaction of the man to a female behavior that does not satisfy his expectations. In this way, the male decision to perpetrate violence against a woman ends up being interpreted as an irrational action, not correlated with a gender order, in which women are in a disadvantaged position.

This disadvantaged position is reflected in the way newspapers describe women who suffered male violence. Indeed, in these cases, attention is mainly focused on the woman's social status (i.e., *young, foreigner, residing, Italian, etc.*), and on her family status (i.e., *married, single, pregnant, divorced, etc.*). In addition, a further element emerging (which does not characterize the description of men) is that, in some cases, press describes the victim as beautiful, whereas there is no mentioning of male beauty in the narration of gender-based violence. It is also infrequent that the press describes a man as a son, a father or a father-to-be. Talking about the woman who is victim of violence by referring to her youth, beauty and motherhood means not to recognize her a full subjectivity and autonomy, thus fostering prejudices and stereotypes that perpetuate the old dominant gender order and that normalize male violence. In other words, women are not protagonist either when they are abused, stalked, or killed because the dominant perspective is still the male one [6].

While newspapers too often depict violence from a male perspective, in the texts of the court judgments for gender crimes, the victim's narrative is at the center of the attention. Nonetheless, there are still critical aspects in terms of stereotyped representation of male violence. Firstly, since during a trial the attention is mostly focused on the victim's testimony, the woman's reconstruction of the events will be judged, together with the woman herself. In other words, what happens is a role reversal in which the woman ends up being under judgement. In front of the judges, she will have to worry about being trustable, able to provide an accurate testimony of her experience and to have characteristics that make her an "ideal victim", namely a vulnerable and weak woman that goes for a criminal prosecution of the violence perpetrator to defend herself, after having suffered in silence for years [28-29]. This means that testimonies, medical reports, and unequivocal evidence will not be sufficient to ensure justice to the victim. She will also have to demonstrate to have always been an angelic lady in order to be taken into serious consideration and to be believed without being held co-responsible of the violence suffered.

The consequence is that where the female perspective should assume centrality – as in the judicial field – the voice of the victims is muffled by sexist stereotypes and prejudices that still condition the gender norms and the gender role expectations. Such stereotypes and prejudices are so deeply rooted in our society that they characterize

even ideally neutral contexts such as tribunals. In other words, what is listened to during the trial is hardly ever the real testimony of the victim, but the collective narrative constructed by the press, the judges, the lawyers, the society, permeated by stereotypes that are so strongly rooted in the social fabric that they end up obscuring the real matter of facts.

In her own words. Exposing women's own voices in order to deconstruct stereotyped representations of gender-based violence. In the previous pages, we have seen how the culturally transmitted social mechanism underlying male violence against women are reflected in the language through which social institutions and actors represent it. Every social phenomenon, indeed, is not only the object of a narrative, but it lies in that same narrative and in the way it is constructed. Therefore, the narrative of a social phenomenon represents a fundamental heuristic and hermeneutical instrument through which it is possible to give meaning to a social action [30; 31; 27].

In order to understand an experience – theirs or other's – it is necessary that people give it the shape of a narration, because «narrating means selecting – from the infinity devoid of sense of reality – aspects that seems significant and relevant. It implies, also, the fact of putting in relation those aspects through the identification of meaningful links» [32, p. 28]. For this reason, narration represents a very useful tool for social scientists. In fact, regardless of the variety of theoretical and methodological traditions, scientific approaches (i.e., qualitative, or quantitative) and objects to be analyzed (e.g., interviews, text corpora, storytelling), through narration social scientists can reconstruct events and states of mind and reflect on the meaning of the words people choose to represent their emotions, feelings and experiences [32].

Disciplines such as epistemology, anthropology, history, sociology, political science, psychoanalysis, psychology and even economy recognize narrative as a fundamental instrument through which the researcher can interpret the social world in which he is embedded, and the conditions underlying certain social phenomena in order to get their significances and to foster a social change [33–39].

Even philosophical research – a field where it is still difficult to overcome the dualism between personal and philosophical level – recurs to narratives to 1) highlight the prejudices lying in the object of analysis and in the methodology adopted by the discipline, 2) facilitate the understanding of the other and the empathy towards him, 3) reveal the prejudices of the researchers [40].

When someone narrates an experience, he/she gives an order and a meaning to events and actions. Also, he activates a process through which it is possible to understand and explain the narrated reality [34; 41; 38].

Through narration, social scientists can collect information about a certain social phenomenon, on the context in which the narrator lived his/her experience, and on the way in which he/she interprets and represents it. Therefore, the social and discursive practice of narration allows to construct a reality from the narrator's perspective. Indeed, the person who directly lived an experience is the only keeper of his/her narrative knowledge. At the same time, narration allows the narrator to provide connections and interpretative schemes, thus reaffirming and reconstructing his/her own identity and personal story [38].

Nevertheless, it often happens that other people, institutions, or various social actors construct narratives for third persons, without involving them in the creation of the social representation of the phenomenon that they have experienced. This is the manifestation of an unbalance of power of which the distorted representation of gender-based violence is the clearest example. Indeed, very often the narrative of

gender-based violence is outlined by external actors – social actors of institutional subjects – while women, who are the real protagonists of the violence narrated, end up being excluded from the construction of the social representation of what they have suffered.

Even in disciplines like criminology or social psychology, for long time researchers used to focus more on the perpetrator than on the victim. An example of this unbalance in terms of scientific attention on the perpetrator is represented by the psychosocial research about de-humanization, which are mainly focused on the reasons and on the mechanisms that pushed the authors to perpetrate violence [9]. The result is a well-established narrative of violence in which men are depicted as active subjects and women are relegated to the role of “passive victims”, thus transforming the temporary condition of the person experiencing the violence in a permanent status of victimhood.

The etymology of the word “victim” (from the Latin *victima*) – which means a living creature, person, or animal, killed, and offered as sacrifice to a deity or supernatural power, or in the performance of a religious rite⁷ – refers to a condition of subjection and passivity. This is the reason why, according to a feminist approach, it is considered inappropriate to refer to women who suffered male violence by using the word “victims”. Instead of “victim”, that suggests the idea of being powerless, passive, weak and needy of compassion [42], it would be more correct using the word “survivors”, that suggests a more active role of the women who experienced male violence, the idea of a reconquered freedom and control of their lives; a control that manifests itself in the women’s personal or judicial struggle against the violence and against its perpetrator.

In the light of the abovementioned considerations, giving these women a voice means to promote an alternative to the dominant tendency of narrating social phenomena in an abstract and impersonal way, without considering first-person narrations and the perspective of those who actually have experienced such phenomena and their consequences. As said by Brison: «Some issues, such as the impact of the racial and sexual violence on the victims, cannot even be juxtaposed, unless it is given the possibility to tell their own experience with their own words to the people that has been affected by these crimes» [40, p. 30]. At the same time, as argued by the American philosopher: «First-person narratives may unveil gender-based and other prejudices. [...] They can be used to give a testimony, and thus to draw the professionals’ attention to the injustices suffered by groups that in the past have been neglected and have not been considered» [40, p. 60]. Therefore, to give voice to the women who survived male violence by adopting their perspective and trying to understand how they represent their experience is a fundamental epistemological tool for understanding the reality of gender-based violence.

But that is not all. Several studies on male violence against women highlight the therapeutical power of first-person narrative [43; 44; 40; 15]. Asking a woman to “break the silence” by narrating her experiences from her own perspective, by deciding how to define herself, the violence suffered and its perpetrator, is not only an epistemological instrument for the observer who tries to understand the phenomenon of gender-based violence from outside, but it is a form of help to overcome the trauma. The act of narrating her own experience, indeed, is a tool of reappropriation of the Self and of the autonomy that has been disintegrated by male violence [44; 40].

The autonomy of a woman who survived violence depends also on her relationship with the other people. On this regard, the words of Brison are particularly inspiring:

⁷ Translation of the definition of the word “vittima” (Italian word for “victim”) in the online dictionary Treccani: URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/vittima/> (last request 24.02.2022).

«Survivors of a trauma depend on an emphatic Other who is willing to listen their narratives because the language through which narratives are communicated and understood is, by itself, a social phenomenon» [40, p. 113]. In this sense, survivors' narrative helps us to face the problem of gender-based violence without keeping the distance from the women or even de-humanizing them.

Finally, giving voice to the survivors of gender-based violence is also a political act. Indeed, to question themselves on the significance that a woman who suffered male violence attributes to her experience is not useful only to understand the deepest aspects of her experience, but also for reflecting on the relations of power and domination existing in society, especially for what concerns power relations between sexes [45; 15]. In other words, giving voice to who has suffered gender-based violence means choosing to adopt the perspective of those subjects that are in a disadvantaged position within a social structure based on unequal relations. In this way, violence is recognized into a common social horizon of significance, in which the personal and the political levels are not distinguished. On the contrary, they complement each other perfectly and the first become constitutive of the second, and vice versa.

From a methodological point of view, interviews represent an instrument to find – despite the diversity among the personal experiences – the elements that each personal story has in common with other women's stories. Furthermore, this can also be an important opportunity for women to recognize violence. Indeed, by listening or reading the first-person testimonies of other women who have already gone through such an experience, a woman can recognize herself, her own story, and can finally realize that what she experiences or has experienced is actually violence and so deciding to interrupt it.

In conclusion, giving space to a woman's first-person narrative of violence – free of mediations and distortions – represents the most useful instrument for a realistic understanding of this social issue, and it is a first step to give women the justice they deserve, by giving them their voice back. A voice that has been suffocated by male violence against them and by the narration of gender-based violence made by the press, the judiciary system and by society itself.

References

1. Czarniawska, B. (2018) *La narrazione nelle scienze sociali*. Editoriale scientifica, Napoli. ISBN 978-88-9391-372-0.
2. Spinelli, B. (2008) *Femminicidio. Dalla denuncia sociale al riconoscimento giuridico internazionale*. FrancoAngeli, Milano. 204 p. ISBN 9788846498458.
3. Pitch, T. (2008) Qualche riflessione attorno alla violenza maschile contro le donne. *Studi sulla questione criminale*. Vol. 3. No. 2. Pp. 7–13.
4. Bourdieu, P. (1998) *Il dominio maschile*. Feltrinelli, Milano.
5. Carnino, G. (2011) Violenza contro le donne e violenza di genere: ripensamenti di teoria femminista tra sovversione e uguaglianza. In F. Balsamo, *World Wide Women: Globalizzazione, Generi, Linguaggi*. Vol. 2. CirsDe, Torino. Pp. 55–66.
6. Belmonte, R., Negri, M. (2021) Analyzing social representation of gender-based violence throughout media discourse. The case of the Italian press. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 2. Pp. 48-61.
7. Saccà, F. (2003) *La società sessuale. Il controllo sociale della sessualità nelle organizzazioni umane*. FrancoAngeli, Milano. 128 p. ISBN 9788846452917.
8. Saccà, F. (eds) (2021) *Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica della violenza di genere*. FrancoAngeli, Milano. 232 p. ISBN 9788835124474.
9. Taylor, R. (2009) Slain and slandered: A content analysis of the portrayal of femicide in the news. *Homicide Studies*. No. 13. Pp. 21-49. DOI: 10.1177/1088767908326679.
10. Belmonte, R. (2021) La violenza maschile contro le donne nel racconto della stampa. In: F. Saccà (eds), *Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica della violenza di genere*. FrancoAngeli, Milano. Pp. 116–139.

11. Belmonte, R., Selva, D. (2021) La narrazione della violenza contro le donne tra stereotipi e media logic. In: F. Sacca (eds), *Sociologia*. No 1. Pp. 35–46.
12. Belluati, M. Tirocchi, S. (2021) Tra tensioni e convergenze. Il prima del discorso pubblico sul femminicidio e le pratiche dell'informazione e della politica. In: P. Lalli (eds), *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*. Il Mulino, Bologna. Pp. 241–273.
13. Sacca, F., Massidda, L. (2021) Stereotypes and Prejudices in the Legal Representation of Violence Against Women. A Socio-Cultural Analysis of the Judgments in the Italian Courts. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 2. Pp. 62–74. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.13.
14. Sacca, F. (2021) La rappresentazione sociale della violenza di genere in ambito giudiziario e sulla stampa. In: *Sociologia*, 1. Gangemi, Roma. Pp. 3–12.
15. Gribaldo, A. (2020) *Unexpected subjects*. HAU, London. 158 p.
16. Gruber, A. (2007) The Feminist War on Crime. *Iowa Law Review*. Vol. 92. Pp. 741-833.
17. Bailey, K. D. (2010) Lost in Translation: Domestic Violence. «The personal is political», and the Criminal Justice System. *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 100. No. 4. Pp. 1255-1300.
18. Meloy, L., Miller, S. L. (2010) *The victimization of Women: Law, Policies, and Politics*, Oxford University Press, New York. 246 p. ISBN: 978-0199765119.
19. Creazzo, G. (2012) Violenza contro le donne nelle relazioni di intimità e risposte del sistema penale. In: G. Creazzo (eds), *Se le donne chiedono giustizia*. Il Mulino, Bologna. Pp. 7–38.
20. Bodelòn, E. (2008) Il femminismo dentro e fuori la legge: la legislazione spagnola sulla violenza contro le donne. *Studi sulla questione criminale*. Vol. 3. No. 2. Pp. 43-64.
21. Romito, P. [et al.] (eds) (2017) *La violenza sulle donne e sui minori. Una guida per chi lavora sul campo*. Carocci, Roma.
22. Romito, P. (2008) *A deafening silence. Hidden violence against women and children*. The Policy Press, Bristol. 232 p. ISBN 978-1861349613.
23. Consalvo, M. (2003) The monsters next door: Media constructions of boys and masculinity. *Feminist Media Studies*. Vol. 3. No. 1. Pp. 27–45. DOI: 10.1080/1468077032000080112.
24. Gius, C. & Lalli, P. (2014) 'I Loved Her So Much, But I Killed Her'. Romantic Love as a Representational Frame for Intimate Partner Femicide in Three Italian Newspapers. *ESSACHESS: Journal for Communication Studies*. Vol. 7. No. 2. Pp. 53–75.
25. Giomi, E., Magaraggia, S. (2017) *Relazioni Brutali*. Il Mulino, Bologna. 240 p. ISBN 978-88-15-26529-6.
26. Monckton-Smith, J. (2012) *Murder, Gender and the Media. Narratives of Dangerous Love*. Palgrave Macmillian, New York. ISBN 978-1-349-32289-3. DOI: 10.1057/9781137007735.
27. Stella, R. [et al.] (2021) Questioni di prossimità. Il femminicidio nella cronaca locale veneta. In: Lalli, P. (eds), *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*. Il Mulino, Bologna. Pp. 123-154.
28. Massidda, L. (2021) Giudizi e pregiudizi. Bias di genere nella rappresentazione giuridica della violenza contro le donne. *Sociologia*. No. 1.
29. Massidda, L. (2021) Che genere di sentenze? La rappresentazione giuridica della violenza contro le donne. In: F. Sacca (a cura di), *Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica della violenza di genere*. FrancoAngeli, Milano.
30. MacIntyre, A. C. (1988) *Dopo la virtù: saggio di teoria morale*. Feltrinelli, Milano. 334 p.
31. Kaneklin, C.; Scarpati, G. (eds) (1998) *Formazione e narrazione*. Cortina, Milano.
32. Poggio, B. (2004) *Mi racconti una storia? Il metodo narrativo nelle scienze sociali*. Carocci, Roma. 192 p. ISBN 9788843031580.
33. Fisher, W. R. (1984) Narration as a human communication paradigm: the case of public moral argument. *Communication monographs*. No. 51. Pp. 1–22.
34. Polkinghorne, D. E. (1987) *Narrative knowing and the human science*. State University of New York Press, Albany. 215 p.
35. Bruner, J. (1991) La costruzione narrativa della "realtà". In: M. Ammanniti, D. N. Stern (a cura di), *Rappresentazioni e narrazioni*. Laterza, Roma-Bari. Pp. 17–38.
36. Mc Closkey, D. N. (1990) *If you are so smart. The narrative of economic expertise*. University of Chicago Press, Chicago. 190 p. ISBN 0-226-55671-9.
37. Sbandi, M. (eds) (2003) *La narrazione come ricerca del significato*. Liguori, Napoli. 115 p.
38. Bichi, R., Mastripietri, L. (2012) Le narrazioni come metodo d'indagine sociologica. *M@gm@*. Vol. 10. No. 1.

39. Sicca, L. M. (2018) La svolta narrativa negli studi sociali. In: B. Czarniawska, *La narrazione nelle scienze sociali*. Editoriale scientifica, Napoli.
40. Brison, S. J. (2020) *Dopo la violenza*. Il Margine, Trento. 212 p.
41. Longo, M. (2006) Sul racconto in Sociologia. Letteratura, senso comune, narrazione sociologica. *Nomadas. Revista Critica de Ciencias Sociales Y Juridicas*. Vol. 14. No. 2.
42. Leisenring A. (2006) Confronting "Victim" Discourses: The Identity Work of Battered Women. *Symbolic interaction*. Vol. 29. No. 3. Pp. 307-330. DOI: 10.1525/si.2006.29.3.307.
43. Jean-Klein, I., Riles, A. (2005) Introducing discipline: Anthropology and human rights administration. *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. Vol. 28. No. 2. Pp. 173-202.
44. Allen, M. (2011) *Narrative Therapy for Women Experiencing Domestic Violence: Supporting Women's Transitions from Abuse to Safety*. Jessica Kingsley Pub, Londra. 144 p. ISBN 978-1849051903.
45. Ortner, S. B. (2006) *Anthropology and Social Theory: Culture, Power, and the Acting Subject*. Duke University Press, Durham. 200 p. DOI: 10.1215/9780822388456.

The article was submitted on February 28, 2022.

Accepted on March 10, 2022.

Information about the authors:

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology. Tuscia University. Viterbo, Italy.

e-mail: sacca@unitus.it

ORCID: 0000-0001-5960-9169

Rosalba Belmonte, Post-doc Researcher. Tuscia University. Viterbo, Italy.

e-mail: r.belmonte@unitus.it

Ф. Сакка¹, Р. Бельмонт¹

¹ Университет Тушии. Витербо, Италия.

РАСКАЗЫ ЖЕНЩИН ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРУШЕНИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕНДЕРНОМ НАСИЛИИ

Аннотация. Социальная репрезентация гендерного насилия является предметом растущего интереса исследователей во многих субдисциплинарных областях социологии. Растущий интерес социологов к этой теме обусловлен ключевой ролью передаваемых в рамках культуры социальных механизмов, отраженных в языке, с помощью которого институты и социальные акторы представляют мужское насилие в отношении женщин, тем самым воспроизводя условия, лежащие в его основе. Каждое социальное явление определяется его описанием, тем, как оно конструируется, и в языке, выбранном для его представления. Поэтому описание представляет собой фундаментальный эвристический и герменевтический инструмент, с помощью которого можно придать смысл социальному явлению. Тем не менее, часто случается, что сторонние наблюдатели, институты или различные общественные акторы конструируют описание социальных явлений, не привлекая людей, которые их пережили. Так, в частности, происходит с повествованием о гендерном насилии, которое часто исходит от внешних социальных субъектов, в то время как сами женщины, пережившие насилие, исключены из процесса общественной трансляции о произошедшем.

В данной работе, после краткого отображения основных характеристик доминирующей социальной картины насилия со стороны мужчин в отношении женщин, предлагается теоретическое осмысле-

ние важности повествования женщин от первого лица как инструмента разрушения искаженного социального представления о насилии по признаку пола, которое способствует сохранению его нормализации, «снятию ответственности» с виновного и сексистских предрассудков в отношении женщин, ставших жертвами такого насилия.

Ключевые слова: женское повествование от первого лица, гендерное насилие, сексистские стереотипы, роль женщин в обществе, методология исследования.

Для цитирования: Сакка Ф., Бельмонт Р. Рассказы женщин от первого лица как инструмент разрушения стереотипных представлений о гендерном насилии // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 43–53. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.4

Дата поступления в редакцию: 28.02.2022.

Принята к печати: 10.03.2022.

Сведения об авторах:

Фламиния Сакка, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии.
Витербо, Италия.
e-mail: sacca@unitus.it

Розальба Бельмонт, постдокторант, Университет Тушии.
Витербо, Италия.
e-mail: r.belmonte@unitus.it

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.5
УДК 366.02

M. H. Laskar¹

¹ University of Science and Technology, Meghalaya, India.

GLOBAL CONSUMER SOCIETY AND TREND OF CONSUMPTION IN INDIA

Abstract. For sociologists and social scientists, contemporary global society has entered into the phase that is labelled as advanced capitalism, advanced industrialism, information era and post-modernity. Consumer society is a kind of characteristic feature of this phase and an ideological force underlies the global development trends. This paper has discussed the development of consumer society and its implication for social well-being.

Social well-being is symbolically measured in consumer society; people's manifested well-being is determined by consumption of industrial commodities or objects. Social well-being is again linked to the notion of 'need' and different standards of life define 'need' differently. Marcuse (1964) differentiated between true needs and false needs; false need causes variation of standard of life and objective well-being. Consumer society shows greater interest in mass production and freedom of consumption. Technological advancement particularly Web.20 (Advancement of WWW) during the beginning of 21st Century reshaped the service sectors of the world.

India has become a part of global consumer society that is not a desired gain for its large weaker sections. Socio-historical inequalities like caste and class still remind us of the reality of social ill-being though affluent sections were able to attain objective well-being. Launching of Reliance Jio (Offering unlimited internet data plan at cheaper price) in 2007 marked the beginning of new digital life and mass consumption among Indian people, as it created a new service industry in the fields of food, cloth, aestheticism, entertainment and many more. But social well-being is not yet ensured; still there are large sections of the population striving for basic needs like quality education and quality healthcare. Until capability equality is achieved, social well-being in Indian society will be a utopia.

Keywords: consumer culture, consumer society, social well-being, consumerism.

For citation: Laskar M.H. (2022) Global consumer society and trend of consumption in India. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 54–65. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.5

Introduction. Featherstone described the consumer culture' as the impact of consumption on everyday life, which led to the adjustment of social activities around the accumulation and consumption of a constantly increasing range of goods and services. 'Consumer society' is a particular kind of social activity that follows a pattern of consumption (extravagant), acquiring and manifestation of luxurious and fashionable goods and clothes [1, p. 4]. Notions of consumer culture and consumer society are instrumental in describing contemporary global society as advanced capitalism or advanced industrial society.

This new phase of global society has varied interpretations by social scientists; some termed it as inevitable economic growth and affluent society, while others regarded it as a phase of consumer culture. There are certain inherent elements

of consumer society like popular culture, culture industry and material aestheticism, which constitute a system of mass consumption-oriented mass production. Development of this phase is largely determined by technology and its gradual advancement, particularly in the post-war period. Technological advancement in machine equipment, cars, ship-building, power and energy boosted the industrial growth that expedited in the late 20th Century when World Wide Web (WWW) began. The web had eventually transformed the world into a global village in the real sense of the term. Initially beneficiaries were mainly designated scientists, University researchers and corporations and over the period of time, it has paved the way for global service industries and consumer goods production. Web is accommodated in the pocket of consumers now due to technological paradigm shift from computer to smart mobile.

Adorno and Horkheimer [2] critically examined this technological advancement and pointed out the techno-rationality of advanced industrial society that has domination over the consciousness of common people. Though we have been liberated from the primitive social condition, techno-rationality of advanced industrial society manipulates the choice of life and even the needs. Adorno and Horkheimer and Marcuse specifically focused on the culture industry that industrialized the art and recreated the notion of entertainment as part of aestheticism. Culture industry is actually a process of standardization and industrialization of popular culture and mass consumption that is a part of economic growth. Marcuse has the view that liberty in advanced industrial society is a myth as he argued that “under the rule of a repressive whole, liberty can be made into a powerful instrument of domination” [3]. In the present industrial age, we are fortunate in getting rid of irrationality and primitive life, but orientation of masses in the rationality of technocratic industrial society is no less than irrationality.

Baudrillard [5] noted that the fundamental aspect of consumer society is social logic of consumption; egalitarian ideology of well-being works as a determinant factor of such logic. He pointed out that social well-being is myth and egalitarianism is myth in consumer society. Baudrillard [5] even questioned the notion of growth idealized by Galbraith [8], ‘growth as source of affluence’. Baudrillard asserted that growth may not eliminate socio-historical inequalities and he opposed the idea, ‘growth produces affluence and therefore equality’ [5]. Growth may be limited to privileged sections or affluent sections.

We may find the historical root of mass production and mass consumption in Fordism. Henry Ford’s Fordism explicitly stated that mass production meant mass consumption that marked the initiation of a new system of reproduction of labour power, new controlling and managing mechanism of labour and a kind of new aesthetics of modernism.

It is attempted to discuss the question – Is India a consumer society? What is the nature of consumer culture in India? Consumer culture in India is largely the extension of consumer society of advanced capitalism. We find the relationship between technological advancement and consumer culture in India. Technological intervention in various fields like health care, education, commodity production, transportation and infrastructure resulted growth of affluence among people but unfortunately larger sections of population are out of this affluence. Question of affordability or capability is important here to examine social well-being. In light of Amartya Sen’s [6–7] capability approach, it is analysed that capability inequality is rampant in Indian society. There are two extreme sides of the status of objective

well-being in Indian society, one is high level of affluence and other is absolute poverty; unfortunately, larger sections of the population fall into the second side.

Consumer society and social well-being. Changing socio-cultural and economic structure and simultaneous advancement of technology in the global arena are the most crucial issues of wide ranging methodological and theoretical debate in sociology and social sciences. Contemporary world has a direction towards industrial advancement, advancement of capitalism, post-modernism and consumer society that we shall understand in relation to social well-being. Consumer society is a kind of social activity, social taste and social choices around consumption of products of mass production that actually stemmed from advanced capitalism. Consumerism ideology is the underlying structure of consumer society and we may describe advanced industrial society as consumer society. In other words, consumer society is the driving force of advanced industrial society and we may relate this argument with theoretical propositions.

Fast changing economic system, massive growth of production, mass consumption and advancement of technology have marked the entry of global society into a phase, which is labelled as “Consumer society” by Baudrillard [5], advanced industrial society by Frankfurt School [2-3], post-industrial society by Daniel Bell (1973), Information society by Manuel Castells (1996) and so on. Frankfurt School [2–3] critically examined the peculiar nature of consumption trends in advanced industrial society, what Marx (1867) noted as commodity fetishism that also raised questions on capitalist logic of social well-being and its measurement through expenditure or consumption. Baudrillard (1970) extensively discussed consumer society, its social logic or ideological basis. We may further extend our discussion by focusing on the historical background of present advanced capitalism’s shift towards consumer society. Fordism [4] was the beginning of an era in mass production and economic growth. In 1914, Henry Ford introduced his principle of “five-dollar, eight-hour day” for assembly-line production methods required for mass production.

We shall here elaborate the very nature of consumer society and how far it affects the social well-being. How consumer society focuses on objective social well-being without considering socio-historical inequalities? Consumption is inevitably linked to the notion of needs and satisfaction. Differentiation between actual needs and false needs in consumer society is very difficult and ambiguous. Baudrillard noted that the fundamental aspect of consumer society is social logic of consumption; egalitarian ideology of well being works as a determinant factor of such logic. Well being is reduced to symbolic and manifested happiness and the so called equality of consumption. Ideological force of the notion of happiness does not emanate from the natural tendency of the individual towards happiness for himself. Notion of happiness in consumer society rather originated from socio-historical fact that the ‘myth of happiness in modern societies incorporated the myth of equality’.

Democratic principle of equality changed from a real equality of capacities, of responsibilities, of social chances and of happiness to an equality before the object and other manifested signs of social success and happiness. In other words, it is the equality of opportunity for TV, cars and other objects of symbolic social value [5, pp. 49-50]. Notion of ‘need’ is indissociable from that of well-being in the mystique of equality. To achieve social well being, there must be equality in fulfilling needs. Here we have to assess the distinction between equality before use-value of objects and inequality before exchange-value of objects. Baudrillard argued that all men are equal before need and before the principle of satisfaction, since all men are equal

before the use-value of objects and goods, whereas people are unequal and divided before exchange-value.

In advanced industrial society, we shall see the standard level of objects and goods, whose inherent use-value may be determined by actual needs or manipulative needs. For example, all are equal before the use value of cars for transportation but division of people appears before the exchange value of different standard levels of cars. One section of people who can afford only simple Maruti Alto 800 and it fulfils their needs, whereas, another section of people whose need is Audi and Mercedes-Benz. So based on one's capability, he may go for either Maruti Alto 800 or Audi. A person who has the capacity to buy an Audi would feel it is his need, so he has objective and subjective utility in his possession. In general economic terms of value of commodities or objects, 'Audi' has less use-value than basic food or commodities but in terms of symbolic or manifested well-being in advanced industrial society, possession of Audi or any luxurious car has higher use value than basic food for an affluent person. We find two kinds of need: true needs and symbolic needs; and two kinds of use: value inherent use-value of objects and manifested use-value of objects.

Equality before use-value of objects in their inherent attributes is one common thing but availability of different levels of one object (for example car) in the market makes people divided and unequal socially in the use of this object. Cars as objects have equal use-value but a variety of levels and luxuries create division in use-value if we compare these various levels of the same car. For affluent people, Audi has high use value, so here use-value and exchange value complements each other. For an average person, a Maruti Alto 800 has high use value, but its exchange value is low, so he is not able to own a car of high exchange value. So, even if a person has an Alto 800, meeting his needs, he will aspire to own an Audi that ultimately leads us to think about hierarchy in use-value of a particular object like car. The categories of cars have two different types of use-value, one fulfills the basic primary needs and other fulfills the symbolic well-being or standard of life in advanced industrial society. One person may show his progress in attaining well-being through upgrading the car, so both the car has high use value for him.

People are always divided before exchange value; those objects of high exchange value are in the possession of affluent and by default objects of high use value are also in their reach. Other sections of people, whose access to even objects of high use value such as food, proper drinking water, cloth etc. is limited and not sufficient. Another section, who owns the objects of high use value but incapable of acquiring objects of high exchange value, striving to attain for symbolic objective well-being. So people are divided before both use-value of objects and exchange value of objects.

For example, air freshener and AC Machine have low use value as people can live without these appliances since natural air and atmosphere have high use value but affluent people have set a standard of life in which these appliances have high use value and obviously their exchange value is high too. So, people of lower economic condition lack capability in access to these appliances. In order to attain a standard life, one has to equip his house with these appliances, whereas, people can live without these but universal standard is determined by capability of availing these appliances in life.

Thus, need in advanced industrial society is not simply a natural stimuli, nor is it a socio-cultural drive rather it's a manipulative or modified drive, desire and aspirations. Fulfilment of manipulative or false needs may require more commodities and more capacity to attain manifested satisfaction or objective utility. An-

other significant condition of social well being is 'affluence' that has a customized interpretation in consumer society. We may look into two contradictory views on 'affluence' – Galbraith's idea of 'growth as source of affluence' [8] and Baudrillard's argument "growth may not eliminate socio-historical inequalities" [5, p. 52]. Galbraith has a view that the issue of equality and inequality is not important; rather the problem of wealth and poverty is a major problem, which is resolved by affluent society. His argument is that those who are poor actually fall outside the industrial system, outside growth. Baudrillard noted that the Galbraithian approach has developed the ideas like 'growth means affluence' and 'affluence means democracy' [5, p. 52]. For the idealists of 'affluence', poverty is the residual problem that can be resolved with additional growth. Baudrillard was against the idea, 'growth produces affluence and therefore equality' and at the same time he avoided the extreme opposite view – 'growth produces inequality' [5, p. 53]. For Baudrillard figurative and GDP oriented industrial growth does not establish the egalitarian society, because there are socio-historical inequalities and the structure of privilege have tenacious prevalence in societies.

Consumerism is the mechanism of shaping masses as consumers in the mass production system of capitalism and it has been the structural basis of consumer society. Mass consumption is not merely expenditure but a way of life that has a historical root in Fordism, regarding that Gramsci [4] in his "Prison notebooks" noted Americanism and Fordism as 'biggest collective effort with unprecedented speed and with a consciousness of purpose' in the production process that produced a new type of worker and a new type of man. For Gramsci, this new method of work created a new mode of living, thinking and feeling of life. It was the year 1914 when Henry Ford introduced his principle of "five-dollar, eight-hour day" as recompense for workers manning the automated car-assembly line, which was marked the beginning of Fordism as a new approach of production in industrial society. Henry Ford's Fordism explicitly stated that mass production meant mass consumption that marked the initiation of a new system of reproduction of labour power, new controlling and management mechanism of the labour force and a kind of new aesthetics and human psychology.

In short, we may say that a new rationalized, modernist and populist democratic society emerged. Main purpose of the "five-dollar, eight-hour day" was to ensure discipline among workers required for a highly productive assembly-line system. It also meant to provide workers sufficient income and leisure time to consume the products of mass production. This assembly-line system of mass production had weak expansion to Europe till mid 1930s and it gained momentum only in the 1950s. Fordism formed the basis of the post-war boom after 1945 and it stayed intact until 1973 [4]. From David Harvey's discussion on Fordism, some important points may be noted here [4]:

- Fordism largely boosted the advanced capitalist countries like the United States, Japan, France, Germany, Britain and OECD Countries. Post-war period witnessed a massive growth of the industrial production of cars, ship-building, transport equipment, steel, petrochemicals, rubber and consumer electrical goods and these became the driving force of economic growth.
- Defeat of radical working class movements of the post-war period established a new politics of labour control and management.
- Traditional (Craft oriented) labour organization was suppressed and assembly-line labour organization emerged.

- In the Fordist production system, bureaucratized trade union organizations were increasingly corralled for exchange of wage gain for cooperation in managing workers. Sometimes even the state exercised its power to suppress the obstructive labour force. Trade Union power is accepted by corporations because the Unions control their membership and collaborate with management to raise productivity in return for better wages.

Fordism, besides a production system, emerged as a cultural development in industrial society. So it is argued that post-war Fordism must be seen more as a total way of life than merely a mass production system. Mass production signifies standardization of production as well as consumption, so it ultimately created a new aesthetic and commodification of culture. Fordism made contributions in developing the aesthetic of modernism.

In the contemporary global world, advancement in society or progress of humans is measured by technologized life and mass consumption, that is how much one is able to consume or have capacity to consume and how one is coping up with such technology and trends. This technological advancement and progress has rationalized the domination of common people by advanced capitalism. It is actually a transformation from domination of primitive tradition to domination of techno-rationality. Adorno and Horkheimer's [2, p. 95] idea of techno-rationality is a compulsive force in advanced industrial society. Their main focus was on the culture industry that paved the way for standardization of art and its mass production. Film and music is now a mass consumed commodity, products of culture industry that Adorno and Horkheimer [2] called as business rather than art. So, masses are free in consumption and entertainment, which Marcuse took a different way. Marcuse has the view that "under the rule of a repressive whole, liberty can be made into a powerful instrument of domination" [3, p. 10]. In the present industrial age, we are fortunate in getting rid of irrationality and primitive traditions, but domination of technocratic industrial society is no less than irrationality. It is the suppression of rationality; and this rationality has just reduced to the consumption of technology, product of industry and vice versa. Advanced industrial society has created enough choice for the individuals to choose and in fact, people are quite happy and convinced that society is progressive or they are enjoying freedom and liberty. But according to Marcuse [3, p. 11], availability of choices does not determine the degree of human freedom; rather it just decides what can be chosen and what is chosen by the individuals. The constant reproduction of superimposed needs by the individual does not establish autonomy; it only testifies to the efficacy of the controls.

In the following graph, we have presented the mechanism of advanced industrial society, whose main motto is 'more consumption and more profit'. Technological advancement and advanced industrial society mutually reinforce each other. This mutual connection leads to mass production and creation of global market for distribution and business. Ideology behind this system of production and advancement is consumerism, which influences the consciousness of the people. The consumerism ideology works in such a way that people follow the global trend of consumption and consistent growth of consumption leads to increase of mass production.

Is social well being ensured in consumer society? We may get the answer in Amartya Sen's 'Capability approach', in which he emphasized capability equality [6]. It is a matter of debate whether people's real objective and subjective well being are realized or not in so called affluent society or consumer society. Capability approach [6] evaluates the advantage of a person in terms of his or her actual ability to achieve

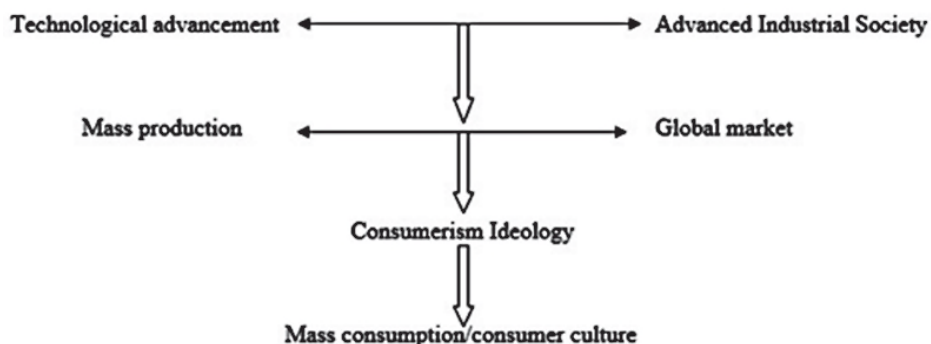

Figure 1. 'More consumption and more profit'.

various valuable functioning's as part of living. Functioning's may be elementary such as being adequately nourished, being in good health, etc. and complex functioning's such as self-respect or being socially integrated [7, pp. 30-31] One important aspect of "Capability Approach" [7] is that it deals with social well-being through informational focus instead of formula assessment.

Consumer society came up with a privileged structure in society that again internally keeps on upgrading and so aspiration of masses fluctuates according to the standard of privileged structure. There is no end of need and no limit of sufficiency in consumer society; the industrial system doesn't want to create a boundary in these. Needs get modified every day, it is difficult to demarcate what are real needs and what are false needs. Needs of affluent people are luxuries of the poor or weaker sections. Then what would be a standard need? In answering this question, we must focus on the advanced industrial concept of 'dynamic need'. The need in this sense is not static and not determined by natural drive of human being rather a drive of industrial systems for more profits. Symbolic well-being through lifestyle pattern is the immediate expression of consumer culture and affluent people are always leading the trend. This symbolic well-being is consumption oriented, so to fit into this lifestyle, lower sections of people are aspiring and striving hard. Therefore, a constant competition prevails that actually maintains the status quo of consumer society. Affluence is situational, presently, one person may be affluent but his affluence is relative and he has to upgrade his capability because the notion of affluence is dynamic not static. Consumption centric social well-being in consumer society undermines the socio-historical inequalities like class division, caste division (typically found in Indian society), ethnic division, racial division and so on. Without social equity, we cannot think of social equality and capability inequality is detrimental to social equity. Regional disparity is visible, if we consider Indian society for social well being assessment, mere consumption of affluent people cannot work; rather incapability of larger sections of people has to be taken into consideration.

Technological advancement and consumer culture in India. No doubt technological advancement has led to the upgradation of material life of the people in India but it again extended the prevalent social space and distinction among people. Consumer culture here mainly developed as an expansion of advanced capitalist society's consumer culture. Society like India is already divided into castes, classes, ethnic groups and tribal groups and due to these socio-historical inequalities, weaker sections of population are larger in size. Technological intervention in various fields

like health care, education, commodity production, transportation and infrastructure resulted growth of affluence among people but unfortunately this is limited to those who have capability of availing these. In the findings of Oxfam International¹, it is revealed that India is the most unequal country despite being the fastest growing economies in the world. Constant rise of inequality is reported by Oxfam and wealth possession of the richest is increasing. Rich are becoming richer at the fastest pace but the poor are striving for even minimum amenities of life such as livelihood, quality education and healthcare services. Unfortunately, the top 10% population of India holds 77% of the total national wealth. Importing of technology and development of indigenous technology are the two main sources of technological advancement in India. Technology and its equipment's are imported in the fields of medicine, health care system, defense system, transportation system, infrastructure building etc. At the same time, Indian industries and scientific research institutes are simultaneously creating technology in these fields for more market share. Our concern is not to discuss the proportion of imported and indigenous technological development; rather focus is on how technological advancement affected the society in general including economy, services, living standard and social condition.

Two dimensions of technological development in India are discussed here, which have two kinds of results. Infrastructural development has largely progressed because of technological advancement and post-independent Indian industrial policy concentrated on it. Hydroelectric power projects, transportation networks, and city development are the epitome of infrastructural development for industrial growth. From the beginning of 21st Century, Web 2.0 (Tim O'Reilly and John Battelle, 2009) transformed the web scenario of the world including India and simultaneous mobile phone revolution shifted the web into people's pocket.

Most significant or breakthrough point of India's web development or internet revolution in terms of usage was the launching of Reliance Jio in 2007. Reliance Jio marked the beginning of mass use of internet data plan at a cheaper rate. All telecom companies later followed Reliance Jio in offering consumers best data plans at a cheaper rate. Simultaneous growth of smartphones complemented this internet revolution and a new phase of consumption began. Internet data was earlier used for only essential purposes and that was again in Cyber café. This internet revolution changed the service sectors towards consumer creation and mass consumption.

Two sides of this advancement, one is high living standard and other is disparity in access to the facilities. High living standard or objective well being could be attained by few or smaller sections and larger sections of population are unable to get access in these facilities, so it signifies social ill-being.

Consumer culture in India is visible in people's consumption patterns in shopping malls, supermarkets, restaurants, online shopping apps and in culture industry. These are again integral parts of city culture. Shopping malls and supermarkets are the new developments in India to change the behaviour pattern towards consumption. Traditional shops or market places usually maintain one way exchange between buyer and shopkeeper or assistant of shopkeeper. People used to visit these shops keeping in mind that they would purchase certain commodities already listed and shopkeepers had to assemble all listed items before final billing manually. People also had to think about the available amount in the money purse or in the pocket before purchasing anything. Now Credit card and debit have changed not just the payment

¹ India: extreme inequality in numbers. Oxfam International. URL: <https://www.oxfam.org/en/india-extreme-inequality-numbers> (last request 26.11.2021).

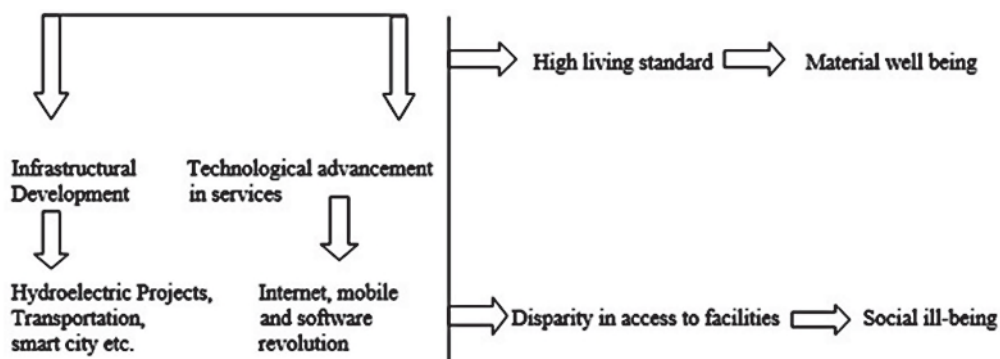

Figure 2. Two sides of advancement

method but also the amount of purchasing. Credit system too changed; traditional credit system was manual and it was a kind of trust between shopkeeper and buyers based on the affinity, mainly prevalent in rural India even today. But today, people use credit card, so there is no need to ask the shopkeeper for a favour and no trouble for the shopkeeper to keep a record of credit. If cash is not available, one can easily do shopping with credit card without any hurdle. Mall and Supermarket revolutionized everyday shopping pattern. Now people visit in the mall and supermarket and find specified displayed locations of specific items, then fill the cart with desired items. All the items filled in the cart are not necessarily essential or people might not have thought of these items before entering a mall or supermarket. Once they see displayed items, immediately feel the necessity or tendency forced them to purchase.

Social media, online shopping and culture industry flourished in India after Reliance Jio launched cheaper unlimited data plans in 2007. Amazon, Flipkart, Myntra, Snapdeal and others have caused deep impact in the habits and lifestyle of the people. Online food delivery apps like Swiggy, Zomato, Uber Eats etc. further intervened in the food consumption of everyday life. Culture industry is the greatest development of consumer culture because of the constant growth of OTT (over-the-top) platforms like Netflix, Amazon Prime, Voot, Disney + Hotstar and many more.

Social media plays a very crucial role in developing consumption habits among people. Social media in today's advanced industrial society is the combination of Facebook, WhatsApp, YouTube, Instagram, Twitter and many more. These platforms have attained utmost popularity and recognition due to enhancement of internet technology. These platforms in India have become more strengthened due to the upgradation of Telecom Company's internet data plan. In a developing country like India, the internet has become the most available resource today that ultimately becomes a dominant means to suppress mass consciousness over dissatisfaction and grievances. It has been observed that poor people are engrossed in social media platforms in their so called free time; that is actually a kind of alienation of the masses from their own self. Free time or time of relaxation is a new trend popularized to engage them in social media, which unfortunately takes away the time and energy of thinking about self or living with self. Satisfaction too is determined by the market force of industrial society. Social media is not just a medium of presenting mass culture items to audiences but industry in itself too in the sense that it produces its own contents and trends. Here, we must keep in mind that India is not an advanced industrial society but mass culture production and consumption are going

on widely. This does not imply in any way the mark of modernity rather domination of consumer society of the industrial world.

Question of Social well being in India. It is a matter of concern that both objective well-being and subjective well-being in Indian society is under examination. There is a problem of socio-historical inequality like caste and class, which plays a detrimental role in attaining social well-being. Integration and capability equality, two essential elements of social well-being are absent here, so more sociological analysis of this issue may advance an approach of dealing with the problem. Though economic growth is quite satisfactory and industrial development is following global standard in India, larger sections of people still lack capability in access to basic amenities of life such as income, food, shelter, cloth, education, healthcare and transportation.

There are again three kinds of living standards Indian people are living based on their capability_ high living standard, relatively low living standard and absolutely low living standard. High living standard here signifies the highest level of functionings in life, relatively low living standard signifies relatively low level of functionings and absolutely low living standard signifies disrupted functionings in life. Similarly amenities of life such as income, food, shelter, cloth, education, healthcare and transportation are of different standards based on the quality_ one is highly lavish that can only be availed by affluent sections and on the other hand another section of people who are simply availing poor quality of these amenities. There is a middle range amenity, which too average Indian cannot afford. Let's take an example of healthcare and education. Education is the primary or basic need of the people but a clear division is visible among people in terms of quality and the people's access to quality education. It is observed that affluent people have easy access to quality education due to their capability to spend in private schools and colleges. Children of these families are enrolled in international schools or branded boarding schools, so their overall development takes place in due time. On the other hand, poor people living in slum areas and congested housing colonies are out of this standard. Public run schools and colleges have now become an option for lower sections and unfortunate fact is that teaching learning and educational environment is deplorable in these schools and colleges. So, ultimately affluent people become more affluent by imparting the best quality education.

Now in the era of digitalization of education and e-learning, people from lower sections living in slums, congested colonies and villages find it hard to manage mobile, laptop, internet etc. and house infrastructure. They lack information regarding various platforms of learning and lack suitable environment for study in their place of living. For example, BYJU'S app and WhiteHat Jr. app extensively facilitate the education of children in today's time but larger sections of population in India are out of this technologized education due to low capability of accessing. Health is another primary need but it has turned into a luxury for lower sections. In India, private hospitals are known for the quality healthcare but affordability of people is a matter of discussion. Affluent sections easily enjoy the best quality healthcare but the rest of the people are incapable of spending required amount for such healthcare, so they depend on welfare schemes in public hospitals. Capability is essential for social wellbeing not mere access in healthcare and education through welfare policy.

Conclusion. It can be concluded that global consumer culture has changed the consumption pattern among people in India. Indian society is not yet achieved

social well-being. So, mere growth of affluence among few is not making any difference in social well-being. Socio-historical inequalities like caste and class are widely prevalent even today. Capability of the people has to be improved for a better living standard. There must be constant growth and mobility among people to live a better life.

References:

1. Featherstone, M. (1983) *Consumer Culture: An Introduction. Theory, Culture and Society*. Vol. 1, No. 3. Pp. 4-9. DOI: 10.1177/026327648300100301.
2. Horkheimer, M., Adorno, T. W. (1944) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Stanford University Press, Stanford. 283 p.
3. Marcuse, H. (1964) *One-Dimensional Man: Studies in the ideology of advanced industrial society*. Boston, Beacon Press. 286 p.
4. Harvey, D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Basil Blackwell, Cambridge.
5. Baudrillard, J. (1998) *The Consumer Society: Myths and Structures*. Sage Publications, London-Thousand Oaks-New Delhi. 208 p.
6. Sen, A. (2009) *The Idea of Justice*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge. 496 p.
7. Sen, A. (1993) Capability and Well-Being. In: Nussbaum M. and Sen A. (eds.), *The Quality of Life*. Clarendon Press, Oxford. Pp. 30-53. DOI: 10.1093/0198287976.003.0005.
8. Galbraith, J. K. (1999) *The Affluent Society*. Penguin. 288 p.

Funding Acknowledgements

The author received no financial support for the research, authorship, and/or publication of this article.

Declaration of Conflicting Interest

The Author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted on November 30, 2021.

Accepted on December 20, 2021.

Information about the author:

Mahmudul Hasan Laskar, Assistant Professor, Department of Sociology,
University of Science and Technology, Meghalaya, India.
e-mail: hasanlaskaramu@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7024-5757

М. Х. Ласкар¹

¹ Университет науки и техники. Мегхалая, Индия.

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИНДИИ

Аннотация. С точки зрения социологов и обществоведов, современное глобальное общество вступило в фазу, которую принято обозначать как развитой капитализм, развитой индустриализм, информационная эра и постмодернизм. Общество потребления является своего рода характерной чертой этой фазы и идеологической силой, лежащей в основе тенденций глобального развития. В данной статье автор рассматривает развитие общества потребления и его влияние на социальное благополучие. Помимо взаимосвязи общества потребления с массовым производством, рас-

считается роль технологического прогресса (в частности, развитие Интернета), изменившего мировой сектор услуг.

Социальное благополучие измеряется в обществе потребления условно, через потребление товаров и услуг. Таким образом проявляется связь социального благополучия с понятием «потребность», но различные стандарты жизни подразумевают разные «потребности». Дифференцируя истинные и ложные потребности, Г. Маркузе (1964) называл ложными именно те, что навязываются индивиду особыми социальными интересами.

Индия стала частью глобального общества потребления, что оказалось не лучшим вариантом для многочисленных малоимущих слоев населения. Традиционные для страны кастовое и классовое неравенства постоянно напоминают о реальности социального неблагополучия, хотя обеспеченные слои населения объективно уже достигли благополучия. Запуск Reliance Jio (дешевые безлимитные тарифы на интернет) в 2007 году ознаменовал начало новой цифровой эпохи и массового потребления среди индийского населения. Однако социальное благополучие не достигнуто, все еще остаются слои населения, нуждающиеся в удовлетворении базовых потребностей, таких как качественное образование и качественное здравоохранение. Пока не будет достигнуто равенство возможностей, социальное благополучие в индийском обществе останется утопией.

Ключевые слова: культура потребления, общество потребления, социальное благополучие, конsumerизм.

Для цитирования: Ласкар М.Х. Глобальное общество потребления и потребительские тенденции в Индии // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 54–65. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.5

Дата поступления в редакцию: 30.11.2021.

Принята к печати: 20.12.2021.

Сведения об авторе:

Махмудул Х. Ласкар, доцент, кафедра социологии.

Университет науки и техники. Мегхалая, Индия.

e-mail: hasanlaskaramu@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7024-5757

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.6
УДК 316.621

А. В. Симоянов¹

¹ Московская городская Дума.
Москва. Россия.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЖДИВЕНЦЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И НАУЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Наличие в российском обществе страха перед угрозой засилья социальных иждивенцев почти точно перекликается с аналогичными страхами в политическом дискурсе западных стран. Оппоненты идеи социального государства настаивают на неизбежности массового паразитизма по мере расширения программ государственной помощи. Однако данные зарубежных исследований показывают, что большая часть быденных мифов о «классе живущих на пособия тунеядцев» не имеют фактического основания. Приведенные в этом исследовании авторские данные также подтверждают, что проблема «социального иждивения» чрезвычайно преувеличена. Количество лиц, которых можно было бы отнести к социальным иждивенцам минимально, как минимален и ущерб обществу от их деятельности. Несмотря на это, страх массового иждивения активно используется частью праволиберальных политиков в обоснование реализации курса на секвестр социальных обязательств государства перед обществом и ужесточения порядка оказания помощи бедным. Избавление российского общества от иррационального страха массового социального иждивения позволит ему не стать жертвой политических манипуляций.

Ключевые слова: социальное иждивение, бедность, социальные проблемы, социальное государство, социальные реципиенты.

Для цитирования: Симоянов А.В. Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 66–75. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.6

Практика законотворческой и политической работы в части совершенствования механизмов социальной политики в России показывает интересную ситуацию: на фоне массовой поддержки требований расширения социальных прав и более активной реализации мер социальной поддержки граждан, выделяется позиция части скептиков, которые указывают на нежелательность увеличения государственной помощи нуждающимся по причине угрозы роста социального иждивения. Подобная ситуация может показаться парадоксальной, так как опыт социального иждивения скорее соотносится с ведущими странами Европы и Северной Америки с их развитыми институтами социального государства и щедрыми социальными программами. Россию можно назвать социальным государством с большой долей условности, а социальную политику Правительства РФ критикуют скорее за излишнюю скупость, нежели чем за чрезмерную расточительность. Тем не менее, угрозу появления масс тунеядцев на шее у общества и государства, значительная часть сограждан воспринимает как реальную, некоторые даже считают ее свершившимся фактом.

Данный сюжет требует научного осмысления того, насколько угроза социального иждивения реальна в целом и опасна ли она для России сегодня.

Социальные иждивенцы как общественная фобия. Сутью социальной политики является помощь людям: индивидуальная и массово-групповая. Концеп-

ция социальной политики строится на временной или постоянной поддержке тех слоев населения, которые по объективным обстоятельствам не могут позаботиться о себе: старики, дети, инвалиды, больные, безработные, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Пессимистичный взгляд на природу человека подсказывает, что если есть возможность получать блага от государства, не прилагая трудовых усилий, то найдется немало людей, стремящихся получать государственную поддержку просто так. Либерально-рыночный подход к доктрине государства подсказывает, что у государства не может быть иных денег, кроме как денег налогоплательщиков, то есть общества, а значит, социальная помощь представляет собой не более чем распределение денег от одних граждан к другим. Простая формальная логика ведет обывателя к мысли, что чем более активную социальную политику ведет государство, тем больше становится армия тех, кто сидит на шее работающей части общества. Таких людей принято уничижительно называть «бездельниками», «дармоедами», «лоботрясами», «паразитами», «нахлебниками», «тунеядцами» или «халявщиками», но в научно-академической лексике принято использовать немного более политкорректный термин «социальные иждивенцы». В зарубежных исследованиях используют термин «welfare dependent» – социально зависимые, делая акцент на несамостоятельность людей, их зависимость от посторонней помощи.

Термин «социальные иждивенцы» в академическом дискурсе имеет множество определений. Т. Сидорина и О. Тимченко формулируют смысл иждивенчества как «желание жить за счет других (людей, общества)» [1, с. 58–74]. В их трактовке социальное иждивенчество обозначено как «одно из последствий проведения политики патернализма в разных странах в условиях разных политических режимов и форм правления» [1, с. 59]. В. Заруба объясняет данный термин как «обеспечение средствами существования неработающего человека по причине болезни, пожилого возраста и тому подобное» [2, с. 325–330]. В. Моисейко и Е. Фролова отмечают, что «социальное иждивение (паразитизм) предполагает использование общего блага в личных целях в ущерб общественным интересам» [3, с. 102–107].

Общим местом подавляющего количества определений является выделение граждан, которые заняты потреблением без трудового участия и которые незаслуженно пользуются плодами чужих усилий.

Социолог А. Очкина отмечает: «Для большинства работ характерны следующие представления взаимосвязи социального иждивенчества и государств:

- Избыточность социальных гарантий, правовая нечеткость, социально-экономическая непродуманность в их предоставлении;
- Патерналистское поведение государства, порождающее соответствующие настояния в обществе;
- Завышенные потребительские ожидания в российском обществе, в сочетании с неуверенностью в экономической стабильности, порождающие повышенное стремление к социальной защищенности» [4, с. 23].

В этом свете, весьма показательно исследование И. Кузнецова, так как оно иллюстрирует типичную картину противоречивого и неоднозначного отношения населения к социальным иждивенцам: «...по-прежнему невысок уровень конкретики и нет определенности в понимании самой сути феномена и четкости критериев, по которой можно определить принадлежность того или иного индивида к категории иждивенцы» [5, с. 48–51]. Результаты исследования выявляют, что большая часть жителей региона находят уровень иждивения высоким (71% опрошенных) и считают необходимым с ним бороться (56% опрошенных).

Между тем как меньшая часть опрошенных, – 23% – относится к социальным иждивенцам негативно. Респонденты одновременно наделяют иждивенцев набором негативных качеств (лень, зависимость, безответственность и пр.), но видит средством решения общее увеличение заработных плат и увеличения рабочих мест. Причинами иждивения респонденты в равной степени видят как личные факторы (пристрастие к алкоголю и наркомании), так и экономические (упадок производства, низкие зарплаты, безработицу) [5, с. 52].

Это исследование во многих отношениях показательно. Оно четко демонстрирует путаницу в головах граждан при попытках осмысления проблемы иждивения: люди пытаются одновременно представить их как жертв внешних обстоятельств, прежде всего невозможности устроиться на хорошо оплачиваемую работу ввиду отсутствия таковой в регионе, но тут же наделяют иждивенцев набором тяжких социальных пороков, таких как наркомания, алкоголизм и тунеядство. Здесь же можно отметить, что именно такая двойственность отношения к бедным создает поле для политической манипуляции.

Теоретические истоки концепции социального паразитизма. Австралийский исследователь политической философии Э. Блунден относит появление и начало широкого распространения дискурса социального иждивения к временам «Нового Курса» Франклина Рузвельта¹. Чрезмерно радикальные для реалий США того времени программы социальной помощи нуждающимся и безработным породили недовольство у консервативного крыла американского общества. Между тем, еще Карл Маркса в своих работах отмечал негативную реакцию части средней и крупной буржуазии на акты социальных улучшений (ограничение детского труда, общее сокращение рабочего дня, оплата больничных и инвалидности) [6, с. 251]. Всякий раз мотивацией неприятия социальных послаблений бедным выступали утверждения, что эти послабления всегда ведут к лени, праздности и безделью среди низших слоев общества.

Д. Бешаров, профессор Школы государственной политики Мэрилендского университета, отмечает многочисленные ошибки администрирования социальной поддержки со стороны государственных ведомств на ранних этапах становления социальных государств Европы, которые приводили к неоправданному увеличению числа получателей социальной поддержки [7, с. 18]. Как правило, речь идет о безлимитных по времени и безусловных по порядку получения пособиях по безработице, внушительные суммы которых стимулировали оставаться на учете служб занятости подольше, или нерациональные схемы получения пособий по инвалидности, которые соблазняли многих граждан ближе к пенсии выбивать инвалидный статус, чтобы получать дополнительный доход. Как правило, государственное управление быстро само ликвидировало данные институционально-правовые лакуны, закрывая т.н. «ловушки бедности» и «ловушки безработицы». Однако подобные факты, становясь достоянием гласности, безусловно, становились фактурой для критики излишне социально-ориентированного курса.

Несмотря на это, бурный рост институтов социального государства, наблюдаемый особенно после Второй Мировой Войны, привел к значительному расширению как объемов социальных фондов в совокупном общественном богатстве, так и количества их получателей в развитых странах мира. В науку и идеологию прочно вошел термин Welfare state. До 1980-ых годов голос скептиков массового социального обеспечения на фоне всеобщего роста уровня жизни и благополу-

¹ Andy Blunden April 2004. Welfare Dependency: The need for a historical critique. Published in Arena Magazine, Issue #72, September 2004.

чия представлялся маргинальным и оторванным от реальности. Вместе с тем, интеллектуальная работа в части создания критической концепции Welfare state продолжалась даже в условиях, казалось бы, полного ее торжества.

Первым очень осторожно вопрос об опасности перераспределительной политики государства и помощи бедным поставил Ф. Хайек: «Очень важен вопрос, должны ли те, кто находится на общественном иждивении, пользоваться теми же свободами, что и прочие члены общества» [8, с. 130]. Хотя Хайек признавал необходимость базового социального обеспечения граждан, он отмечал угрозу широкого перераспределения общественных доходов в пользу бедных для либерально-рыночных принципов: «Система неограниченной демократии имеет тенденцию превращаться в арену торга привилегиями и перераспределительными программами между организованными группами со специальными интересами и политиками, борющимися за привлечение голосов избирателей» [8, с. 256].

Этой мысли вторит другой идеолог концепции «свободного рынка» М. Фридман: «Предписав единые нормы обеспечения жильем, питанием или одеждой, государство, без сомнения, может повысить уровень жизни множества людей; установив единые нормы в области образования, дорожного строительства или канализации и водоснабжения, центральное правительство, безусловно, способно поднять уровень обслуживания на местах, а то и в среднем по всей стране. Но в ходе этого на смену прогрессу придет стагнация; единообразной посредственностью государство заменит своеобразие, необходимое для того экспериментирования, которое может поставить завтрашних отстающих выше сегодняшних середнячков» [9, с. 28]. Фридман отмечает, что действующие в капиталистических странах слишком широкие социальные программы создают излишнее количество иждивенцев. Эти программы могут быть пересмотрены, что станет благом для большинства.

Некоторую теоретическую законченность проблема социального иждивения приобрела в работах Р. Нозика, в которых всю систему государственной социальной политики он называл «принудительным перераспределением» или «принудительной схемой минимального социального обеспечения в целях помощи беднейшим» [10, с. 221]. Эта мысль была высказана в академической дискуссии с Д. Роулзом, убежденным автором «теории справедливости и сторонником активной помощи бедным [11, с. 19, 28].

Это, а также работы Ч. Мюррея «Погружение в трясину», доклад Д. Мойнихэна «Негритянская семья: за вмешательство государства», создали идеологический каркас концепции, что «одни люди заслужили свой шанс на успех, а другие нет; разграничительная линия проводилась между теми, кто работал, и теми, кто не работал, - как пресловутые “мамаши, живущие на детские пособия”» [12, с. 93]. Д. Стендмен-Джоунз отмечает, что впоследствии эти теоретические компоненты легли в основу неолиберальной идеологии.

С 1980-ых годов данные идеи выплеснулись в публичное пространство с приходом к власти политиков неолиберальной волны, прежде всего Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. С этого момента в практическую плоскость встал вопрос реформирования системы социального обеспечения, внедрения принципов адресности и нуждаемости, сокращения прав на получение государственной материальной помощи. Обоснованием этого стала, в том числе проблема социальных иждивенцев.

Нельзя не отметить, что идея опасности социальных иждивенцев для западного общества в какой-то момент превратилась в своеобразную общественную

истерию. Сочетающий в себе социальный шовинизм и расизм образ чернокожей, безработной, необразованной, наркозависимой, многодетной матери-одиночки, которая в третьем или четвертом поколении сидит на пособиях от государства, которые в свою очередь в виде налогов зарабатывает и платит респектабельный, образованный, трудолюбивый и законопослушный белый мужчина из среднего класса (предприниматель или белый воротничок) стал идеологическим клише на многие годы вперед. Стигматизация бедности стала универсальным оправданием к сокращению социальных трансфертов, а также налогов на бизнес и на богатых. В массовых слоях среднего и рабочего класса наметился раскол по отношению к вопросу социального обеспечения: нужно ли помогать бедным, которые сами виноваты в своих проблемах и не лучше ли разделить потоки социальной помощи – работающим давать одно, а просто бедным другое. Показательно, что в безусловном выигрыше от демонтажа институтов социального государства за счет сокращения налогового бремени и перераспределения бюджетных трат оказался крупный бизнес и богатейшая часть общества [13, с. 567].

Где же эта армия тунеядцев? – практические исследования. Вместе с тем, вопрос масштабов угрозы социального иждивения с научной точки зрения не так однозначен. Большой вклад в опровержение фантомных страхов на тему «плодящего иждивенцев социального государства» внесло исследование британского Центра трудовых и социальных исследований за авторством Х. Уэйнрайта². Ее исследование последовательно развенчало ключевые обывательские опасения, которые со времен Маргарет Тэтчер принимались на веру консервативно настроенным английским избирателем: о том, что в стране сложилась настоящая «культура беспомощности» и бедняки поколениями сидят на социальных пособиях, что бедняки склонны обманывать социальные службы, вымогая большие выплаты, социальные выплаты чрезмерно завышены, позволяя лентяям вести роскошную жизнь, пренебрегая поиском работы, а вся эта растущая нагрузка тяжелым бременем лежит на плечах английского бюджета и налогоплательщиков. Анализ ситуации показал, что только 0,3% социальных реципиентов «сидят на пособиях более чем в одном поколении», доля мошенничеств с пособиями не превышает 0,7% от общего числа обращений за ними и ущерб от них намного ниже чем от мошенничества с налогами, в которых кроме того замешан крупный бизнес, менее 10% социальных реципиентов получают пособия более одного года, а в среднем – 13 недель, большая часть британцев, получающих пособия, ведут активный поиск работы, большая часть получателей социального обеспечения имеют на него объективные основания, как правило, в силу возраста (53% – пенсионеры), соответственно, государственные расходы Британии на социальное обеспечение остаются стабильными, как и количество британских социальных реципиентов. Все это резко контрастирует с риторикой британской правой политической элиты, призывающей к новому витку отказа от социальных гарантий, демонтажа институтов классического британского Welfare state и обуздания класса «ленивых нахлебников».

Сделанные в Центре трудовых и социальных исследований выводы нашли подтверждение в другом исследовании Фонда Джозефа Раунтри. Ими также ставилась задача объективной оценки явления «культуры безработицы», которое якобы характерно для беднейшей части британского общества. Было уста-

² Wainwright H. Exposing the Myths of Welfare: Class-Red Pepper Mythbuster // The Centre for Labour and Social Studies. April 10, 2013. URL: <http://classonline.org.uk/pubs/item/exposing-the-myths-of-welfare> (дата обращения 06.01.2022).

новлено, что из 20,3 млн британских домохозяйств только 15000 находились в состоянии безработицы более одного поколения. Это менее 1%, что опять же опровергает устойчивый миф британских правых про бесчисленные массы ленивых бедняков, которые поколениями сидят на государственных пособиях. Кстати, расхожого в британской политической повестке образа «безработного в трех поколениях» исследователями не было обнаружено вовсе. И опять же выявлено, что даже семьи с хронической безработицей продолжали искать работу. Ни о какой «культуре зависимости» как массовом явлении говорить не приходится³. Более того, другое исследование Д. Хирша члена Фонда «Резолюция» и директора Центра исследований в области социальной политики при Университете Лафборо показало, что в альтернативе «работать за минимальную зарплату» или «ничего не делать, получая пособия», малообеспеченные британцы, как это ни странно, склоняются к минимальному трудовому доходу⁴. Британская социология показала, что воображаемое гражданами число велфер-иждивенцев в разы выше его реального количества⁵.

Итак, на примере Великобритании можно сказать, что несмотря на сохраняющиеся относительно высокие стандарты социальной помощи, реальное количество иждивенцев, паразитирующих на социальном государстве минимально. Наблюдается ли похожее явление в России?

Ответу на этот вопрос поможет инициативное авторское исследование, проводимое в Московской области в период 2013-2018 гг. Целью исследования было выявление реального количества граждан, которых можно было бы отнести к категории «социальные иждивенцы». Достижению цели способствовала возможность использования методологического инструмента включенного наблюдения в структуру региональной социальной защиты населения – Министерство социального развития Московской области. Доступ к объективной информации позволил вести прикладное наблюдение и анализ предмета исследования. Наблюдение осуществлялось на неформализованной основе со строжайшим исполнением законодательства о государственной гражданской службе, включая ограничения в части служебной информации и защиты персональных данных. Социальные иждивенцы были определены как граждане, не имеющие законных оснований к получению социальной помощи от государства, но настоятельно требующие предоставления им такой помощи. Учитывалась склонность социальных иждивенцев использовать в отношении сотрудников социальных органов методы угроз, давления, шантажа, дезинформации, попыток разжалобить, продавить исключение из правил и пр. Выявить таких граждан социальным службам не представляет особых затруднений, так как они склонны регулярно вести переписку с госорганами, систематически посещать личные приемы.

За 5 лет выявления лиц, относящихся к категории «социальные иждивенцы» было найдено не более 30 заявителей, которые более или менее попадали бы под поставленные характеристики. Это при том, что на учете подмосковных органов социальной защиты состоит более 2 млн человек. В 2016 г. был дополнительно произведен расчет социальной помощи, которые лица, отнесенные исследованием к

³ Shildrick T., Macdonald R., Furlong A., Roden J. and Crow R. (2012) Are 'cultures of worklessness' passed down the generations? London: The Joseph Rowntree Foundation. URL: <https://u.to/PRURHA> (дата обращения 06.01.2022).

⁴ Hirsch D. The perils of welfare dependency – but not the kind you're thinking of // Resolution Foundation. 05.07.2011. URL: <https://u.to/aRURHA> (дата обращения 06.01.2022).

⁵ Benefits in Britain: separating the facts from the fiction // The Guardian. 06.04.2013. URL: <https://u.to/jhURHA> (дата обращения 06.01.2022).

категории «социальных иждивенцев», получают от государства. При действующем на тот момент в регионе среднем прожиточном минимуме в 11 280 рублей, ежемесячный доход социальных иждивенцев, если сложить все получаемые в течение года меры социальной поддержки от региональных и местных властей (федеральные пособия, единовременная материальная помощь, субсидии на ЖКУ, благотворительное продуктовое обеспечение), депутатов Московской областной Думы (за счет средств специальных депутатских фондов) получался около 12 500 рублей. Такая сумма, безусловно, не позволяла социальным иждивенцам в материальном отношении выйти хотя бы из состояния нищеты и крайней нуждаемости.

Показательная ситуация была выявлена автором в 2019 г. в ходе домашних обследований малообеспеченных категорий граждан в городе Москве. Исследование проводилось включенным наблюдением в московской городской системе социальной защиты населения. Два малообеспеченных домохозяйства, проживающие на одной жилой площади, продемонстрировали абсолютно разные стратегии поведения. Одно домохозяйство уже являлось реципиентом социального обеспечения (работающая мать-одиночка и 2 ребенка), другое домохозяйство помощи соцслужб категорически избегало (бездетная, безработная женщина, ведущая асоциальный образ жизни). Обе модели отношений можно назвать типовыми, они регулярно встречаются в социальной работе. Для бедной, но не маргинальной части общества социальная поддержка остро необходима, они за ней обращаются. Люмпенизированные группы граждан, как правило, избегают государственных органов, находя средства к существованию во фригидности и асоциальных формах заработка (попрошайничество, неформальные подработки, мелкий криминал), на них расходуются незначительная часть общих социальных фондов. Это показывает безосновательность обывательского образа бомжей и алкоголиков, которые живут государственной благотворительностью.

Таким образом, угрожающая здоровой части общества армия тунеядцев, мечтающих есть на пособия и ничего не делать, на поверку оказывается карликовой группой граждан, чье поведение, возможно, достойно морального осуждения, однако, явно не представляет первостепенной угрозы общему благополучию. К тому же, что социальные органы и службы обладают компетенцией к выявлению данных лиц и минимизации вреда от их деятельности.

Обывательские страхи и политическая манипуляция. Страх растущего социального иждивения основан на примитивной обывательской вере, которая в свою очередь зиждется на простом незнании фактов. Иждивение, по крайней мере, в бытовой форме, встречается многими, например, в виде взрослых детей, живущих за счет родителей. Это проецируется на все общество. Маргинальное поведение в стереотипах становится доминантным паттерном, эти настроения зачастую подхватываются частью политиков и СМИ, раздувается до масштабов всеобщей истерии.

Фобии населения легко превращаются в должное электоральное поведение, правые призывают средний класс не доверять политикам-социалистам, которые-де, планируют через механизмы перераспределения раздавать деньги успешной и предприимчивой части общества ленивым люмпенам. Курс на сворачивание социальных программ, урезание социальных трат, отказ от социальных гарантий гражданам также легко обосновывается необходимостью «заставить тунеядцев работать».

Проблема в том, что ущерб от такой политики наносится как раз таки наиболее трудящимся слоям общества. Сокращая поддержку детей, стариков и инвалидов, государство перекладывает заботу о них на работающих членов их же семей, снижая общее качество жизни. Если в основе феномена среднего

класса заложен определенный уровень потребления, то при секвестре социальных обязательств, происходит перераспределение семейных бюджетов и большую долю в нем занимают расходы по базовым статьям физиологического выживания нетрудоспособных членов семьи (продукты питания, товары первой необходимости, медицинская помощь, жилье, коммунальные услуги) вместо расходов на дополнительное образование, культурное развитие, досуг, отдых, инвестирование. Парадоксальным образом сочувствие многих представителей среднего класса идеям борьбы с бедными, делает их самих беднее.

При этом нельзя не обратить внимание на второй полюс политики демонтажа социального государства: приватизацию социальных служб, коммерциализацию социального сектора и общее сокращение прогрессивного налогообложения на богатых и крупный корпоративный бизнес.

Включенное наблюдение в региональных системах государственной социальной защиты населения Москвы и Московской области показывает, что теория «социально-иждивенческой угрозы» присутствует и в процессе принятия управленческих решений. Главное ее следствие – это своеобразный ментальный барьер для руководящего слоя на расширение и повышение социального обеспечения. Тезис, что слишком значительное увеличение социальных выплат демотивирует граждан к труду и самостоятельной активности, регулярно звучит в публично-политической и узкопрофессиональной сферах и фактически становится обоснованием отказа от любого увеличения социальных выплат. Попытка же государственных руководителей обойти переоцененную ими проблему иждивения, делая акцент на фрагментацию социальной политики или гипертрофированно уделяя внимание сектору адресной социальной поддержки, приводит к общему снижению эффективности социальной политики. Подобная ситуация анализировалась, а практические рекомендации по ее преодолению предлагались автором в раннем исследовании [14, с. 41–46].

Фиксируемое и в России, и на Западе убеждение части граждан, что социальная политика касается только бедных и что это такая форма благотворительности глубоко ошибочно. Развитие социального государства, безусловно, должно брать на себя функцию минимального материального достатка тех, кто естественным образом не может о себе позаботиться. Однако не менее важна его функция именно социального развития, в части помощи безработным важно не просто платить пособия, важно помочь гражданину найти достойное рабочее место. Социальная политика не может идти в отрыве от двух других направлений: политики создания новых рабочих мест и политики продвижения интересов работников на повышение оплаты труда. Только в комплексе можно говорить об успешной социальной политике и настоящем социальном государстве.

Страх перед социальным иждивением не должен становиться барьером на пути совершенствования социальной политики. Это явление нужно держать под контролем сколь бы малым оно не было, вести отдельную работу с каждым гражданином, который взял в качестве жизненной установки идею «социального иждивения», нужны особые программы реабилитации маргинализированного меньшинства, стимулирующего к поиску работы и борьбе за лучшую жизнь, а не прозябанию на подаяниях. Вместе с тем, особенно для России, актуально расширение сектора универсального социального обеспечения: широкой, достаточной, равной поддержки нуждающихся общественных категорий на уровне не ниже базового материального достатка. Иррациональные страхи и фобии не должны сдерживать социальный прогресс.

Библиографический список

1. Сидорина, Т. Ю., Тимченко, О. В. Социальное иждивенчество – оборотная сторона благоденствия // Отечественные записки. 2012. Т. 50, № 5. С. 58-72.
2. Заруба, В. Ю. Социальное иждивенчество: дестимулирующий эффект социальной политики // Гілея: науковий вісник. 2018. Вып. 132. С. 325-330.
3. Мосейко, В. В., Фролова, Е. А. Социальное государство vs социальное иждивенчество // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (149). С. 102-107.
4. Очкина, А. В. Социальное государство: иждивенчество и развитие // Аналитический журнал «Левая политика». 2019. № 32.
5. Кузнецов, И. С. Социальный портрет иждивенца глазами населения Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 4. С. 48-51.
6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М. : Политиздат, 1983. 416 с.
7. Besharov, D. J. Social Welfare Twin Dilemmas: 'Universalism vs. Targeting' and 'Support vs. Dependency'. Prepared for the Annual Meeting of the International Social Security Association, Jerusalem, Israel. January 25-28, 1998.
8. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М. : Новое издательство, 2005. 317 с. ISBN 978-5-271-42045-0.
9. Фридман, М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. М. : Новое издательство, 2006. 236 с. ISBN 5-98379-054-4.
10. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера; Под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М. : ИРИСЭН, Социум, 2016. 422 с. ISBN 5-91066-007-0.
11. Ролз, Дж. Теория справедливости / [Пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко]. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 534 с. ISBN 5-7615-0365-4.
12. Стедмен-Джоунз, Д. Рождение нелиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М. : Социум; Челябинск : Мысль, 2017. 520 с. ISBN 978-5-906401-71-7.
13. Кагарлицкий, Б. Ю. Политология революции. М. : Изд-во «Алгоритм», 2007. 573 с. ISBN 978-5-9265-0401-6.
14. Симонов, А. В. Социальная защита населения в России: актуальные проблемы и системные противоречия // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 1 (152). С. 41-46.

Дата поступления в редакцию: 09.01.2022.

Принята к печати: 16.02.2022.

Сведения об авторе:

Симонов Алексей Вячеславович, кандидат политических наук, помощник депутата, Московская городская Дума. Москва, Россия.

e-mail: alex28373336@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 5345-2819

A. V. Simoyanov¹

¹ Moscow City Duma. Moscow, Russia.

SOCIAL DEPENDENTS: POLITICAL TALE AND SCIENTIFIC REALITY

Annotation. Russian society's fear of the social dependents' hegemony is similar to an analogical fear in the political discourse of Western countries. Opponents of the concept of the social state criticize it for its tendency to multiply the masses of freeloaders. However, evidence from foreign research's show that most

of the common myths about the “class of lazybones living on welfare benefits” haven’t the factual basis. The author’s discovery confirms that the problem of “social dependency” is extremely overestimate. The number of people who could be classified as social dependents is minimal, as is the damage to society from their activities. Despite this fact, right- liberal politicians use the mass dependency fear to justify the implementation of the sequestering the state’s social responsibility policy and to increase hardness the order of support to the poor. If Russian society gets rid of the irrational fear of mass social dependency, it won’t become a victim of such political manipulation.

Keywords: social dependency, poverty, social problems, welfare state, social recipients.

For citation: Simoyanov A.V. (2022) Social dependents: political tale and scientific reality. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 66–75. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.6

References

1. Sidorina, T. Yu., Timchenko, O. V. (2012) Social dependency – the other side of welfare. *Otechestvoennye zapiski*. Vol. 50. No. 5. Pp. 58-72 (in Russ.).
2. Zaruba, V. Yu. (2018) Social dependency: the disincentive effect of social policy. *Hileya: scientific bulletin*. Issue 132. Pp. 325-330 (in Russ.).
3. Moseyko, V. V., Frolova, E. A. (2014) Welfare state vs social dependence. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 8 (149). Pp. 102-107 (in Russ.).
4. Ochkina, A. V. (2019) The social state: dependency and development. *Analytical journal “Left Politics”*. No. 32 (in Russ.).
5. Kuznetsov, I. S. (2012) A social portrait of a dependent in the eyes of population of Tyumen region. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. No. 4. Pp. 48-51 (in Russ.).
6. Marx, K. (1983) The Process of Production of Capital. In: *Capital. A Critique of Political Economy*. Vol. 1. Book 1. M. : Politizdat. 416 p. (In Russ.).
7. Besharov, D. J. (1998) *Social Welfare Twin Dilemmas: ‘Universalism vs. Targeting’ and ‘Support vs. Dependency’*. Prepared for the Annual Meeting of the International Social Security Association, Jerusalem, Israel. January 25–28 (in Eng.).
8. Hayek, F. (2005) *The Road to Serfdom*. M. : New Publishing House. 317 p. ISBN 978-5-271-42045-0 (in Russ.).
9. Friedman, M. (2006) *Capitalism and Freedom*. M. : New Publishing House. 236 p. ISBN 5-98379-054-4 (in Russ.).
10. Nozick, R. (2016) *Anarchy, state and utopia*. Ed. by Yu. Kuznetsov and A. Kuryaev. M. : IRISEN, Society Publ. 422 p. ISBN 5-91066-007-0 (in Russ.).
11. Rawls, J. (1995) *A Theory of Justice*. Novosibirsk : NSU Publishing House. 534 p. ISBN 5-7615-0365-4 (in Russ.).
12. Stedman-Jones, D. (2017) *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. M. : Socium; Chelyabinsk : Mysl’. 520 p. ISBN 978-5-906401-71-7 (in Russ.).
13. Kagarlitsky, B. Y. (2007) *Politologiya revolyutsii [Political Science of the Revolution]*. M. : “Algorithm” Publ. 573 p. ISBN 978-5-9265-0401-6 (in Russ.).
14. Simoyanov, A. V. (2017) Social protection of the population in Russia: actual problems and system contradictions. *Representative power – 21st century: legislation, commentary, problems*. No. 1 (152) Pp. 41-46 (in Russ.).

The article was submitted on January 09, 2022.

Accepted on February 16, 2022.

Information about the author:

Alexey V. Simoyanov, Candidate of Political Science, Deputy Assistant,
Moscow City Duma. Moscow, Russia.
e-mail: alex28373336@yandex.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.7

УДК 316.35.023.6

О. В. Шиняева¹, Е. Р. Ахметшина¹

¹ Ульяновский государственный технический университет.
Ульяновск, Россия.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ-ГУМАНИТАРИИ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: КРИЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ИЛИ АДАПТАЦИЯ К «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»?

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 21-011-31504.*

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики профессиональной идентичности преподавателей гуманитарного профиля, работающих в российских вузах, особенности их поведения в условиях глобальных и национальных изменений высшей школы. Усиление нестабильного положения профессиональной группы «преподаватель вуза социально-гуманитарного профиля» привело авторов к необходимости нового масштабного исследования, которое опиралось на теории профессиональной идентичности, социальной адаптации, а также на авторское эмпирическое исследование, осуществленное десять лет назад. Традиционное назначение преподавателей вузов, связанное с выполнением ролей педагога, ученого, воспитателя, наставника в современных условиях вошло в противоречие с функциями оказания и продвижения образовательных услуг, продиктованных включением высшей школы в рыночные отношения. Цель нашей работы направлена на выявление результирующих показателей ценностей и поведения вузовских преподавателей-гуманитариев, установление характера их профессиональной идентичности. В исследовании использованы функционально-ролевой, аксиологический и коммуникативный подходы, которые позволили связать новые социальные, культурные, политические процессы с реализацией функций и ролей преподавателей гуманитарного профиля. Опираясь на авторское определение профессиональной идентичности преподавателей вузов, включающей осознание и проживание субъектами своей причастности к группе, готовность к реализации качеств и моделей поведения, востребованных вузом-работодателем, авторы осуществили анализ эмпирических данных межрегионального социологического опроса и пришли к научным выводам в рамках поставленной цели. Результирующие показатели ценностей и поведения преподавателей-гуманитариев, работающих в российских вузах, свидетельствуют о том, что в их групповом сознании произошла переоценка выполняемых функций, которая привела к профессиональной переидентификации: постепенному уходу от роли «вузовская интеллигенция» и освоению роли «интеллектуалы», для которых главным качеством является развитие профессионализма и выгодное его предложение. Традиционные и ранее востребованные качества преподавателей гуманитарного цикла – интеллигентность, гражданская позиция, социальная активность, наставничество, справедливость – отодвигаются на периферию сознания преподавателей социально-гуманитарного цикла российской высшей школы.

Ключевые слова: преподаватели высшей школы, профессиональная идентичность преподавателей-гуманитариев, смена профессиональных ценностей и ролей.

Для цитирования: Шиняева О.В., Ахметшина Е.Р. Преподаватели-гуманитарии в российских вузах: кризис профессиональной группы или адаптация к «новой нормальности»? // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 76–89. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.7

Традиционное назначение преподавателей вузов, связанное с выполнением ролей педагога, ученого, воспитателя, наставника, в современных условиях входит в противоречие с функциями оказания и продвижения образовательных

услуг, продиктованных включением высшей школы в рыночные отношения. Это не может не влиять на профессиональное самочувствие преподавателей вузов вообще и преподавателей социально-гуманитарного профиля, в частности. Ситуация осложнилась в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией: с 2020 года удаленное обучение стало носить массовый характер во всех государственных и коммерческих вузах, что способствовало снижению эффективности коммуникаций между преподавателями и студентами.

Положение профессиональной группы «преподаватель вуза социально-гуманитарного профиля» нельзя назвать стабильным: по данным Росстата, в 2019-2020 гг. количество преподавателей-гуманитариев сократилось на треть, а в ряде регионов – на 40%; особенно остро эта проблема проявляется в региональных российских вузах. Усиливающиеся процессы стратификации кадров высшего образования, иерархия учебных заведений являются сегодня важными факторами дифференциации преподавателей. Неустойчивое положение преподавателей гуманитарного цикла предопределяет противоречивость их профессиональной идентификации.

Актуальность исследования обозначенной профессиональной группы обусловлена необходимостью установить соответствие качеств ее представителей требованиям модернизации российского социума и образовательного пространства. Профессиональное самочувствие преподавателей-гуманитариев выступает стержнем развития системы высшего образования и важных качеств человеческого капитала нового поколения россиян (общекультурных компетенций, гражданских установок, проектной и коммуникативной культуры). *Цель нашей работы* направлена на выявление результирующих показателей ценностей и поведения вузовских преподавателей-гуманитариев, установление характера их профессиональной идентичности.

Изучение проблемы основано на применении институционального, коммуникативного и аксиологического подходов, которые в сочетании позволяют взглянуть на ситуацию как с позиций глобальных, национальных изменений высшей школы, так и в ракурсе индивидуальных практик преподавателей. Мы использовали также *функционально-ролевой подход*, который позволит связать новые социальные, культурные, политические процессы с реализацией функций и ролей вузовской гуманитарной интеллигенции в лице преподавателей гуманитарного профиля. В отличие от западных научных школ российские исследователи продолжают выделять гуманитарную интеллигенцию как особый социальный феномен, одну из ведущих сил общественно-политической жизни и модернизации общества. В своем исследовании мы, опираясь на *теории профессиональной идентичности и социальной адаптации*, осуществили попытку авторской интерпретации сохранения гуманитарной интеллигенции в пространстве высших учебных заведений.

В рамках коммуникативного подхода социально-профессиональные позиции интересующей нас группы – это результат коммуникаций с ее членами, в ходе которых формируется ролевое поведение; академическая среда является решающим фактором развития «самости» преподавателя. Важное значение имеет утверждение Дж. Мида о том, что индивид может не только идентифицироваться с интернализированными ролями, но и дистанцироваться от них. Символический интернационализм выделяет *три формы проявления идентичности* – язык, игру и коллективную игру. Все эти формы «интерсубъективной» активности представлены в преподавательской деятельности: профессиональный язык яв-

ляется средством самовыражения преподавателя и осознания себя через других; «игра» связана с выполнением преподавателем одновременно нескольких ролей (педагога, исследователя, практика, воспитателя), которые предназначены для ролевого научения; «коллективная игра» выражается в слаженной деятельности профессиональных коллективов преподавателей при наличии нормативной солидарности или, по Дж. Миду, «обобщенного другого». Продуктивной, на наш взгляд, является трактовка ученым социального института как организованной формы групповой или социальной деятельности, «представляющей отклик со стороны всех членов сообщества на конкретную ситуацию или символы, означающие отдельные аспекты этой ситуации» [1]. Г. Беккер, развивая идеи идентификации в рамках общения, определяет профессиональную идентичность как соединение с удачно «играемой» ролью, а переидентификацию – с добровольной или вынужденной сменой ролей. Если социальный опыт индивида включает несколько ролей, то у него может формироваться не одна, а несколько идентичностей [2].

Ю. Хабермас сформулировал концепцию баланса идентичности, в контексте структурно-ролевого подхода. Он предложил использовать *вертикальное измерение* идентичности – «связность истории жизни конкретного индивида или группы»; а также *горизонтальное* – «выполнение требований разных ролевых систем, к которым принадлежит индивид». На пересечении этих измерений возможен баланс идентификационного поведения как совокупности личностной и социальной идентичностей [3]. Установление этого баланса происходит с помощью взаимодействия: частная сфера вступает в диалогические отношения с социальными институтами через формирование коллективного мнения профессиональной группы.

Преподаватели вуза как часть гуманитарной интеллигенции изменились с приходом рыночных отношений; исследователи утверждают, что в последние годы претерпела серьезную трансформацию социально-профессиональная идентичность этой группы [4]. «В настоящее время преподавание в вузе не рассматривается как область, где можно заработать, сделать карьеру и добиться успеха в жизни. Удерживают преподавателей в вузе содержательные аспекты их деятельности, приверженность профессии и межличностные отношения в коллективе. Для молодых преподавателей (до 30 лет) большее значение имеет возможность проявления самостоятельности и инициативы. Преподаватели старших возрастов (50–60), доценты и профессора, отмечают необходимость и содержание своей деятельности, реже – удобство графика работы» [5]. Авторы конкретизируют новые условия профессиональной деятельности преподавателей вузов: социальный заказ к результатам их деятельности связан с подготовкой студентов, способных к инновациям; компетентностный подход в образовательных стандартах требует повышения компетентности самих преподавателей; активное внедрение технологий дистанционного обучения предполагает перестройку отношений преподавателей и студентов, их участие в учебном процессе.

Заслуживают внимания выводы социологов о трансформации поведения преподавателей вузов в условиях изменения рынка услуг высшего профессионального образования. В условиях расширения спроса потребителей на услуги российского образования стратегии вузов сопоставимы с поведением коммерческих фирм; в период сужения спроса вузы и их сотрудники ведут себя как бюджетные организации, демонстрирующие полную зависимость от политики государства. Преподаватели «указывают на несправедливость распределения

оплаты труда, ее непрозрачный характер, чего, по их мнению, не должно быть в государственной системе образования» [4].

В рамках проведенного нами исследования мы обратились к *коллективному мнению преподавателей социально-гуманитарного профиля*, работающих в высших учебных заведениях 18 регионов РФ (опрос прошел в сентябре 2021 г.). Выборочная совокупность анкетного опроса составила 850 человек; среди них пятая часть работает в федеральных или научно-исследовательских университетах, около трети – в опорных вузах регионов, почти половина – в обычных региональных университетах. Для проведения сравнительного анализа мы использовали результаты анкетного опроса этой профессиональной группы десять лет назад (2011 г.; выборка тогда составила 920 чел.). Дополнением к базе данных стали фокус-групповые дискуссии среди студентов – о роли преподавателей гуманитарного цикла в студенческой среде (4 фокус-группы, n = 60 человек; критерий подбора групп – профессиональный профиль образования студентов).

Профессиональная идентичность преподавателей вузов есть осознание и проживание субъектами своей причастности к профессиональной группе на основе восприятия ее ценностей, норм и ролей, а также готовность к реализации качеств, востребованных обществом и вузом-работодателем, поиск эффективных практик адаптации к меняющимся условиям труда. Исходя из авторского определения, мы осуществили операционализацию основной категории, характеризующей состояние ценностей и поведения профессиональной группы (см. табл. 1): социальное назначение профессии, мотивы выбора и сохранения верности профессии, качества для успешной работы в вузе, формы профессиональной мобильности преподавателей. Обратимся к результатам авторского исследования мнений преподавателей социально-гуманитарного профиля в рамках основных показателей.

Таблица 1

Критерии и показатели профессионального самочувствия преподавателей социально-гуманитарного профиля

Критерии	Показатели
1. Социальное назначение профессии	– ведущие роли в профессиональной деятельности – гражданские позиции; участие в социализации студентов – лидерство в коммуникациях со студентами
2. Мотивы выбора и сохранения верности профессии	– мотивы выбора работы в вузе – преимущества и недостатки профессии – лояльность профессии
3. Востребованные качества для успешной работы в вузе	– профессиональная компетентность, самообразование – педагогическое наставничество – интеллектуальное лидерство, эрудиция – гражданские позиции, социальная активность
4. Формы профессиональной мобильности	– совместительство внутреннее и внешнее – смена места работы – практики адаптации к новым условиям

Мотивы выбора профессии и сохранения профессиональной лояльности. Важным компонентом профессиональной идентичности является *мотивация трудовой деятельности*. Как показывают теоретико-прикладные исследования, она непосредственно определяет типы профессиональной деятельности и результаты адаптации к новым условиям; особую роль в этом играет соотношение внутренних и внешних мотивов по отношению к содержанию профессии [6].

Внутренняя мотивация стимулирует идентификацию в профессии – поиск, критический самоанализ, создание новаторских технологий преподавания – главный источник продуктивных процессов, результатом которых становится освоение новых моделей поведения. Как показало наше исследование, внутренняя мотивация выбора профессии остается преобладающей – 72% преподавателей-гуманитариев видят свое призвание в педагогической деятельности и постоянном совершенствовании (см. рис. 1).

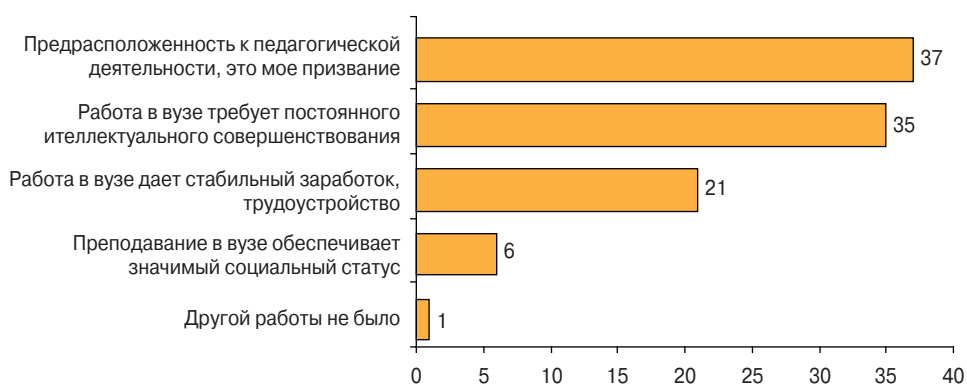

Рисунок 1. Мотивация преподавателей-гуманитариев в выборе профессии (в %, n=850)

Мнения, высказанные студентами в ходе фокус-групповых дискуссий, подтверждают наличие внутренней мотивации у большей части преподавателей гуманитарного профиля. «Многие преподаватели идут нам навстречу, придумывают игры, тренинги и многое другое. У нас много выходов в разные организации, посмотреть все изнутри. Преподаватели открыты к общению и передают нам свои навыки» (студентка, педагогический профиль, 20 лет); «У меня еще появился хороший преподаватель по философии, благодаря чему я начинаю изучать эту науку, иначе бы я этим не интересовался никогда в жизни. Прочувствовал бы еще и еще такой же курс или даже два, потому что это очень сильно влияет на культуру, общую образованность» (студент, информационные технологии, 19 лет).

Составляющие «внешней мотивации» снижают творческий характер труда преподавателя, но помогают выжить в условиях смены институциональных норм. Внешние мотивы выбора профессии «преподаватель вуза» усилились за последние 10 лет; но в целом их выбрали менее трети респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2

Мотивы выбора работы в вузе в качестве профессии (в %, n = 850)

Работа в высшем учебном заведении...	Всего		Возраст				Должность			
	2011	2021	до 34 лет	35-49 лет	50-64 года	Старше 65	ассистент	старший преподаватель	доцент	профессор
Внутренние мотивы										
Требует интеллектуального совершенствования	40	35	29	34	39	38	31	34	35	37
Педагогическая деятельность – мое призвание	36	37	33	38	34	44	40	36	33	48
Внешние мотивы										
Дает стабильный заработок, трудоустройство	15	22	30	21	20	13	26	19	24	10
Обеспечивает значимый социальный статус	9	6	8	7	7	4	3	11	8	5

Прирост произошел за счет восприятия работы в вузе как «стабильной», с регулярным заработком. Чаще внешние мотивы разделяют молодые преподаватели-гуманитарии. Преобладание *внешних мотивов* не способствует глубоким открытиям в педагогике и науке, но формирует более адаптивные формы поведения в трудовой деятельности, снижает инертность.

Изучая направленность профессиональной деятельности преподавателей гуманитарного профиля, мы предложили им оценить причины, которые удерживают их в профессии и высшей школе – факторы лояльности к профессии. *Позитивные* причины связаны с творческим характером труда (65%), необходимостью общения с молодежью (73%) и свободным графиком работы (47%; рис. 2). Эти причины лидировали и 10 лет назад. Но сейчас ситуация дифференцировалась по типам вузов: в опорных и научно-исследовательских университетах преподаватели чаще отмечают творческий характер труда (73%), а в обычных вузах – свободный график и общение с молодежью (77%).

Негативные факторы профессионального самочувствия преподавателей-гуманитариев связаны с большим объемом «бумажной» работы (76%), а также с увеличением аудиторной нагрузки без соответствующего увеличения зарплат (60%; рис. 3). Данные причины высказываются во всех сегментах обследованной группы, но чаще других их отмечают профессора, а также преподаватели вузов особого статуса (федеральных, национально-исследовательских университетов) – более 80%. За 10 лет неудовлетворенность преподавателей гуманитарного профиля своим материальным статусом осталась на прежнем уровне, а факторная нагрузка двух других условий труда – увеличение объема бумажной работы и рост аудиторной нагрузки – выросла в 2 раза (с 39 до 76%). Стратификация вузов, реализованная в последние годы, не решила проблемы оптимизации труда преподавателей; напротив, повысила их неудовлетворенность постоянными изменениями требований к труду и ростом необоснованных функций.

Рисунок 2. Преимущества работы в вузе в оценках преподавателей-гуманитариев (в %, n=850).

Рисунок 3. Недостатки работы в вузе в оценках преподавателей-гуманитариев (в %, n=850).

Востребованные качества для успешной работы в вузе. Изменение требований общества и института высшего образования к преподавателям высшей школы наложило отпечаток на такой элемент профессиональной идентичности как представления о значимых качествах обладателей профессии. В целом ядро представлений преподавателей-гуманитариев о неотъемлемых качествах «идеального преподавателя вуза» соответствует профессиональным функциям института высшего образования: профессиональная компетентность в области своего предмета (85%), самообразование и развитие (74%), коммуникабельность (49%), культура речи (33%), способность к творчеству (30%). Однако другой ракурс открывается в сравнительном анализе с результатами опроса 2011 г. (см. табл. 3).

За 10 лет, совершенно очевидно, верх взяли качества профессиональной компетентности и самообразования; рост составил 1,5 раза. Другие свойства профессии потеряли своих почитателей среди преподавателей гуманитарного профиля: качества педагогического наставничества и рефлексии стали менее актуальными в 2 раза; эрудиция, интеллектуальное лидерство – в 1,5-2 раза; гражданская позиция и активность преподавателей – в 2 раза (см. табл. 3). Рыночные отношения в обществе даже гуманитариев вузов сделали реалистами: «за что платят деньги, то нужно и демонстрировать» (ответ на открытый вопрос). А оценивают труд преподавателя вуза по следующим показателям: количество студентов, получающих услугу; длительность учебной дисциплины в часах; способность сформировать компетенции, востребованные на рынке труда. Данное обстоятельство усиливает рассогласование в исследуемой группе: чем старше возраст преподавателей, тем больше их желание соответствовать своему месту по признакам формальной компетентности, чтобы не потерять работу.

Таблица 3

Востребованные качества для успешной работы в вузе в оценках преподавателей
(в %, n = 850)

Качества	Всего		Возраст				Должность			
	2011	2021	до 34 лет	35-49 лет	50-64 года	Старше 65	ассистент	старший преподаватель	доцент	профессор
Профессиональная компетентность	55	85	76	85	86	96	86	81	82	95
Самообразование, развитие	51	74	68	74	84	80	74	72	82	76
Наставничество молодежи	40	14	16	15	13	7	12	12	16	8
Педагогическая рефлексия	37	19	30	16	25	8	34	29	18	17
Общая эрудиция	45	23	27	21	30	17	16	30	23	22
Интеллект. лидерство	25	15	20	13	13	18	16	13	16	12
Гражданская позиция	23	11	11	8	19	11	10	15	12	7
Социальная активность	24	15	29	14	16	4	34	16	16	8

Примечание: ответ на вопрос предполагал многовариантность, поэтому сумма ответов по каждому столбцу превышает 100%.

Педагогический талант чаще чтут молодые преподаватели гуманитарного профиля в лице ассистентов и старших преподавателей в силу нехватки опыта работы со студентами, но доля их не превышает трети; в среднем по выборке – только пятая часть. Такие качества как общая эрудиция, интеллектуальное лидерство, гражданская активность за прошедшие 10 лет сдали свои позиции в ценностном сознании преподавателей-гуманитариев всех статусов. Однако, в представлениях студентов об идеальном преподавателе гуманитарного профиля они продолжают лидировать: «Если он просто прочитал лекцию и не хочет с вами ни о чем говорить, к нему формируется отношение иначе. Нужен такой преподаватель, который выводит на дискуссии и сближает группу» (студент, 21 год, соци-

альная работа); «Хотелось бы видеть в преподавателе гуманитарного предмета партнера и собеседника, обладающего уважением к студентам, харизмой, любовью к предмету, вовлеченностью в жизнь студентов, общей эрудицией» (студент, 20 лет, строительный профиль).

Профессиональная мобильность преподавателей гуманитарного профиля. Согласно предложенной российскими социологами типологии практик мобильного поведения [7-8], которая, на наш взгляд, эвристична в исследовании адаптации россиян к новым социальным условиям, мы выделили три типа среди преподавателей гуманитарного профиля: 1) «адаптация как развитие» – позитивная тактика приспособления к новым социальным условиям; 2) «адаптация как защита» – нейтральная тактика, зависящая от конкретных событий (36%); 3) «адаптация как уход от проблемы» – негативная тактика (7%).

Активно-позитивная позиция в адаптации к «новой нормальности» преобладает среди преподавателей социально-гуманитарного профиля (таких в профессиональной группе – 57%; рис. 4). Чаще активные тактики реализуют преподаватели молодого возраста (75%), занимающие невысокие должности – ассистенты (86%), а также те, кто видит смысл профессии в постоянном интеллектуальном совершенствовании (76%).

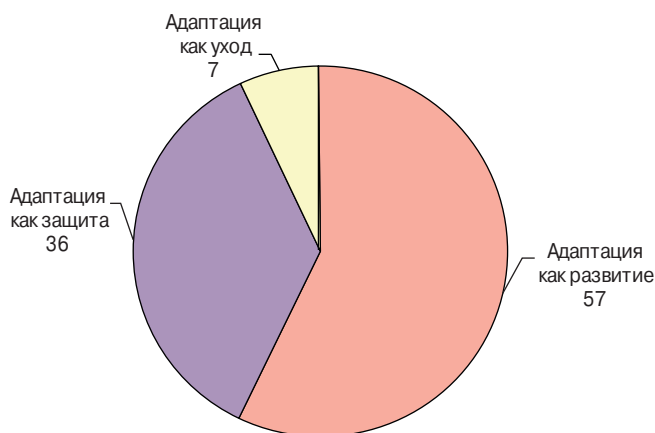

Рисунок 4. Тактики адаптивного поведения преподавателей вуза гуманитарного профиля (в %, n=850).

Негативные тактики (уход от решения проблемы) поддерживают публично всего 7% представителей профессиональной группы; нейтральные – 36%. Однако важно не только то, что декларируют респонденты, но и какие действия конкретно предпринимают. Какие меры предпринимают гуманитарии вуза, чтобы удержаться на приемлемом уровне жизни и «не потерять лицо» перед студентами? Какую активность они проявляют?

Более 60% хотя бы раз меняли место работы – чаще профессора и те преподаватели, которые озабочены своим социальным статусом (см. рис. 5). Четверть имеет нагрузку более одной ставки в своем вузе или занимается внутренним совместительством. Интересно, что в обычных региональных вузах доля внутреннего совместительства выше, она составляет 40%: не имея возможности поднять

зарплату, вузы повышают интенсивность труда своих сотрудников. Третья часть профессиональной группы занята в другом месте; вторичная занятость оценивается большинством из них как источник необходимого дохода, без которого не прожить. Чаще других эту тактику используют гуманитарии-мужчины, молодежь, преподаватели с лидерскими качествами (более 50%).

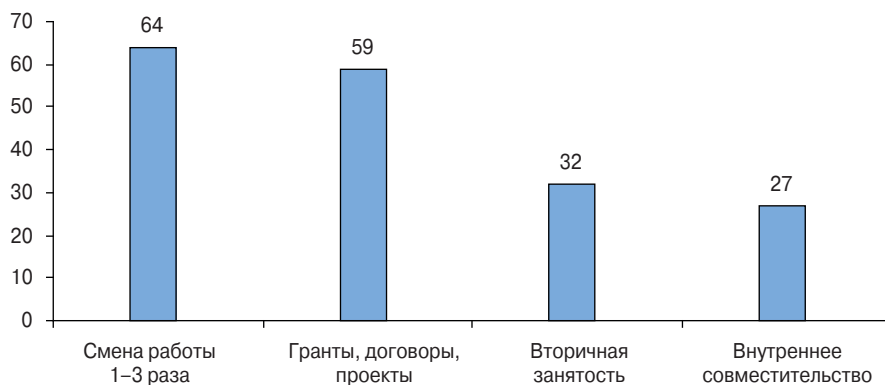

Рисунок 5. **Формы профессиональной мобильности преподавателей-гуманитариев вузов (в %, n=850).**

Нужно заметить, что западные университеты также во многом опираются на множественную занятость преподавателей. Однако по своей структуре параллельная занятость западного преподавателя качественно отличается от вторичной занятости его российского коллеги. Для преподавателя зарубежного университета – это обычно прикладные исследования в рамках частных контрактов, работа в экспертных советах, консалтинговая деятельность; для российского доцента и старшего преподавателя – преподавание в коммерческих вузах, репетиторство (объемы сопоставимы с основной деятельностью); реже – консалтинг и участие в научных проектах [9–10].

Самочувствие преподавателей-гуманитариев в профессии. Результирующим показателем профессионального самочувствия преподавателей высших учебных заведений мы считаем ответы на вопрос: «Если бы Вы снова начали трудовую деятельность, выбрали бы профессию преподавателя вуза?». Три четверти представителей профессии «преподаватель социально-гуманитарного профиля» подтвердили свой выбор (75%; рис. 6), что свидетельствует об устойчивом ядре лояльности в структуре общественного мнения профессиональной группы.

Сравнение ответов на этот вопрос с разницей в 10 лет свидетельствует о приросте преподавателей гуманитарного цикла, лояльных своей профессии. Увеличение произошло за счет сокращения тех, кто ни при каких обстоятельствах не выбрал бы снова работу в высшем учебном заведении (с 14 до 6%). Основными факторами снижения доли «нелояльных» профессии преподавателей российские исследователи считают нестабильность рынка труда, а также сокращение состава работающего персонала в разных отраслях в условиях эпидемии коронавируса.

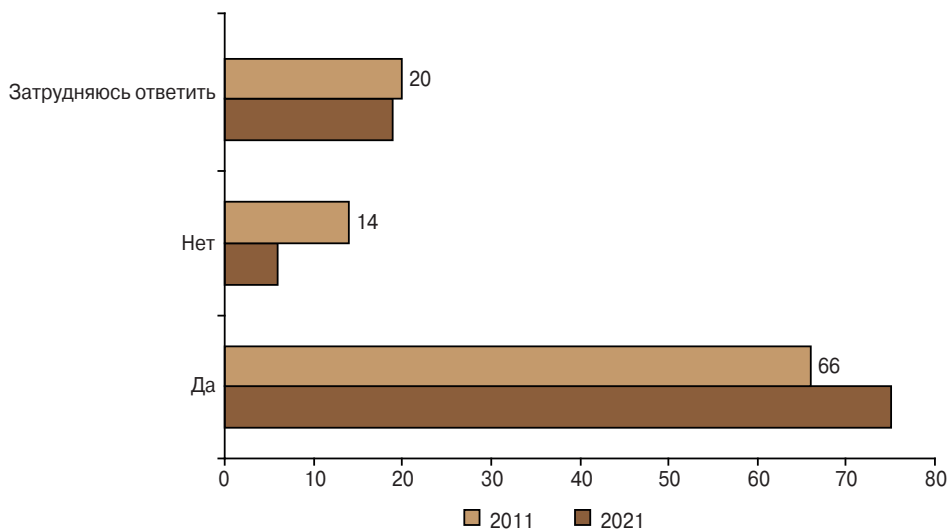

Рисунок 6. Лояльность профессии среди преподавателей-гуманитариев (в %, n=850).

Итак, для подведения итогов в рамках поставленной цели вернемся к положению Ю. Хабермаса: «Установление внутри группы баланса происходит тогда, когда частная сфера вступает в диалогические отношения с социальными институтами через формирование коллективного мнения профессиональной группы». Полученные результаты теоретического и прикладного анализа свидетельствуют о том, что, выражая критические оценки в адрес институтов государства и высшего образования по поводу своих условий и содержания труда, выделенная нами профессиональная группа не испытывает кризиса идентичности. Сравнение опросов 2011 и 2021 гг. показало изменение оценок преподавателей-гуманитариев относительно реализуемых ролей в вузе: педагог-профессионал, реже – исследователь, избирательно – наставник, почти отсутствует – воспитатель.

Прошедшее десятилетие стало для преподавателей социально-гуманитарного профиля *периодом переидентификации*, а именно - ухода от роли «вузовская интеллигенция» и освоения роли «интеллектуалы», для которых главным качеством является развитие своего профессионализма и выгодное его предложение; традиционные и ранее востребованные качества – интеллигентность, гражданская позиция, социальная активность, терпимость, наставничество, справедливость – отодвигаются на периферию ценностного сознания преподавателей социально-гуманитарного цикла российской высшей школы. Последствия такой переориентации преподавателей-гуманитариев для формирования человеческого капитала выпускников вузов предстоит изучить в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Мид, Дж. Г. Избранное : Сб. переводов. М. : РАН; Центр социал. научн.-информ. исследований, 2009. 290 с. ISBN 978-5-248-00476-8.
2. Беккер, Г. Девиантность как следствие «наклеивания ярлыков» // Контексты современности: Хрестоматия. Казань : Изд-во Казанского университета, 2001. С. 145–149.
3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с. ISBN 5-02-026810-0.

4. *Фадеева, И. М., Федосеева, М. В.* Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 153–163. DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.09.

5. *Резник, С. Д., Вдовина, О. А.* Преподаватель российского вуза: мотивы и приоритеты деятельности // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 132–137. DOI: 10.7868/50132162517060137.

6. *Камалдинова, Э. Ш.* Развивающее обучение в современном вузе // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 74–81.

7. *Шабанова, М. А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2001. Том. 10. № 3. С. 78–104.

8. *Леньков, Р. В., Богданов, В. С.* Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 163–175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14.

9. *Денисова, Г. С., Панфилова, Ю. С.* Конструирование гражданской идентичности в системе образования: европейский и российский акценты // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 115–122.

10. *Денисова, Л. Л.* Проблемы идентичности гуманитарной интеллигенции России как актора политического процесса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 17–20. DOI: 10.23672/SAE.2019.6.32959.

Дата поступления в редакцию: 22.11.2021.

Принята к печати: 20.12.2021.

Сведения об авторах:

Шиняева Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор,
Ульяновский государственный технический университет, зав. кафедрой, профессор.

Ульяновск, Россия.

e-mail: olse@rambler.ru

Author ID РИНЦ: 481624

ORCID: 0000-0001-7852-7257

Scopus ID: 572087 97299

Ахметшина Екатерина Рифовна, кандидат социологических наук, доцент,
Ульяновский государственный технический университет, доцент.

Ульяновск, Россия.

e-mail: akhmetshina073@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 586355

Scopus Author ID 572088 00026

O. V. Shinyaeva¹, E. R. Akhmetshina¹

¹ Ulyanovsk State Technical University. Ulyanovsk, Russia.

HUMANITIES TEACHERS IN RUSSIAN UNIVERSITIES: THE CRISIS OF THE PROFESSIONAL GROUP OR ADAPTATION TO THE “NEW NORMALITY”?

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-31504.

Annotation. The article examines the characteristics of the professional identity of humanitarian teachers working in Russian universities, the peculiarities of their behavior in the context of global and national changes in higher education. The strengthening of the unstable position of the professional group “university teacher of social and humanitarian profile” led the authors to the need for a new large-scale study, which was based on the theory of professional identity, social adaptation, as well as on the author’s empirical research carried out ten years ago. The traditional appointment of university teachers associated with the roles of a teacher, scientist, educator, mentor in modern conditions has come into conflict with the functions of providing and promoting educational services dictated by the inclusion of higher education in market relations. The purpose of our work is aimed at identifying the resulting indicators of values and behavior of university humanities teachers, establishing the nature of their professional identity. Functional-role, axiological and communicative approaches were used in the study, which made it possible to link new social, cultural, and political processes with the implementation of the functions and roles of teachers of the humanities. Based on the author’s definition of the professional identity of university teachers, including the awareness and living of the subjects of their involvement in the group, readiness to implement the qualities and behaviors demanded by the university-employer, the authors analyzed the empirical data of an interregional sociological survey and came to scientific conclusions within the framework of the goal. The resulting indicators of values and behavior of humanities teachers working in Russian universities indicate that in their group consciousness there was a reassessment of the functions performed, which led to professional re-identification: a gradual departure from the role of “university intelligentsia” and the development of the role of “intellectuals”, for whom the main quality is the development of professionalism and its advantageous offer. The traditional and previously sought-after qualities of teachers of the humanities cycle - intelligence, citizenship, social activity, mentoring, justice - are being pushed to the periphery of the consciousness of teachers of the socio-humanitarian cycle of the Russian higher school.

Keywords: higher school teachers, professional identity of humanities teachers, change of professional values and roles.

For citation: Shinyaeva O.V., Akhmetshina E.R. (2022) Humanities teachers in Russian universities: the crisis of the professional group or adaptation to the “new normality”? Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 76–89. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.7

References

1. Mead, G. H. (2009) *Favorites: Collection of translations*. M. : RAS; The Center of social. scientific.-inform. research. 290 p. ISBN 978-5-248-00476-8 (in Russ.).
2. Becker, H. S. (2001). Deviance as a consequence of “labeling”. In: *Konteksty sovremenosti-II [Contexts of modernity-II]*: Khrestomatiya. Kazan : Kazan Publishing House. Pp. 145–149 (in Russ.).
3. Habermas, J. (2000) *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. SPb. : Nauka. 380 p. ISBN 5-02-026810-0 (in Russ.).
4. Fadeeva, I. M., Fedoseeva, M. V. (2015) Subjective well-being of university teacher in society, in profession and in university. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. № 6. Pp. 153-163. DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.09 (in Russ.).

5. Reznik, S. D., Vdovina, O. A. (2017) Russian university teacher: sociological portrait and priority activities. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6. Pp. 132–137. DOI: 10.7868/50132162517060137 (in Russ.).

6. Kamaldinova, E. Sh. (2006) Developmental learning in a modern university. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. Pp. 74–81 (in Russ.).

7. Shabanova, M. A. (2001) Mass Adaptation Strategies and Perspectives of Institutional Transformations. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. Vol. 10. No. 3. Pp. 78–104 (in Russ.).

8. Lenkov, R. V., Bogdanov, V. S. (2019) Problems of the “assembly” of the future Russian intelligentsia as a sociocultural potential modernization: sociological and management discourse. *The scientific result. Sociology and management*. Vol. 5. No. 4. Pp. 163–175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14 (in Russ.).

9. Denisova, G. S., Panfilova, Ju. S. (2016) Construction of civil identity in the education system: European and Russian accents. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 11. Pp. 115–122 (in Russ.).

10. Denisova, L. L. (2019). Identity problems of humanitarian intelligentsia of Russia as a lead force of the political process. *Humanities, social-economic and social sciences*. No 6. Pp. 17–20. DOI: 10.23672/SAE.2019.6.32959 (in Russ.).

The article was submitted on November 22, 2021.

Accepted on December 20, 2021.

Information about the author:

Olga V. Shinyaeva, Doctor of Sociology, Professor, Ulyanovsk State Technical University, Head of the Department, Professor, Ulyanovsk, Russia.

e-mail: olses@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7852-7257

Scopus ID: 572087 97299

Ekaterina R. Akhmetshina, Candidate of Sociology, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, Associate Professor, Ulyanovsk, Russia.

e-mail: akhmetshina073@yandex.ru

Scopus Author ID 572088 00026

ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные аспекты гендерной ситуации в системе властных отношений одного из региональных парламентов Российской Федерации. На примере самого северного и самого крупного региона РФ – Республики Саха (Якутия) проанализировано положение женщин во власти. Приводятся сравнительные статистические характеристики представительства женщин в региональном парламенте и муниципальных органах власти. Показана структура, содержание и направленность интересов женщин в социально-политической сфере отношений общества. Представлены биографии наиболее ярких представителей парламентариев Якутии, предпринята попытка исследования участия женщин-депутатов в политической жизни республики. Исследование базируется на данных официального интернет-портала правовой информации.

Ключевые слова: женщина-депутат, гендер и властные отношения, гендерные стереотипы, социально-политические управленческие технологии, Якутия.

Для цитирования: Чиряева Л.М. Женщины в системе властных отношений Республики Саха (Якутия) // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 90–99. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.8

Введение в проблему. Активное включение женщин в политику становится важнейшим условием устойчивого развития общества, что нашло отражение в окументе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятом Генеральной ассамблеей в сентябре 2015 года. Среди 17 глобальных целей устойчивого развития одна из ключевых связана именно с гендерным равенством¹. Очевидно, что важнейшим проявлением гендерного равенства является включение и участие женщин в органах власти и управлении, что актуализирует научное изучение и прогнозирование представительности женщин в органах власти всех уровней.

Рассматривая современные социально-политические проблемы и изменения в практике государственной политики и процессах самореализации женщин в системе властных отношений, российский политический и государственный деятель, председатель Союза женщин России Екатерина Лахова отметила, что равноценное участие мужчин и женщин в управлении политическими процессами, по-своему гарантирует принятие сбалансированных, ответственных решений. И поэтому способно обеспечить устойчивое развитие страны, а устойчивость и стабильность – это именно то, что абсолютно необходимо нашему обществу [1, с. 38].

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: Декларация Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения 01.03.2022).

Гендерный подход к анализу социальной реальности предполагает, что гендерные отношения формируются обществом как социальная модель отношений женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в социуме и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.). Гендер выступает как совокупность социальных и культурных норм, предписанных обществом к выполнению человеком в зависимости от своего биологического пола. Не только биологический пол, но и актуальные социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями, а выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли [2, с. 384]. В этой связи отметим, что в современном российском обществе в центре и регионах существуют существенные резервы в достижении необходимого гармоничного равноправия мужчин и женщин в политической сфере. В частности, сегодня женщины в российском обществе недостаточно полно представлены на руководящих должностях и в законодательных органах [3, с. 73–79].

Некоторые особенности гендерной ситуации в Республике Саха (Якутия). По мнению А. Е. Чириковой, решающую роль в успехе женщины во власти в рамках модели постепенного роста играют полученное образование и профессиональные качества. Об этом свидетельствуют материалы ее исследования о том, что женщины-руководители, не обладающие сильным характером, профессиональным любопытством и склонностью к решению трудных задач, не могут удержаться во власти, даже если им удалось на какое-то время подняться на высокую ступеньку во властной иерархии [4, с. 52–70].

Роль образования в формировании политической активности женщин зафиксирована в планах реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы в Республике Саха (Якутия)². Женщины Республики Саха (Якутия) отличаются высоким уровнем образования и значительной экономической активностью. Уровень экономической активности женщин в трудоспособном возрасте составляет 76,4%, доля занятых женщин в общей численности занятого населения – 60,1%. При этом, 38% работающих женщин имеют высшее образование, 37,6% – среднее специальное образование, 21,2% – среднее общее образование, 2,9% – основное общее, 0,2% – не имеют образования. Средний возраст женщины республики составляет 36,4 лет, в том числе жительницы города – 36,7 лет и сельской жительницы – 35,7 лет. При этом средний возраст женщины России составляет 42,6 года, в том числе в городе – 42,6 год, на селе – 42,6 лет. Численность женщин фертильного возраста составляет 238 316 женщин³.

Все большее число женщин самостоятельно реализует проекты в области социального предпринимательства, особенно в сферах дошкольного и дополнительного образования, культуры, оказания социальных, юридических, психологических и иных общественно полезных услуг. Доля женщин, намеревающихся

² О реализации в 2020–2022 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017– 2022 годы в Республике Саха (Якутия) : Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 12 марта 2020 г. N 238-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570716163> (дата обращения 26.02.2022).

³ Источник: официальный сайт Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия). URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3237501> (дата обращения 26.02.2022).

осуществлять предпринимательскую деятельность, ежегодно увеличивается. Активная роль женщин проявляется и в участии в управлении республикой Саха. Согласно административной отчетности за 2020 г. по гражданским служащим, доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской службы и муниципальной службы, составляет 68,4%⁴.

В обществе, где утверждается политическое равенство, граждане независимо от пола должны быть представлены в различных сферах деятельности, в том числе и во властных структурах. Представленность в государственных органах как мужчин, так и женщин, приводит к принятию сбалансированных решений, которые отражают запросы всего населения страны. Цель гендерного равенства – возможность представителям обоих полов на равных правах принимать участие в различных сферах частной и общественной жизни. Исследования показывают, что гендерное равенство является условием и показателем уровня демократического и социально-экономического развития государства и личности. Поэтому особенно важно включать женщин в политический и управленческий процесс на фоне имеющегося консервативного поворота в политическом дискурсе, когда женщинам отводится роль домохозяйек и воспитателей детей [5, с. 34–43].

В Российской Федерации на сегодняшний день не существует специальных законов, направленных на достижение гендерного баланса в органах власти и управления. Как результат, уровень представленности женщин существенно отстает от мировых показателей и составляет порядка 16% на федеральном, 15% на региональном уровнях и около 50% в местных органах власти. Существенное отставание России в плане представленности женщин в органах власти привело к смещению страны с 75 места (в рейтинге 2018 года) на 81 место в общемировых рейтингах 2020-2021 Index Gender Gap⁵.

Среди 22 республик Российской Федерации доля женщин в представительных органах варьируется от 0 до 33%. В среднем, доля женщин, избранных депутатами в регионах, равна 15% (всего депутатов – 1243, женщин 186). Это примерно равно количеству женщин в Государственной думе Федерального собрания РФ – 16% (72 из 454)⁶. Самая высокая доля женщин представлена в региональном парламенте Республики Карелия, в законодательном Собрании VI созыва 12 женщин из 36 (33%). Самый низкий процент женского участия в пропорции демонстрируют органы представительства Чеченской Республики, в парламенте IV созыва Чеченской Республики нет ни одной женщины. В Якутии же имеется достаточное представительство женщин во власти, республиканский парламент представлен 13 женщинами из 69, что соответствует 18% (см. табл. 1).

Исследование гендерных стереотипов в оценках госслужащих Республики Саха (Якутия) помогает оценить способность данного региона к обновлению, модернизации – переходу от традиционного уклада к современному.

⁴ Доклад о государственной гражданской службе Республики Саха (Якутия) в 2020 году // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://ggs.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2021/06/08/files/Доклад%20за%202020%20год.pdf> (дата обращения 26.02.2022).

⁵ Global Gender Gap report 2021. World Economic Forum (official web-site). URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (last request 28.02.2022).

⁶ Депутаты // Официальный сайт ГД РФ. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/7/> (дата обращения 28.02.2022).

Таблица 1

Численность депутатов региональных парламентов

Субъект РФ	Численность депутатов региональных парламентов	Число женщин
Республика Адыгея	53	5
Республика Алтай	41	6
Республика Башкортостан	109	18
Республика Бурятия	32	7
Республика Дагестан	90	8
Республика Ингушетия	32	4
Кабардино-Балкарская Республика	70	14
Карачаево-Черкесская Республика	94	6
Республика Калмыкия	27	5
Республика Карелия	36	12
Республика Коми	30	9
Республика Крым	75	17
Республика Марий Эл	50	8
Республика Мордовия	48	7
Республика Саха (Якутия)	69	13
Республика Северная Осетия	70	8
Республика Татарстан	99	13
Республика Тыва	32	7
Удмуртская Республика	59	8
Республика Хакасия	50	7
Чеченская Республика	40	0
Чувашская Республика	38	5

Источник: по данным Официального сайта ГД РФ.

Республика Саха (Якутия) располагается в Северо-Восточной части Евразийского материка и является самой большой по площади административно-территориальной единицей в мире. Однако, плотность ее населения можно отнести к самым низким в России. По данным Росстата она равна 0,32 чел./км². Общая численность населения Якутии на 1 февраля 2022 года составила 990 538 человек, при этом на долю городского населения приходится 65,45%. В регионе постоянно проживают 423 401 (43,56%) мужчин и 548 595 (56,44%) женщин (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность населения на 1 февраля 2022 года

Территории	Всего человек	Число мужчин	Число женщин
Российская Федерация	146,7 млн	68,1 млн (46%)	78,6 млн (54%)
Республика Саха (Якутия)	990 тыс 538	423 тыс 401 (43,6%)	548 тыс 595 (56,4%)

Источник: по данным Росстата.

Рассматривая аспекты включения женщин в состав регионального и муниципального парламентов, остановимся на вопросе участия женщин в действующих депутатских корпусах Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), который состоит из 69 депутатов, избираемых сроком на пять лет (2018-2023). Из них 34 депутата избираются по одномандатным округам, 35 – по республиканскому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями. Вторым рассмотренным органом власти станет Якутская городская дума IV созыва (2018-2023), которая состоит из 26 человек (из них 9 женщин). Среди 69 депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) 13 являются женщинами, что составляет 18% или почти одну пятую часть от всего депутатского корпуса (см. табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика состава депутатов за 2018 и 2022 гг.

Республиканский и муниципальный уровень	Общая численность депутатов в 2018 г.	Общая численность депутатов в 2022 г.	Число депутатов женщин в 2018 г.	Число депутатов женщин в 2022 г.
Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)	82	69	14	13
Якутская городская Дума	30	28	11	10

Источник: по данным Официального информационного портала Республики Саха (Якутия).

По сравнению с 2018 годом в 2022 году процент женщин-депутатов, участвующих в системе властных отношений, увеличилось на 1,8% в региональном и уменьшилось примерно на 1% в муниципальном парламенте. В целом Республика Саха (Якутия) демонстрирует положительную тенденцию к гендерному равенству, хоть и медленными темпами. Наиболее яркие представительницы женщин-депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Якутской Городской Думы определены по результатам онлайн-опроса от 8 марта 2021 года «10 самых авторитетных женщин политиков в Якутии». В ходе анкетирования получены следующие результаты: на первом месте – председатель постоянного комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций Феодосия Габышева, набравшая 5601 голосов (27%), на втором – Марианна Прокопьева, депутат Якутской городской Думы, директор ООО «Прометей» (26%, 5313 голосов), на третьем – Алевтина Эверстова, депутат Якутской городской Думы, главный врач Поликлиники № 1 (9%, 1879 голосов). В рамках данной статьи обратимся к биографиям и особенностям политического участия женщин в Республике Саха (Якутия) (см. табл. 4).

Анализ показывает, что большинство женщин пришли в политику из бюджетной сферы или сферы государственного управления. Это бывшие учителя, врачи, работники системы ЖКХ. Для большинства из них участие в представительных органах является органическим продолжением работы в форме политической деятельности.

Таблица 4

Женщины-депутаты Государственного Собрания (Ил Тумэн) и Якутской городской Думы

Габышева Феодосия Васильевна	Прокопьева Марианна Трофимовна	Эверстова Алевтина Васильевна
ВУЗ: Магаданский государственный педагогический институт, учитель начальных классов (1977); аспирантура НИИ национальных школ Министерства народного образования РСФСР (1988).	ВУЗ: Инженерно-технический факультет Якутского государственного университета им. М.К. Амосова по специальности инженер по ТГВ (2009).	ВУЗ: Якутский государственный университет, медико-лечебный факультет, врач (1990); Дальневосточная академия государственной службы при Президенте РФ, ГиМУ (2003); Институт управления при Президенте РС (Я), специальность «Управление земельными ресурсами» (2010).
1977–1981 – учительница Сунтарской средней школы №2 Сунтарского района ЯАССР; 1981–1990 – младший научный сотрудник Якутского филиала НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР; 1990–1991 – старший научный сотрудник Якутского филиала НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР; 1991–1992 – ведущий научный сотрудник Якутского филиала Института национальных проблем образования; 1992–1994 – учёный-секретарь Научно-исследовательского института национальных школ Республики Саха (Якутия); 1994–1998 – начальник службы учебно-методического и издательского обеспечения Министерства образования Республики Саха (Якутия); 1998–2002 – начальник отдела обеспечения непрерывности содержания базового образования Министерства образования Республики Саха (Якутия); 2002–2003 – начальник Управления воспитательной работы и дополнительного образования Министерства образования Республики Саха (Якутия); 2003–2010 – министр образования Республики Саха (Якутия); 2010–2014 – заместитель Председателя Правительства Республики Саха (Якутия);	1988–1996 – мастер отделочных работ ОАО «Промстрой»; 2000–2001 – мастер по обслуживанию зданий и сооружений в ООО «Прометей»; 2001–2012 – ведущий инженер теплотехник в ОАО «Водоканал»; с 2012 по н.в. – директор ООО «Прометей +».	1991–1994 – врач поликлиники №1 г. Якутск; 1995–1997 – врач Якутской городской клинической больницы; 1997–1999 – клиническая ординатура Медицинского института ЯГУ; 1999–2000 – врач Якутской городской клинической больницы; 2000–2003 – врач Якутского республиканского онкологического диспансера; 2003–2007 – главный специалист по охране материнства и детства Комитета здравоохранения ОА ГО г. Якутска; с 2008 по н.в. – старший научный сотрудник ЯНЦ СО РАМН; с 2007 по н.в. – главный врач ГБУ РС (Я) «Поликлиника №1».

Габышева Феодосия Васильевна	Прокопьева Марианна Трофимовна	Эверстова Алевтина Васильевна
2014–2016 – министр образования Республики Саха (Якутия); 2016–2018 – первый заместитель министра образования и науки Республики Саха (Якутия).		
С 2018 г. по настоящее время – председатель постоянного комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций (от партии «Единая Россия»).	Депутат Якутской городской Думы IV созыва (по единому избирательному округу от партии «Справедливая Россия») (2018-2023 гг.)	Депутат Якутской городской Думы IV созыва (по Ойунскому избирательному округу № 4 от партии «Единая Россия») (2018-2023 гг.)

Источник: сведения с Официального сайта Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутии) и сайта Якутской городской думы.

Как отмечает О. Г. Овчарова, гендерная асимметрия политики остается одной из ключевых проблем в современном мире. Демократические преимущества получают все же страны с богатейшим политическим опытом и идеями, сформированными ценностями социального равенства – в том числе и апробированными идеями гендерного равенства политики, хотя для его полного достижения потребуется еще не одно столетие [6, с. 16-20].

Представительство женщин в органах власти Республики Саха (Якутия) незначительно, как и в целом по России. На федеральном уровне оно колеблется от 0 до 10%, на региональном уровне от 0 до 25%, на местном – от 20 до 40%. Такое положение демонстрирует, что женщины фактически не попали в сферы принятия решений, т.е. преобладают на нижних этажах власти. Соответственно, гендерные стереотипы мешают женщинам занимать высокие посты, отсутствуют институциональная и законодательная база для участия женщин в политике и обеспечения гендерного равенства. Например, в Боснии и Герцеговине есть меры позитивной дискриминации, национальные законы о гендерном равенстве, гендерном насилии и институциональная база: Агентство по вопросам гендерного равенства, различные центры и комиссии на муниципальном уровне и в парламенте. Особенности традиционного уклада жизни и культуры, как правило, консервируют сложившийся веками образ жизни и роль женщины в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, создают представление о женщине, как о хранительнице очага, матери, жене.

Заключение и выводы. В новом устойчивом мире предстоит найти баланс интересов общества и личности с учетом гендерных особенностей прав и обязанностей каждого человека. Адекватное понимание проблемной ситуации в центре и регионах с учетом вековых гендерных традиций и новые открывающиеся возможности технологических инноваций настоящего и будущего являются стартовой позицией и залогом успеха гендерной политики и практик, в которых наука и политика идут рядом. Сегодня политическая социология показывает, что самая высокая доля женщин представлена в региональном парламенте Республики Карелия: в законодательном Собрании VI созыва 12 женщин из 36 депутатов (33%). Самый низкий процент женского участия в пропорции демон-

стрируют органы представительства Чеченской Республики: в парламенте IV созыва Чеченской Республики нет ни одной женщины. В Якутии же имеется достаточное представительство женщин во власти, республиканский парламент представлен 13 женщинами из 69 депутатов, что соответствует 18%.

Социологические измерения и анализ подтверждают гипотезу, что женщины-депутаты, достигшие успеха во власти, переступают гендерные стереотипы и отличаются новыми навыками и практиками социального и политического управления. Женщины в политике одновременно видят социально-политические проблемы мужским и женским зрением. Для них характерен высокий уровень образования и компетентная профессиональная активность. Женская гендерная природа является гарантией продолжения человеческой жизни на нашей планете. Предстоит ещё многое сделать в политике и социальной сфере, чтобы защитить гарантии достойной жизни женщин, семьи и ребенка, право человека и общества в нашей стране на устойчивое будущее новых поколений.

Проанализировав роль и место женщин во власти, деятельность и биографию женщин-лидеров, руководителей в системе властных отношений в самом северном регионе Российской Федерации – Республике Саха (Якутия), можно сделать следующие выводы:

- В Якутии имеется явный недостаток представительства женщин во власти, республиканский парламент представлен 13 женщинами из 69, что соответствует 18%;
- По сравнению с 2018 годом в 2022 году процент женщин-депутатов, участвующих в системе властных отношений, увеличился на 1,8% в региональном и уменьшилось примерно на 1% в муниципальном парламенте. В целом Республика Саха (Якутия) демонстрирует положительную тенденцию к гендерному равенству, хоть и медленными темпами;
- Женщины-руководители, достигшие успеха во власти, позволяют опровергнуть традиционное представление об ограниченных возможностях женщины-лидера и мнение о меньшей эффективности женского управления по сравнению с мужской моделью менеджмента. Женщины-управленцы во власти достигают успехов не в результате копирования мужского стиля управления, а посредством творческого использования своих способностей, реализации внутренне присущих женщине черт и качеств. Высокообразованные, экономически и общественно активные с имманентно присущей им техникой коммуникации женщины-лидеры в системе властных отношений детально и ответственно подходят к управленческим решениям любой сложности. Они умеют работать в команде, динамично продвигают проекты и программы, тем самым достигают успехов, независимо от гендерных стереотипов, что и показывают биографии женщин-руководителей во властных структурах Республики Саха (Якутия). Результаты исследований подтверждают, что актуальной задачей гендерной социологии и психологии лидерства является научно выверенная постановка задачи для принятия эффективных решений с использованием таких характеристик как образование и профессиональные качества. Исследование особенностей гендерного фактора найдут свое место среди других феноменов лидерства, и в этом плане эта область имеет большой исследовательский потенциал.

Библиографический список

1. Лахова, Е. Ф. Правила игры: равенство возможностей. Государство и политика. М., 2002.
2. Антология гендерной теории / Составители: Е. И. Гапова, А. Р. Усманова. Минск : Прописи, 2000. 384 с. ISBN 985-6329-32-9.
3. Евсеев, И. В. Гендерная асимметрия в государственном собрании (ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-7. С. 73–79.
4. Лапина, Н. Ю., Чирикова, А. Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. № 1 (66). С. 52–70.
5. Великая, Н. М., Овчарова, О. Г. Консервативный поворот российского общества: гендерный акцент // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке. М. : НИИ ЮФО, 2020. С. 34–43.
6. Овчарова, О. Г. Гендерная асимметрия политики: трансформации мировой конфигурации // Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции студентов (Тверь, 21 мая 2019 года). Тверь : Тверской государственный университет, 2019. С. 16–20.

Дата поступления в редакцию: 01.03.2022.

Принята к печати: 14.03.2022.

Сведения об авторе:

Лена Михайловна Чиряева, Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Москва, Россия.
e-mail: lenachiryeva99@mail.ru

L. M. Chiryeva¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

WOMEN IN THE SYSTEM OF POWER RELATIONS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. The article deals with important and topical issues of the gender problem in the system of power relations, a comparative characteristic of the composition of deputies of regional parliaments of the Russian Federation is given. On the example of the northernmost region - the Republic of Sakha (Yakutia), the situation of women in power is analyzed, the comparative characteristics of the occupied share of women in regional and municipal parliaments, as well as their socio-political interests in career growth are described. Biographies of the most prominent representatives of the parliamentarians of Yakutia are presented, an attempt is made to study the participation of women deputies in the political life of the republic. The materials of the official Internet portal of legal information were used as a research method.

Keywords: female leader, power relations, gender stereotypes, management technologies, Yakutia.

For citation: Chiryeva L.M. (2022) *Women in the system of power relations of the Republic of Sakha (Yakutia)*. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. № 1. P. 90–99. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.8

References

1. Lakhova, E. F. (2002) *Pravila igry: ravenstvo vozmozhnostei. Gosudarstvo i politika [Rules of the game: equality of opportunities. State and Politics]*. Moscow (in Russ.).

2. Gapova, E. I., Usmanova, A. R. (eds) (2000) *Antologiya gendernoi teorii [Anthology of gender theory]*. Minsk, Propylaea. 384 p. ISBN 985-6329-32-9 (in Russ.).

3. Evseev, I. V. (2016) Gender asymmetry in the State Assembly (il Tumen) Republic of Sakha (Yakutia). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 1-7. Pp. 73-79 (in Russ.).

4. Lapina, N. Y., Chirikova, A. E. (2010) A woman in power in Russia: career growth and motivation. *Rossiia i sovremennyy mir [Russia and the contemporary world]*. No. 1 (66). Pp. 52-70 (in Russ.).

5. Velikaya, N. M., Ovcharova, O. G. (2020) The conservative turn of Russian society: gender emphasis. In: *Gender resources and the formation of a new gender order in the XXI century*. Moscow, Research Institute of the Southern Federal District. Pp. 34-43 (in Russ.).

6. Ovcharova, O. G. (2019) Gender asymmetry of politics: transformations of the world configuration. *Gender relations in the world of globalization: challenges and prospects* : materials of the International Scientific and Practical Conference of Students (Tver, May 21, 2019). Tver, Tver State University. Pp. 16-20 (in Russ.).

The article was submitted on March 01, 2022.

Accepted on March 14, 2022.

Information about the author:

Lena M. Chiryayeva, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
e-mail: lenachiryayeva99@mail.ru

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС77 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано в печать 18.03.2022 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499)530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru